

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ОБЩЕМ И РОМАНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

*Межвузовский сборник
научных трудов*

ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1988

1094195

В сборнике анализируются проблемы соотношения общего метода и конкретных лингвистических приемов анализа на материале романских языков. Рассматриваются лингвогеографические, сопоставительные, структурно-семантические методы, компонентный анализ, метод обратного перевода. Анализируются лексические, синтаксические и фонетические явления французского, испанского и молдавского языков в сопоставлении с русским и некоторыми другими языками.

Для преподавателей вузов, аспирантов, студентов старших курсов факультетов и институтов иностранных языков.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Воронежского университета.

Научный редактор — доц. Т. М. Велла

Р е д к о л л е г и я:

доц. Т. М. Велла (отв. редактор), д-р филол. наук И. А. Стернин (зам. отв. редактора), преп. Л. И. Кузнецова (отв. секретарь), д-р филол. наук М. А. Воробина, д-р филол. наук Н. М. Малкина, д-р филол. наук В. К. Павел, д-р филол. наук З. Д. Попова, д-р филол. наук Ю. А. Рылов.

М $\frac{4602000000-058}{M174(03)-88}$ 70-88

ISBN 5—7455—0070—0

©
© Издательство
Воронежского университета, 1988

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА В. А. ЛИСИЦКОГО

Профессор В. А. Лисицкий (1915—1976), заведовавший кафедрой французской филологии факультета романо-германской филологии Воронежского университета, обладал широким научным кругозором. В сфере его внимания находились практически все основные разделы французской филологии — фонология, грамматика, лексикология, история языка. Однако особое место в его исследованиях занимают проблемы общего языкознания, которыми он особенно интенсивно занимался в последнее десятилетие своей жизни.

В. А. Лисицкий не мог оставаться в стороне от бурного обсуждения и непримиримых споров о структурализме, проблеме знаковости и системности языка, методологических основах советского языкознания, которые развернулись в отечественной науке о языке в 60-е гг. Именно в сфере этих вопросов и были сосредоточены общелингвистические интересы В. А. Лисицкого в тот период.

Проблемы методологии всегда интересовали ученого. Первой его крупной работой, специально посвященной методологии, является опубликованная в 1958 г. статья «Логический метод Маркса и некоторые вопросы языкознания» (Известия Молдавского филиала АН СССР. № 3), в которой поставлен вопрос об индуктивном характере лингвистического исследования.

Статья «Проблема метода в современном языкознании» (сборник «Вопросы филологии и методики преподавания германских и романских языков». Воронеж, 1968) развивает мысль о необходимости четкого осознания исследователями философских основ применяемых ими методов, о необходимости овладения методом как системой. В статье «Проблема «основных особенностей» французского языка» (Основные особенности французского языка. Воронеж, 1969) В. А. Лисицкий рассматривает теоретическую возможность установления основных особенностей какого-либо конкретного языка. В статье «Марксистский диалектический метод и знаковые теории языка» (Вопросы филологии и методики преподавания германских и романских языков. Воронеж, 1972) автор

соотносит представление о знаке лингвистов 60—70-х гг. с представлением о знаке как знаковой системе в концепции Ф. де Соссюра. Статья «Система и метод» (Вопросы филологии и методики германских и романских языков. Воронеж, 1973) содержит анализ теоретических приемов построения лингвистами моделей языковой системы.

В посмертно опубликованной монографии В. А. Лисицкого «Философские методы и лингвистические приемы исследования» (Воронеж, 1978) в наиболее законченном виде представлена его теоретическая концепция и разрабатывавшийся им на протяжении многих лет методологический подход к анализу языковых явлений, показаны конкретные примеры применения метода в практике лингвистического анализа.

Для большинства работ ученого характерно обостренное внимание к философским основам лингвистического исследования, некоторые из них носили острополемический характер. Как отмечала в предисловии к указанной монографии проф. М. А. Бородина, «будучи по своей натуре ученым новаторского склада, обладающим умом, склонным к полемике, В. А. Лисицкий зачастую не разделял мнения и приемы исследований ряда советских лингвистов из-за отсутствия в них полемического задора, из-за их как бы нейтральности в отношении основного в советском языкознании — его связи с философской методологией марксизма» (с. 3) *.

Полемический характер работ В. А. Лисицкого приводил к известной однозначности оценки им тех или иных теоретико-лингвистических идей и концепций его научных оппонентов, но в то же время в значительной степени способствовал ясности и точности изложения теоретических позиций самого ученого. Анализируя в свете собственной методологической концепции вопрос о языковом знаке, В. А. Лисицкий показывает, что, несмотря на различные вариации, идея о языке как системе знаков в языкознании 60—70-х гг. представляет собой так или иначе концепцию Ф. де Соссюра с небольшими модификациями (1972).

Рассматривая основы концепции Соссюра, В. А. Лисицкий указывает, что у швейцарского ученого понятия языкового знака и системы выступают как априорные, дедуктив-

* В дальнейшем ссылки на указанные в начале статьи работы В. А. Лисицкого приводятся в тексте в скобках с указанием года выхода и страницы.

ные, выведенные из общесемиотической концепции (сравнения с сигналами, шахматами и др.). Советскому языкознанию, по мнению В. А. Лисицкого, необходимо было «отказаться от метода, исходящего из абстрактных понятий, и возвести на его месте концепцию, последовательно идущую от реальных фактов языка» (1972, с. 13). Знаковую теорию языка В. А. Лисицкий рассматривает как следствие идеалистических построений Соссюра. Идеалистический характер знаковой теории языка В. А. Лисицкий видит не в самом понятии знака или системы, а в том, что языку дедуктивно постулируется знаковость как его изначальная сущность, в то время как для языка существенно не то, что его объединяет с другими знаковыми системами, а как раз то, что его отличает. В. А. Лисицкий подчеркивает, что знаковость внесена Соссюром как сущность языка чисто дедуктивно, в то время как в языке важно специфическое, то, что отличает язык от других семиотических систем (1972, с. 23). Семиотика устраняет из объекта его специфику (1973, с. 8), в то время как в марксистской методологии категория существенного включает в себя и понятие специфического (1972, с. 23; 1973, с. 17).

В. А. Лисицкий исследует и проблему материальности языкового знака. Он отмечает, что вопрос об односторонности-двусторонности, о материальной природе знака в языкознании не решен. Он критикует Н. А. Слюсареву, утверждающую, что означающее знака имеет двоякую природу — материальную и идеальную, показывает, что знаковая оболочка должна быть материальна и необходимо применять категории формы и содержания к понятию означающего и означаемого. Знак, по В. А. Лисицкому, является двусторонним явлением, причем знаковое отношение — это отношение в более широкой сфере, в сфере категории формы и содержания (1972, с. 21—23).

В. А. Лисицкий поднимал интересный и нетривиальный для лингвистики вопрос — о «генеральной линии языкознания» (1972, с. 22), «узловой проблеме теоретического языкознания» (1973, с. 24), т. е. фактически — об основном вопросе языкознания. В то же время В. А. Лисицкий предостерегает от выдвижения в качестве основного вопроса проблемы знаковости языка. Вопрос о знаковой природе языка не может быть основным в лингвистике, так как знаковость — лишь один из аспектов языка, не определяющий его сущность.

Лисицкий в своих работах на первое место выдвигает проблему соотношения содержания и формы в языке, и в более широком плане — соотношение материального и идеального. Задачу языкознания он видит в выявлении того специфического, существенного, особенного, что отличает конкретный язык в сфере языкового выражения мысли, составляет его своеобразие.

«*Основные особенности*». Анализируя работы многих романистов, пытавшихся выявить специфику французского языка, В. А. Лисицкий приходит к выводу, что основные особенности языка могут быть выявлены при анализе языка от внешних явлений к его внутренним закономерностям; анализ же, идущий от понятия семиотической системы, не дает возможности выявить эти особенности, поскольку в таком случае реальные факты языка предстают лишь как «тень» его семиотической сущности (1969, с. 25). Формулируя свое понимание основных особенностей языка, В. А. Лисицкий пишет: «Понятие основных особенностей французского языка (в таком случае) идентифицируется как конкретное и частное воплощение субординации явлений и внутренних связей по относительной существенности» (1969, с. 28). В. А. Лисицкий считает, что существенные черты языка выводятся только из практики, т. е. зафиксированного выражения мысли в звуках, лексических и грамматических формах и значениях (1972, с. 22).

Рассматривая вопрос о возможности непротиворечивого описания системы языка (1973, с. 17), В. А. Лисицкий отмечает, что требование непротиворечивости — основное содержание семиотического подхода к языку, в то время как язык, являясь сложным конкретно-историческим явлением, принципиально не обязан иметь непротиворечивое описание. Системно-структурный характер языка, по В. А. Лисицкому, не должен вноситься извне, система должна выводиться из самого языка, из языковой практики — именно тогда лингвист получит адекватную картину языка, где нет «абсолютно четких разграничительных линий», которые обязательны для семиологической системы при ее априорном постулировании языку (1973, с. 17). По мнению В. А. Лисицкого, система языка не является по своей сущности строгой и непротиворечивой, нельзя подгонять ее под некоторую схему и подходить к языку с готовым мнением о его непротиворечивости — это ведет к искажению представления о языке.

Основное место в теоретических исследованиях В. А. Ли-

сицкого занимает проблема метода в языкознании и вопрос о соотношении общего метода с конкретными приемами исследования. В. А. Лисицкого беспокоил «любительский подход» к проблемам методологии, который он отмечал у многих современных ему авторов. Он видел причины этого в недооценке роли методологии со стороны лингвистов, указывал на их нередкие пренебрежительные и иронические суждения о методологии (1968, с. 1—2). Для него неприемлемым является понимание методологии как простого перечня наиболее общих проблем науки. Он остро критиковал М. М. Гухман, которая в качестве основных методологических проблем советского языкознания выделила следующие вопросы: 1) формы проявления социальной природы языка в его структуре, функционировании и развитии; 2) основные вопросы соотношения языка и мышления; 3) определение объекта языкознания; 4) понятие лингвистических закономерностей и изучение типичного в структуре языка и в процессах изменения этой структуры (синхронно-сопоставительная и историческая типология); 5) методика лингвистического исследования и описания. Близкие точки зрения высказывали также В. А. Звегинцев, В. М. Жирмунский (1968, с. 3). В. А. Лисицкий справедливо подчеркивает, что лишь пятый пункт в перечне М. М. Гухман содержит «непосредственно ощутимые реминисценции» методологических понятий, но и в нем не раскрыто понятие методологии.

В. А. Лисицкий, анализируя ряд фундаментальных теоретических работ, изданных Институтом языкознания АН СССР, аргументированно показывает, что их авторы ограничиваются «попытками непосредственно вовлечь в исследование языка отдельные (притом взятые изолированно) категории диалектического метода, — такие, как всеобщая связь явлений, противоречие, количество и качество, форма и содержание, отдельное и общее, вещь и отношение и т. п. Но таким образом ученые в лучшем случае добиваются лишь иллюстрации и подтверждения того обстоятельства, что указанные категории находят свое отражение в лингвистическом материале» (1972, с. 11). В. А. Лисицкий считает, что успеха можно достичь лишь применяя метод в целом. И в своих исследованиях, и в работе со своими учениками — аспирантами и студентами — В. А. Лисицкий постоянно подчеркивал мысль о необходимости для исследователя владеть диалектико-материалистическим методом в целом, а не его отдельными сторонами.

В. А. Лисицкий писал, что в конкретном анализе может потребоваться не весь метод как единое целое, но нужно всегда иметь в виду весь метод, опираться на него как на целое: «Иными словами, общий метод необходимо рассматривать как систему понятий и принципов, которая в конкретном исследовании может использоваться не только целиком, но и частично, хотя представление о методе как о законченной системе должно всегда лежать в основе всякого исследования» (1968, с. 10—113). Эту же мысль он настойчиво проводит и в своей монографии о методе (1978, с. 22—23).

Опираясь на труды Маркса, Энгельса и Ленина, В. А. Лисицкий формулирует сущность марксистского диалектического метода, гносеологическое содержание которого в его изложении заключается в сочетании мысленного расчленения «конкретного целого» на простейшие отношения, «вплоть до самых тощих абстракций», и в воспроизведении конкретного целого в мышлении «как богатой совокупности с многочисленными определениями и отношениями» (1978, с. 15).

Таким образом, диалектический метод, по В. А. Лисицкому, состоит из двух последовательных этапов — расчленения объекта до простейших абстракций и системного представления объекта как целого в мышлении. В. А. Лисицкий подчеркивает высказанную в «Капитале» мысль К. Маркса: «...задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 343). Эта задача, по В. А. Лисицкому, решается на втором этапе диалектического метода исследования — в процессе воспроизведения конкретного целого в мышлении (1978, с. 21), когда устанавливаются существенные особенности, выявляется специфика объекта исследования.

Основными категориями, которыми должен оперировать исследователь при практическом применении диалектического метода, являются категории конкретного и простейшего. Выделяемые и описываемые на первом этапе применения метода, эти категории на втором этапе анализируются с точки зрения их внутренних отношений, т. е. отношений внутри объекта исследования. При этом необходимо установить их иерархию по степени сущности. В. А. Лисицкий формулирует для этого этапа следующую задачу: «установить и представить в виде единой системы связи каждого из элементов «внутреннего движения» с наиболее важным из них. ...Отсюда логично вытекает задача установления иерархии,

или субординации внутренних отношений по их относительной существенности. Нетрудно увидеть, что без такой субординации научное исследование не сможет сколько-нибудь эффективно использовать найденные анализом простейшие внутренние связи (закономерности) для характеристики того целого, которое оказалось исходным пунктом этого исследования» (1978, с. 26).

В. А. Лисицкий подробно разрабатывает конкретные процедуры применения диалектико-материалистического метода в лингвистических исследованиях. В его изложении первый этап применения метода включает следующие «простые элементы»:

1. Наблюдение, которое ведется с целью выяснить «действительное внутреннее движение» наблюдаемых явлений.

2. Формирование представления, т. е. конкретного образа предмета или явления, ранее воздействовавшего на органы чувств; на этом этапе возникает «конкретное целое», подлежащее мысленному расчленению на простейшие абстрактные отношения.

3. Аналитическое расчленение изучаемых предметов на составные части.

4. Классификация частей по чисто внешним признакам.

5. Ограничение, т. е. выделение элементов предмета в качестве объекта непосредственного исследования.

6. Мысленный анализ представления о конкретном целом, выделяющий простейшие отношения предмета вплоть до «самых тощих абстракций».

7. Сравнение, раскрывающее сходства и различия, т. е. диалектические противоречия внутри изучаемого явления.

Второй этап применения общего метода — воспроизведение конкретного целого в мышлении — включает такие элементы:

1) синтез — соединение простейших отношений, подлежащих субординации по существенности;

2) сравнение, необходимое для этой цели;

3) конкретизацию — определение условий, при которых проявляются внутренние отношения (закономерности) в поверхностных явлениях;

4) генерализацию — представление внутреннего движения во всеобщей форме;

5) субординацию элементов конкретного целого по их относительной существенности;

6) проверку практикой истинности воспроизведения конкретного целого (1978, с. 38—39).

В. А. Лисицкий подчеркивает, что анализируемый им метод в результате научного анализа может быть сведен «в конечном счете к совокупности элементарных приемов, каждый из которых специфическим образом (в зависимости от конкретных условий исследования) используется для выполнения задачи науки» (1978, с. 40).

Анализируя различные используемые в языкознании общие методы и приемы, В. А. Лисицкий постоянно указывает на необходимость «гармонии между общим методом и специальными приемами в реальной науке» (1978, с. 48), предостерегая исследователей от эклектики в применяемых методах и призывая постоянно анализировать свои методические приемы с точки зрения общего метода, из которого они вытекают.

Важным аспектом метода, описываемого В. А. Лисицким, является этап установления иерархии изучаемых элементов по степени их относительной существенности. В. А. Лисицкий предлагает ряд конкретных критериев, позволяющих проделать эту процедуру:

- 1) специфичность элемента для изучаемого объекта;
- 2) исходный характер элемента (что выражается в наличии в объекте производных от него элементов);
- 3) употребительность;
- 4) роль элемента в широко понимаемой практике (1978, с. 67).

Дальнейшие перспективы развития диалектико-материалистического метода в языкознании В. А. Лисицкий видел в воплощении этого метода в практических навыках и приемах исследования, что должно, по его мнению, привести к постепенному сокращению этапа расчленения целого (вернее, к «автоматизации» этой процедуры у исследователей) и к концентрации внимания исследователей на втором этапе метода — целостном восприятии объекта (1978, с. 78).

В своих полемических работах В. А. Лисицкий, как может показаться, иногда был излишне категоричен, например, в отрицательной оценке знакового подхода к языку. Однако сущность его возражений была направлена не против самого знакового подхода, а против попыток лингвистов, пользующихся этим подходом, отойти от реальных фактов языка, свести язык к упрощенной схеме. Он всегда стоял за конкретные исследования, за эмпирический путь к сущности, за фак-

ты. Критикуя попытки свести сущность языка к его семиотической природе, В. А. Лисицкий в то же время указывал на «очевидные связи языкознания и семиотики (как и объектов их изучения), подлежащие, разумеется, тщательному изучению и в теоретическом анализе и в практических исследованиях» (1972, с. 23); писал о «полезности и правомерности использования в науке» понятия знаковости (1972, с. 21; 1973, с. 24).

Несмотря на полемический характер многих работ В. А. Лисицкого, его концепции и научной практике всегда была свойственна большая научная толерантность. В работе 1973 г. он писал, что возможны разные описания одного и того же явления — язык бесконечен, сложен, и разные его описания будут относительными истинами, приближающими нас к познанию сущности языка: «важно лишь, чтобы все эти описания руководствовались правильным научным методом (с. 18). Здесь же, изложив свое понимание метода (с. 11), В. А. Лисицкий пишет: «следует особо подчеркнуть, что такое использование положений общего метода в конкретных трудах не является ни единственно возможным, ни исчерпывающим».

В целом общелингвистическое кредо В. А. Лисицкого может быть сформулировано следующим образом: исследовать конкретные факты языка на основе четко осознанного исследователем общего диалектико-материалистического метода, выявляя на конкретном материале сущность языковой системы, не навязывая языку понятие сущности; выявлять специфику языка как особого явления.

Основные теоретические положения, высказанные проф. В. А. Лисицким, сохраняют свое значение и сейчас. Это был один из первых советских лингвистов, вплотную занявшийся проблемой методологии в современном языкознании. Основной отличительной чертой методологической концепции ученого является соединение общеметодологических положений с конкретными разработками применения общего метода к конкретному лингвистическому материалу, в постоянном стремлении воплотить на практике основное содержание марксистского диалектического метода.

Именно постоянное внимание В. А. Лисицкого к исследовательской практике, забота о реализации метода в конкретных исследованиях, чтобы рассуждения о методе в языкознании не сводились только к языковым иллюстрациям основных положений теории и гносеологии марксизма, а реально воплощались в деятельности лингвистов, отличало его теорети-

ко-методологическую концепцию от концепций многих исследователей 60-х гг.

В начале 80-х гг. интерес к философско-методологическим проблемам лингвистики значительно возрастает. Одна за другой выходят монографии: Язык и идеология. Киев, 1981; Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982; Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. Киев, 1982; Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982; Лазарев В. В. Философия и лингвистика. Ростов н/Д, 1983; Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983; Современная идеологическая борьба и проблемы языка. М., 1984.

В рукописи * посмертно опубликованной монографии «Философские методы и лингвистические приемы исследования», подготовленной в начале 70-х гг., В. А. Лисицкий писал со свойственной ему страстностью: «Установки на приобретение к марксистской методологии, исходящие, например, из лингвистических центров АН СССР ... отличаются крайней рыхлостью и аморфностью, так как по существу не предусматривают сколько-нибудь конкретного и последовательного воплощения общеметодологических принципов в анализе частных проблем» (с. 74). К сожалению, и во всех названных работах, вышедших десятилетие спустя, наблюдается тот же отрыв теории от практики. Проблемы методологии рассматриваются чисто абстрактно, иллюстративно, без попыток их конкретного перевода в исследовательскую практику, приближения к реальным потребностям исследователей.

Все это еще раз свидетельствует об актуальности работ В. А. Лисицкого, о необходимости освоения в отечественном языкознании его теоретической концепции.

* Монография была, к сожалению, издана в 1978 г. в сильно сокращенном виде — в нее не вошли первые четыре главы рукописи.

ФИЛОСОФСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД

Слова «методология» и «метод» имеют общую часть и по звучанию, и по значению (греч. *μεθοδος* — многозначно, это и путь исследования или познания, и теория, учение). Это объясняет недостаточно четкую дифференциацию понятий, стоящих за терминами «методология» и «метод», и возможность взаимной замены этих слов во многих случаях употребления. Вот несколько примеров из Философского энциклопедического словаря (М., 1983. Далее ФЭС).

Метод — способ построения и обоснования системы философского знания; совокупность приемов и операций практ. и теорет. освоения действительности (с. 364).

Методология — система принципов и способов организации и построения теорет. и практ. деятельности, а также учение об этой системе (с. 365).

Из этих определений легко выделяется общая часть: совокупность приемов и операций...; система принципов и способов...

Различия наиболее отчетливо проходят по таким признакам: метод — способ построения... знания; методология — учение о системе... способов...

По общей части значения в тексте Словаря термины «методология» и «метод» нередко употребляются один вместо другого.

В статье «Метод»: Для марксистско-ленинской философии в качестве филос. М. выступает материалистич. диалектика (с. 364).

В статье «Методология»: Конструктивная роль материалистич. диалектики как М. состоит в том, что она показывает... (с. 367).

В статье «Диалектический материализм»: Диал. материализм... всеобщий метод познания мира (с. 159). Д. М. дает единственный научный метод познания... (с. 162).

В статье «Философия»: По своим функциям марксистская Ф. есть последовательно науч. филос. мировоззрение, а также общая методология познания объективного мира и революционного действия (с. 726).

Как видно из этих немногих примеров, диалектический материализм называется всеобщим методом познания мира и общей методологией познания объективного мира; материалистическая диалектика — философским методом и методологией и т. д.

От философской методологии философы отличают методологию конкретной науки, разграничивают метод философский, методы общелогические и частнонаучные¹. Философская методология вырастает из философской теории, мировоззрения. Так, в статье «Методология» читаем: «Мировоззрение выступает как предпосылка и основание М., поскольку материалистической диалектике присуще единство мировоззрения и методологич. функций» (ФЭС, с. 366).

Таким образом, в философии можно различать: *мировоззрение* — философское учение, теорию; *методологию* — учение о методах познания мира, совокупность установок о том, что, с какой целью и как изучать; *методы* — конкретные способы изучения мира. Соответственно и в конкретной науке должно разграничивать: 1) научную теорию, учение о предмете данной науки; 2) методологию — учение о методах данной науки, совокупность установок о том, что, с какой целью и как изучать, чтобы этой цели добиться; 3) методы — конкретные способы и приемы изучения предмета данной науки.

У каждой философской системы складывается своя методология, поскольку именно теория определяет, что следует изучать, зачем и каким образом. Идеалистическая методология рекомендует изучать дух (в разных вариантах — дух объективный, субъективный и т. п.), материалистическая — материю. Метафизическая методология удовлетворяется статичным изучением мира в его фрагментах, диалектическая методология нацеливает на изучение мира в движении и развитии, в борьбе противоречий. В разных философских системах установки на предмет, цели и методы изучения мира оказываются в разных соотношениях, поэтому сколько философских учений, столько и методологических разновидностей.

Философской методологией советской науки является методология диалектического материализма, нацеливающая ученых на изучение материального мира как единой системы, в которой обнаруживается всеобщая взаимосвязь предметов и явлений на основе действующих в мире внутренних противоречий.

От философии через ее методологию проходит линия связи с теорией, а затем и с методологией конкретной науки.

Что выбрать для изучения, например, языковой деятельности человека, что искать в ходе этого изучения, — от этих установок зависит и выбор методов, которыми исследователь будет пользоваться.

Изучение истории науки показывает, что связь между философскими взглядами ученого и методами, которыми он пользуется в своей исследовательской практике, не прямая и не жесткая, так как она опосредована философской методологией и конкретно-научной теорией, но вполне очевидна.

Философская методология определяет предмет изучения и направление его исследования. Конкретно-научная методология подводит к разработке и выбору соответствующих общелогических и частных методов для решения поставленных задач.

Как известно, в языкознании частные методы начали создаваться только в XIX в. Каждая группа методов создавалась для решения задач, вытекавших из общетеоретических основ понимания сущности и аспектов языковой деятельности человека. Методы сравнительно-исторического исследования были разработаны для выяснения родственных связей между языками мира и закономерностей исторического развития языков. Серию методов для выявления системной организации языка разработали в XX в. представители структурализма. Для обработки языка на ЭВМ с середины XX в. создавались математические методы изучения языка.

По мере появления новых методов между их создателями нередко вспыхивала острая полемика. Одни методы культивировались как единственно верные, единственно научные, другие ниспровергались как ложные, ненаучные, буржуазные и т. п. В ходе полемики конкретные частные методы познания той или иной стороны языковой деятельности человека смешивались с философской методологией, которую признавал лингвист. Из этих споров родилась проблема методов изучения языка: как оценить эффективность или неэффективность того или иного метода в решении той или иной лингвистической задачи.

Из того, что сказано выше, следует, что было бы неправильно прямолинейно выводить оценку частного лингвистического метода из философской методологии, принимаемой ученым. Для оценки частного метода недостаточно знать только философские позиции лингвиста. Не менее существенно знать основания его лингвистической теории, задачи, которые он стремится решить своим методом.

Лингвистическая теория — чрезвычайно важное звено между философской и конкретно-научной методологией. Она может как скорректировать пороки философской методологии, так и свести на нет ее достоинства.

В период становления советского языкознания бытовало мнение академика Н. Я Марра, что сравнительно-исторический метод, созданный учеными XIX в. в буржуазном обществе на основе идеалистической и метафизической философии, является ненаучным. Зато «палеонтологический» метод Марра, требовавший анализа по четырем элементам (сал, бер, йон, рош) любых слов любых языков, объявлялся истинно научным, марксистским только потому, что в годы Советской власти Марр изучил марксистскую диалектическую методологию и часто цитировал классиков марксизма-ленинизма.

Рассмотрение результатов, полученных тем и другим методом, показало, что методы сравнительно-исторического языкознания дали большой фактический материал, позволивший получить представление о семьях родственных языков, о языковых контактах, о характере сходств и различий в системах разных языков мира. Представители немецкой младограмматической школы создали эффективные методы изучения фонетических изменений путем сопоставления лексем разных языков по составу фонем в рамках звуковых соответствий с учетом вероятных семантических переходов. Они разработали методы изучения изменений по аналогии, объяснившие многие механизмы функционирования языков, и ряд других. Это стало возможным, потому что в научной теории младограмматиков наряду с идеалистической идеей души, с метафизической изоляцией жизни «души» от жизни человеческого общества присутствовала диалектическая идея системной организации языковых «представлений» в «душе» индивидуума и постоянного движения и развития «представлений» в «организме» языка.

«Палеонтологический» метод Марра был основан на фантастической гипотезе происхождения всех языков мира из одних и тех же четырех элементов. Несмотря на изучение марксистской философии и методологии, Марр не смог построить научно обоснованной лингвистической теории. «Метод», придуманный им для подтверждения фантастической гипотезы, и сам оказался способным порождать только фантастические этимологии и теоретические мифы.

Как следует из сказанного, лингвистическая теория младограмматиков скорректировала пороки их философской мето-

дологии, а лингвистическая теория Н. Я. Марра свела на неценность провозглашаемой им на словах теории диалектического материализма. И все-таки в той мере, в какой философская методология определяет лингвистическую теорию, она не может не отразиться на выборе методов, на их эффективности, на ценности получаемых с их помощью результатов. Даже исследователь-эмпирик в приемах сбора фактического материала на уровне наблюдения «выделяет то, что считает существенным, вычленяет общее, повторяющееся, обобщает, классифицирует»².

Иллюстрируя эту мысль, соотнесем философские системы и философскую методологию выдающихся ученых-языковедов с их лингвистической теорией и конкретно-научными методами изучения языка³.

Основоположник теоретического языкознания Вильгельм Гумбольдт разделял философию Гегеля. Признавая движущей силой мира и, в частности, языка — дух, Гумбольдт видел вечное движение, развитие, диалектическое взаимодействие противоположностей в «организме» языка. Это позволило ему, отдавая пальму первенства изучению «духа» языка, сформулировать, по существу, все важнейшие проблемы теории языка: язык и народ, язык и мышление, язык и речь, речь и понимание, индивидуальное и коллективное, субъективное и объективное, внешняя и внутренняя форма языка. Но оставаясь идеалистом, Гумбольдт поставил и ложную проблему: божественное и человеческое в языке, которую он сам считал неразрешимой.

На основе диалектической теории Гумбольдта формировались методы сравнения разных языков, нацеленные на выявление общего и национального («внутренней формы» каждого языка), на разграничение внешней и внутренней формы в языке, и, в частности, один из фундаментальных методов типологической классификации языков по морфологической форме слова.

В то же время поиски «народного духа», будто бы определившего своеобразие «внутренней формы» языка и являющегося чем-то изначальным, заняли много времени и сил у последователей Гумбольдта и не привели к желаемым результатам, так как любой «дух», в том числе и «народный», — это порождение мыслительной деятельности людей в ходе познания ими окружающей действительности.

Диалектическая сторона методологии Гумбольдта обеспечила научную ценность основных результатов его творче-

ства; идеалистические компоненты его теории и в области лингвистической методологии оказались бесплодными.

А. А. Потебня, создавший глубоко диалектическую теорию взаимосвязи языка и мышления, опиравшийся на высшую форму домарксовского материализма — философию русских революционных демократов, разработал оригинальные и эффективные методы изучения истории синтаксических конструкций языка. А. А. Потебня исходил из признания опережающего развития мышления, определяющего развитие языковой семантики и приведение в соответствие с ней языковой формы. Ученый рассматривал семантику сочетаний слов в разных контекстах в разные периоды развития языка и в сравнении с аналогичными фактами родственных языков. Определяя более ранние и более поздние наслоения в синтаксисе, А. А. Потебня устанавливал их относительную хронологию и выяснял важнейшие тенденции развития синтаксического строя языков. Эта методика *, требующая от исследователя обширных лингвистических познаний и большого теоретического кругозора, еще не вполне освоена современными синтаксистами.

И. А. Бодуэн де Куртенэ на основе материалистической физиологии конца XIX в. (И. М. Сеченов, И. П. Павлов) одним из первых среди лингвистов сказал, что без мозга нет психических явлений. Глубоко понимая природу языковых процессов как формы деятельности человеческого мозга, он открыл существование фонемы как психического образа звука, разработал методы установления фонетических чередований, морфологического членения слов в синхронии и диахронии, впервые указал на количественные характеристики языка и важность математических методов его изучения.

Ценная лингвистическая методология А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ еще не получила, на наш взгляд, исчерпывающего монографического описания именно как отдельный аспект их научного творчества.

Отсутствие в методологии ученого диалектического начала неминуемо ведет к метафизическим приемам исследования. Изучаемые элементы грубо «вырубаются» из тех систем, в которых они существуют и развиваются. Ф. де Соссюр, благодаря теоретической идее о системном устройстве языка и

* Методику мы понимаем как совокупность методов и приемов, выполняемых в строго заданной последовательности для решения одной исследовательской задачи.

постулированию категории языковой значимости знака в системе, открыл новое направление в развитии мировой лингвистики и становлении методов оппозитивного анализа языковых единиц.

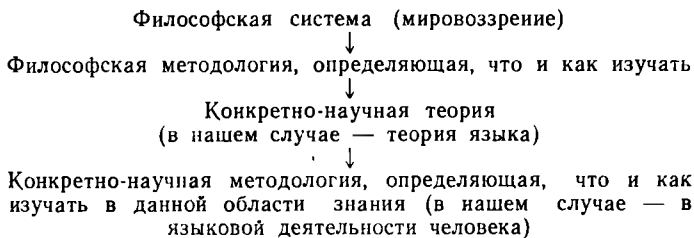
Вместе с тем, добиваясь четкости в установлении границ системы языка как основного предмета изучения лингвистики, Соссюр предложил отделить ее от речи, речевой деятельности, от социологических воздействий, от диахронических подходов. Эти установки породили поток работ, авторы которых упорно, но бесплодно искали методы и приемы определения границ между системой языка и речью, между диахронией и синхронией, между внутренними и внешними законами развития и функционирования языка. Задача найти такие методы — неразрешима, ибо фактически таких границ нет, языковая деятельность человека едина, хотя и многоаспектна. С позиций диалектической методологии сама постановка подобной задачи невозможна.

Метафизический теоретический постулат Л. Блумфильда и его последователей — американских дескриптивистов о том, что значение языковых форм не составляет предмета изучения лингвистов, которые должны регистрировать и описывать только сами формы, привело к поискам разнообразных методов изучения языковой формы. Некоторые из этих методов, в частности дистрибутивный анализ, оказались результативными, поскольку в них значение фактически учитывалось: оно имелось в языковом сознании информантов — носителей языка, участвовавших в определении границ между формами и возможностями их сочетаемости. Но в то же время десятки и сотни лингвистов в Америке и Европе строили схемы и формулы из языковых форм, добиваясь «удобства» и «простоты» их описания и не заботясь о коррекции своих построений значениями этих форм. В большинстве случаев полученные схемы никакой теоретической и практической ценности не имели.

С позиций диалектической методологии сама идея о возможности изолировать языковую форму от ее значения представляется абсурдной: если языковая форма зачем-либо создается и существует, то только для того, чтобы быть представительницей некоторого языкового значения.

Итак, жесткой связи между философской методологией ученого и частными методами изучения языка, применяемыми ученым в своей работе, нет. Но нежесткая, опосредован-

ная, связь между философской методологией и частными методами изучения языка совершенно очевидна. Иерархию и звенья этой связи можно представить так:

В методологиях определяются конкретные методы философского познания мира и конкретные методы изучения отдельного предмета науки. Для языкознания методологией является учение о методах изучения языка. Методики включаются в конкретную научную методологию как описания алгоритмов исследования при решении одной исследовательской задачи.

Правильная философская методология, претворенная в конкретно-научную теорию, ведет и к правильному выбору общих и частных методов, приемов и методик исследования, а следовательно, и к раскрытию объективных закономерностей развития и функционирования языка.

Ложная философская методология ведет к искаженному отражению изучаемого объекта в конкретно-научной теории, порождает неэффективные, бесплодные методы исследования, ведет к расточительным затратам научных сил на создание методик, дающих негативные или ложные результаты, неизбежно опровергаемые дальнейшим развитием науки.

¹ Джиджян Р. З. Процесс научного поиска: структура, этапы и средства // *Вопр. филос.* 1986. № 1. С. 87—88.

² Ойзерман Т. И. Эмпирическое и теоретическое: различие, противоположность, единство // *Вопр. филос.* 1985. № 12. С. 51.

³ О каждом из этих ученых написано много работ. В сжатом виде о них см.: Березин Ф. М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. М., 1979.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ И ПРАКТИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

История научного познания подсказывает, что связь диалектического метода с научно-научными выражается двояко: 1) диалектический метод, взятый в целом, дает общее направление научного исследования; 2) диалектический метод, взятый в отдельных своих проявлениях, обеспечивает взаимосвязь многих логических операций, приемов и методов в процессе научных исследований. В. А. Лисицкий, много занимавшийся проблемой метода, указывал, что методологический анализ необходимо начинать с метода Маркса¹.

Логический (аналитический) метод исследования у Маркса не есть некий самостоятельный метод наряду с диалектическим методом. Это — сторона, часть или аспект материалистической диалектики, конкретизированный для исследования капиталистического способа производства. Разработанный Марксом специально для политической экономии, этот способ имеет общее значение для всякого научного исследования.

К. Маркс в ответ на замечание одного из критиков о том, что он, Маркс, в эмпирическом материале «движется на редкость свободно», пишет в письме к Кугельману, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как парфраз определенного метода изучения материала — именно диалектического метода»².

Аналитический (диалектический) метод есть, по Марксу, такой метод исследования действительности, при котором мысль идет от абстрактного к конкретному. В методологическом «Введении» 1857 года Маркс определил «метод восхождения от абстрактного к конкретному» как единственно возможный способ мышления, которым осуществляется теоретическое (научное) отражение действительности в голове человека. «...Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное»³.

А чтобы «воспроизвести духовно конкретное», надо его иметь в качестве исходного, т. е. исходным пунктом может выступать только конкретное, так как абстракция является

результатом переработки в мышлении чувственных образов и представлений. Процесс научного познания действительности осуществляется двумя диалектически взаимосвязанными и взаимопредполагающими путями: восхождением от конкретного, данного в восприятии и представлении, к абстракции и восхождением от абстрактного к конкретному. «На первом пути, — пишет Маркс, — полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления» (там же).

Маркс строго различает конкретное как изучаемый объект, чувственное его восприятие, и конкретное как научное знание, понятие о нем. Первое с точки зрения теории познания является первичным и определяющим по отношению к знанию о нем. Второе — результат научного исследования, отражение действительности в системе понятий и категорий, теоретическое осмысленное единство многообразного в объекте исследования.

Действительно, если иметь в виду процесс познания, то в мышлении конкретное отражается дважды. Исходным пунктом познания является объективная конкретная действительность. Видимость и доступность конкретного на чувственной ступени познания оплачивается ценой незнания сущности конкретного и, следовательно, непосредственная доступность его сопровождается элементами обманчивого, иллюзорного, нередко глубоко ошибочного понимания явлений.

Итак, исходным пунктом выступает конкретное, понимаемое как некоторое многообразно расчлененное внутри себя целое, данное созерцанию и представлению. Не множество и не многообразие, а единство многообразия, т. е. единое во всех своих частных и особенных проявлениях целое оказывается, с точки зрения Маркса, объектом деятельности мышления. И это целое должно «витать перед нашим представлением как предпосылка» всех последовательно совершаемых актов анализа (там же, с. 728).

Поскольку диалектический метод имеет аналитико-синтетический характер, анализ и синтез — стороны диалектического метода познания. Маркс с особой силой подчеркивал значение диалектики как метода проникновения в сущность явлений, метода анализа действительности и ее воспроизведения в логике понятий.

Значит, познание начинается с аналитического процесса, который состоит в «разложении данного предмета, обособле-

нии его различий и сообщении им формы абстрактной всеобщности».

Если аналитическая фаза процесса познания совершается в форме перехода чувственно-конкретного в абстрактное, то следующая фаза, синтетическая — переход абстрактного в конкретное. Это путь синтеза, синтетического выведения из исходной абстракции всего конкретного многообразия явления. Ведь абстракция не самоцель, а средство, способ познания явлений в их конкретности. Поэтому, когда достигнута необходимая ступень абстракции, когда вскрыты сущность, закон явлений, мысль начинает двигаться в обратном направлении, от абстрактного к конкретному с целью отражения конкретного на основе постигнутого абстрактного.

Маркс во фрагменте «Метод политической экономии» воссоздает этапы процесса познания объективной реальности: «...Если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями» (с. 726).

Механическое использование метода приводит к вульгаризации и упрощенчеству. Действия законов проявляются по-разному в каждом конкретном случае, поэтому применение диалектического метода является творческой задачей.

Попытаемся обобщить опыт применения марксистского диалектического метода при подходе к изучению конкретного лингвистического материала, в частности терминологии. Нужно отметить, что недооценка использования марксистского диалектического метода в изучении лингвистических систем может служить тормозом для глубокого внедрения логического способа исследования в эту область.

Методологические установки, резюмирующие действенную сторону марксистского диалектического метода для исследования конкретного лингвистического материала, разработаны доктором филологических наук проф. В. А. Лисицким. Они были использованы преимущественно в романистике, а теперь применяются и к материалам германской группы языков.

Поскольку исходным пунктом нашего исследования являются конкретные лингвистические факты, то мы, естественно, начали изучение с изображения интересующего нас материала как конкретного целого, т. е. с описания его внешних поверхностных отношений, доступных непосредственному наблюдению. Иными словами, такой подход и означает выполнение первой задачи науки, которая состоит в том, чтобы «видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...» (Маркс, т. 25, ч. I, с. 343). Именно из этого определения задачи науки с необходимостью вытекает и соответствующий общий метод, при помощи которого осуществляется указанное введение внешнего движения к внутреннему.

Сущность этого метода заключается в том, что всякий исследуемый предмет (для нас это будет совокупность терминов сахарного производства) рассматривается как конкретное целое, подлежащее последовательному расчленению на простейшие элементы.

При восхождении от конкретного к абстрактному мы имеем дело с механическим расчленением объекта исследования (массы терминов сахарного производства) на различные мелкие части и элементы: совокупность формальных признаков, характеризующую указанную терминологию в целом (лексические единицы, простейшие формы, формальные переходы, формальные процессы), и серию семантических процессов, выражающих ее внутреннее содержание (социальные связи, внутрилингвистические связи).

В результате анализа нами последовательно выделены конкретные лексические единицы, которыми передается терминология — простые слова, сложные слова, словосочетания, сокращенные формы — и простейшие (формальные) лексикограмматические элементы термина, в которых осуществляется развитие терминологии и ее функционирование в современном языке — основа и корень слова, аффиксы, флексия, артикль, предлог. Внутренние отношения более глубокие, чем связи, передаваемые простейшими элементами термина, представляют собой формальные переходы, которые обнаруживаются непосредственным сопоставлением исходных элементов и конечного результата, т. е. термина как единицы, полученной соединением элементов.

Еще более глубокие и абстрактные связи обобщаются в понятии формальных процессов — словообразовательных, синтаксических, конверсивных, сокращений. В результате

анализа были выделены в чистом виде простейшие отношения, резюмирующие концептуальное содержание терминологии. По своему характеру они делятся на две основные группы: социальные связи и внутрилингвистические отношения. Содержание социальных связей передается такими понятиями, как общенародность, общенаучность, специализация, предметность, действительность и качественность. Внутрилингвистические отношения фиксируются серией понятий, характеризующих семантику изучаемой терминологии: сужение значения слова, перенос значения слова, собирательность, временные аспекты и т. д.

В методологическом отношении это расчленение и означает выполнение первой задачи науки. Следует подчеркнуть, что такой анализ представляет собой только предпосылку (часто совершенно необходимую) для того, чтобы проникнуть во внутреннюю структуру материала. Кроме того, этот общий метод не только выводится из исходного понятия задачи науки, но может быть извлечен в своих основных чертах, например, из реальной истории исследования терминов этой отрасли производства. Нетрудно увидеть, что на первых этапах функционирования и изучения терминологии (в трудах производственников XIX в.) мы имели дело с чисто внешними описаниями конкретных отраслевых терминов. И лишь позднее стали появляться такие «простейшие отношения», как моносемия, полисемия, отношения в системе («системные отношения»), исторические связи терминов и др., которые выводились не только из одной терминологии, но и из совокупности всех терминологий, а отчасти из лексического материала вообще. Вся история изучения термина может быть в этом случае представлена *mutatis mutandis* как логический процесс сведения внешнего движения к внутреннему.

Непосредственное же сведение внешнего движения к внутреннему осуществляется при помощи восхождения от абстрактного к конкретному, в процессе которого вскрываются и исследуются внутренние закономерности терминологии.

Вторая задача науки состоит в том, чтобы объяснить, каким путем найденные отношения проявляются в конкретном целом, которое предстает теперь перед исследователем не как хаотическое скопление фактов (что характерно было при первом подходе к материалу), а как «познанная богатая совокупность с многочисленными определениями и отношениями». Исследование на этом этапе идет в обратном на-

правлении: от простейших отношений, вскрытых анализом, к конкретному целому. После того как анализом были выделены простейшие отношения концептуального содержания (расширение значения слова, сужение значения слова, абсолютность, относительность, тропичность и т. д.) и установлена иерархия по их относительной существенности, исследование пошло в обратном направлении, и при помощи анализа второго рода было выяснено, как найденные отношения проявляются в конкретном целом (серии семантико-структурных типов), т. е. практически весь этот переход воплотился в новой классификации материала.

При восхождении от конкретного к абстрактному устанавливается схема, восхождение от абстрактного к конкретному членит схему и выявляет связи между явлениями, материал группируется по таким типам, в основе каждого из которых лежит пучок лишь ему одному свойственных внутренних связей (закономерностей).

Нетрудно увидеть, что основу семантико-структурных типов терминологических единиц составляют теперь не формальные признаки конкретных единиц, а простейшие связи (точнее, пучки этих связей) концептуального содержания, субординированные по их относительной существенности. Так, всеобщее понятие сужения, доминирующая роль которого вытекает из самой сущности терминологии, преломляется в 42 семантико-структурных типах не непосредственно, а через серию более конкретных (по сравнению с сужением) отношений: абсолютность и относительность, тропичность и атропичность, конденсация и т. д.

Все эти общие категории передают лишь наиболее широкие внутренние отношения и служат предпосылкой для выделения во всей совокупности конкретных фактов лишь более или менее крупных группировок: абсолютно тропичной, абсолютно атропичной, относительно атропичной. Все богатство и разнообразие внутренних связей передается серией более конкретных понятий: метафоричность, метонимичность, функциональность, агентивность, ономастичность, процессуальность, предметность, квалификативность.

Исходя из фактического материала и в соответствии с критериями существенности, мы установили субординацию семантико-структурных типов, в основе которых лежит установленная ранее градация простейших внутренних отношений по существенности. Полученная субординация семантико-структурных типов и означает представление интересу-

ющей нас терминологии как «богатой совокупности с многочисленными определениями и отношениями».

Иными словами, весь конкретный материал, с которого начиналось исследование (и который выглядел при первом подходе как хаотическое скопление фактов), теперь оказывается расклассифицированным в соответствии с наиболее важными простейшими отношениями, лежащими в основе терминологии сахарного производства.

В итоге целое, обрисованное вначале лишь контурно, схематично в общем виде, представляется в сознании как внутренне расчлененное целое, т. е. как конкретно понятое целое, как верно отраженная конкретность.

¹ См.: Лисицкий В. А. Система и метод // Вопросы философии и методики преподавания германских и романских языков. Воронеж, 1973.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 572. В дальнейшем ссылки на К. Маркса даются в тексте.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

В. К. ПАВЕЛ

Институт языка и литературы АН Молдавской ССР

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НОМИНАЦИИ

Значительная часть научных трудов доктора филологических наук профессора Виктора Афанасьевича Лисицкого связана с восточнороманским языкознанием вообще и молдавской диалектологией в частности.

К проблемам лингвистической географии и диалектологии Виктора Афанасьевича привела необходимость использования конкретных данных живой речи при рассмотрении исторических процессов звукового развития интересующих его языков и проверки выдвинутых им теоретических положений в русле сравнительно-исторического языкознания. Уже в одной из первых своих работ на эту тему, опубликованной в 1954 г. на страницах журнала «Вопросы языкознания», В. А. Лисицкий указывал на то, что построение исторической фонетики молдавского языка возможно только при наличии всесторонних знаний народных говоров¹.

В последующие годы В. А. Лисицкий, наряду с Р. Я. Удлером, Р. Г. Пиотровским, В. С. Сорбалэ и др., принимает непосредственное участие в разработке ряда теоретических проблем «Молдавского лингвистического атласа» (МЛА) и установлении принципов составления программы-вопросника упомянутого выше атласа. Он является одним из авторов Вопросника МЛА². Диалектологические материалы широко используются ученым-романистом в его обобщающем труде «Вопросы сравнительно-исторического изучения балкано-романского вокализма», который в 1961 г. В. А. Лисицкий представил и защитил как докторскую диссертацию в Институте языкознания АН СССР.

Следует подчеркнуть, что именно с изданием «Молдавского лингвистического атласа» (1968—1973. Т. 1—2, ч. 1—4) связаны основные исследования в области молдавской лингвистической географии. Атлас составлен в АН МССР на основе материалов, собранных методами полевой анкеты в 1957—1965 гг. Объектом картографирования являются фонетические, морфологические и лексические различия, характеризующие все группы восточнороманских говоров на территории СССР. Атлас содействует постановке и решению многих общих вопросов молдавского языкознания и романистики. И в этой связи нельзя не отметить научные труды В. А. Лисицкого по восточнороманскому языкознанию, написанные им в 1950 — начале 1960 гг., которые оказали плодотворное влияние на развитие исследований в области молдавской диалектологии и лингвистической географии.

Данная статья затрагивает круг вопросов, связанных с ареальными аспектами и методами изучения лексической номинации. Особое внимание обращено на освещение отдельных сторон самой постановки проблемы.

Язык как непосредственная действительность мысли (К. Маркс, Ф. Энгельс) в акте практического освоения мира вещей и мира идей непрерывно обогащает и совершенствует свои средства выражения. Известно, что познание мира обусловлено способом его обозначения и выражения. Коммуникация, будучи ведущей функцией языка, не может существовать без номинации.

Для современной ономазиологии характерно широкое понимание явления номинации и стремление изучать его комплексно. Успешно исследуются наиболее общие вопросы языковой номинации и основные виды наименований³, способы номинации в русском языке⁴, ономазиологические аспекты

частей речи и словопроизводства, ономаσιологические структуры и номинативная деривация⁵. Все это свидетельствует об актуальности проблемы.

Однако изучение языковой номинации основывается, как правило, на материале литературных языков. Тем не менее широкое привлечение материалов и методов лингвогеографических исследований при рассмотрении номинативной системы языка (диалекта) таит в себе немало перспектив для развития теории номинации. При этом особое место отводится анализу диалектологических атласов, внимательному исследованию отраженного на лексических картах языкового опыта. Сама природа лексической карты такова, что она дает ясный ответ на ономаσιологический вопрос о том, какие знакообразования применяются для обозначения определенного фрагмента действительности. Благодаря диалектологической карте перед ученым как бы раскрывается жизнь названий во всей сложности их истории становления. Фиксирование инноваций на лексической карте предполагает функционирование новообразования в речи определенного коллектива. Но, кроме того, диалектолог имеет возможность зарегистрировать сугубо индивидуальные, не принятые еще той или другой социальной группой людей речевые номинативные единицы, а главное, заметить различные ступени становления наименования (словосочетания, аффиксального образования и др.).

На основе «Молдавского лингвистического атласа» и других лингвогеографических источников нами изучается проблема лексической номинации (именование через слово и словосочетание)⁶. Установлено, что рассмотрение закономерностей проявления процессов номинации в конкретных языковых системах вполне совместимо с принципами ареального описания языков. Такого рода работы нацеливают на изучение всей системы номинации диалектов и говоров конкретных языков, на выявление способов номинации, видов наименований и степени их продуктивности, на установление типологии сходств и различий в обозначении предметов на базе целых групп лексики, на определение генезиса лексико-семантических различий и др.

Ареальные исследования — ведущее направление в советском языкознании. Это вполне объяснимо. Любому языку присущи особенности изменения и развития не только во времени, но и в пространстве. Объективное отношение к языку требует учета всех его форм существования, одной из кото-

рых является диалектная речь. Отсюда и то огромное внимание которое уделяется в нашем веке ареальному аспекту изучения языковых явлений. Возрастающий интерес лингвистов к проблемам ареальных исследований, а отсюда к явлению номинации непременно должен отразиться и на трактовке вопросов, касающихся процессов поиска и создания наименований в народных говорах.

В самом деле, диалектная речь является превосходным источником для изучения проблем теории номинации. Диалектолог, изучающего вопросы номинации, интересуют прежде всего территориальные разновидности в обозначении реалий и размещения в пространстве номинативных единиц. Если ономастиолог ведет свои наблюдения над лексикой литературного языка, то фактор пространства для него не релевантен. Таковым он становится, как правило, при изучении единиц номинации диалектного языка и диалектной вариативности самих процессов обозначения.

Номинация явлений, рассматриваемая в общем плане эволюции языка, это непринужденный, спонтанный процесс. Диалектная речь характеризуется непосредственностью и неподготовленностью высказывания. Многие активные процессы в территориальных говорах связаны именно с образованием новых слов и словосочетаний. Поэтому значение исследования диалектной речи для теории номинации признается видными советскими лингвогеографами. Так, М. А. Бородина находит, что изучение индивидуальной речи носителей диалекта вскрывает много разнообразных моментов в именовании того или другого предмета, т. е. «дает богатый материал для теории номинации»⁷.

В настоящее время можно говорить о вполне реальных возможностях рассмотрения проблем номинации на основе методов ареальной лингвистики. Такие возможности подготовлены интенсивным развитием лингвогеографии, предусматривающей сбор диалектных данных, создание атласов различных типов и интерпретацию лингвистических карт, а также интенсивным развитием теории языковой номинации.

Важным этапом в систематизации номинативных единиц с применением методов лингвогеографии является картографирование. Главное требование ономастиологического подхода при картографировании — это выразительное отражение на картах основных видов наименований. Наличие связей между иерархией номинативных единиц и ступени противопоставления и контрастности картографируемого объекта до-

стигается обычно посредством различения фигур, их внутреннего членения и т. п.

В современных ареальных исследованиях описанию подвергается все многообразие конкретной языковой действительности. В этой связи напомним тезис о двусторонности диалектного языка: наличие в нем структурного или собственно языкового и территориального. Р. Я. Аванесов подчеркивает, что при изучении диалектного языка как чистой структуры различные его структурные разновидности выделяются в качестве величин чисто типологических, а при рассмотрении диалектного языка в территориальном аспекте, т. е. при проецировании его общих и отличительных черт на географическую карту, мы получаем явления территориальные, которые с учетом аспекта структурного синтезируются в величины структурно-территориальные⁸.

Данные положения служат точкой опоры при изучении номинации методом лингвогеографии. Ономасиолог-лингвогеограф вправе применять не только методику ареалогических исследований, связанную с закономерностями и характером образования ареалов, их типологии и т. д., но и прибегнуть к структурному анализу системы номинации говоров, к другим методам, приемам и аспектам лингвистического анализа. Ареально-ономасиологические разработки должны способствовать углубленному и всестороннему исследованию номинативной деятельности языка в целом.

Принципы сбора и анализа материала должны основываться на недифференциальном методе исследования лексики говоров, т. е. на описании всех речевых средств, присущих частным диалектным системам (при дифференциальном подходе рассматриваются только отличия говоров от литературного языка). Преимущества недифференциального метода очевидны, так как в данном случае открывается путь к системному осмыслению лексики говоров.

Информация о наименованиях, зафиксированная на картах атласов, рассматривается как «диахрония в синхронии». Подобный историзм характерен для любой системы номинации современного диалектного языка. Это означает, что при системно-синхронном изучении фактов языкового означивания необходимо учитывать элементы динамики, тенденции развития изучаемых явлений. «Необходимость совмещения исторического подхода с системным подходом, — вполне справедливо отмечает С. Г. Бережан, — залог будущих успехов науки о языке, руководствующейся марксистско-ленинской

методологией и основывающейся на диалектико-методологическом методе»⁹.

Проведенные наблюдения над молдавскими говорами показали, что образование и эволюция всевозможных по форме диалектичных номинативных единиц по-разному или (гораздо реже) одинаково реализуются в различных местах.

Основной минимальной единицей номинации, рассматриваемой как результат семантической деривации, выступает семантический дериват (ср.: молд. *мэтасэ* «шелк» > *мэтасэ* «рыльца кукурузы»). Это случай именования какой-либо реалии «путем нового применения старых слов» (Л. В. Щерба). К средствам расширения назывной функции существующих лексем относятся и семантические заимствования (в иной терминологии — семантические кальки), когда слово приобретает новое значение под влиянием полисемии другого языка (молд. диал. *мыцэ* «багор» < рус. *кошка* «кошка», «багор», укр. *кітка* — с теми же значениями). Так как при заимствовании лексических значений из другого языка и семантической деривации в пределах одного и того же языка номинаторы пользуются «готовым» звуковым комплексом, то данные языковые явления не всегда удается разграничить. Лингвистическая география способствует решению этого вопроса путем сопоставительного изучения лексико-семантических систем контактирующих диалектов разных языков и установления семантических ареалов.

Образное народное видение создает удивительные по выразительности слова, связанные с производственными занятиями, обычаями, приметам, духовной и материальной культурой народа-носителя. Именно во всем этом и следует искать истоки внутренней формы таких молдавских диалектных слов, как *тонар* «бондарь, бочар», *негинар* «сортировка, триер» или рус. *кедровать*, *ореховать* «заниматься кедровым промыслом» (Н. Т. Бухарева). Первоначально многие названия приобретают форму описательного характера, которые со временем универбизируются (ср. параллельное употребление в говорах *машинэ де алес gryу* — *алесэтоаре* «сортировка, триер»). Словосочетание выступает равноправным способом обозначения. Иной раз в диалектной речи сосуществуют семантический дериват и суффиксальное образование (*алунэ* «родинка» < *алунэ* «лесной орех — плод» и *алуникэ*, *алуницэ* «родинка»), расчлененное и эллиптическое название (*татэ бэтрын* «дедушка» и *бэтрыну* — с тем же значением). Такие

данные не должны оставаться вне поля зрения ономасиолога.

В исследуемых говорах образование сложных цельно-оформленных слов — явление редкое (в литературном молдавском языке продуктивными являются лишь отдельные подтипы словосложения). Аббревиация характерна для стандартных форм языка. Это преднамеренный и вполне осознанный акт номинации.

Активный процесс словарного заимствования оказывает прямое воздействие на продуктивность реализации акта называния другими способами обозначения. Процесс заимствования особенно интенсивен в ареале непосредственного контакта молдаван с украинцами, русскими, болгарам и др. В этом плане представляет интерес противопоставление маргинального и центрального ареалов. В первом ареале количество заимствованных слов больше, чем во втором, поэтому и словообразование в нем менее продуктивно. Группы говоров характеризуются разной возможностью в использовании способов номинации.

Возможности в выборе тех или иных способов именованья неодинаковы также для различных предметных областей лексики.

Исследование лексической номинации на основе методов лингвогеографии показало, что своеобразие развития структуры диалектных лексико-семантических различий в целом обусловлено, кроме неязыковых и межъязыковых факторов, главным образом разнообразием проявления закономерностей номинации в частных диалектных системах и в идиолектах на уровнях выбора средств, принципов и способов номинации.

Анализ накопленных нами фактических и теоретических данных помог выявить один из аспектов проблемы языковой номинации, а именно лингвогеографический.

Возможности рассмотрения становления номинативных средств в пространстве свидетельствуют о совместимости ономасиологических и ареальных исследований и о том, что подобные разыскания составляют специальный раздел общей ономасиологии. Описание проявлений закономерностей номинации в говорах различных языков — актуальная задача ареальной ономасиологии.

¹ Лисицкий В. А. Насущные вопросы исторической фонетики молдавского языка // Вopr. языкознания. 1954. № 1. С. 84—96.

² См.: Лисицкий В. А. Проблемы консонантизма в Молдавском лингвистическом атласе // Изв. Молд. филиала АН СССР. Кишинев, 1957. № 6 (45); его же: Проблемы вокализма в Молдавском лингвистическом атласе // Omagin lui Jorgu Jordan cu prilejul împlinirii a 70 o/eani. București, 1958; Программа собирания сведений для составления Молдавского лингвистического атласа / Сост.: Р. Я. Удлер, В. С. Сорбалэ, Р. Г. Пиотровский, В. А. Лисицкий, В. Ф. Мельник, В. А. Комарницкий. Кишинев, 1960.

³ Языковая номинация: (Общие вопросы). М., 1977; Языковая номинация: (Виды наименований). М., 1977. Оба тома под ред. Б. А. Себребренникова и А. А. Уфимцевой.

⁴ Способы номинации в современном русском языке / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1982.

⁵ Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978; Торопцев И. С. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980; Данильченкова С. М. Словопроизводство конкретно-предметных имен существительных в говорах Верхне-Деснинской группы южного наречия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1979; Шкатова Л. А. Развитие ономаσιологических структур (на примере наименования лиц по профессии в русском языке). Иркутск, 1984; Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Минск, 1985, и др.

⁶ Павел В. К. Лексическая номинация (на материале молдавских народных говоров). Кишинев, 1983; его же: Лексическая номинация в ареальном аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1984.

⁷ Бородина М. А. Некоторые наблюдения над диалектной номинацией // Лимба ши литература молдовеняскэ. 1978. № 3. С. 56—57.

⁸ Аванесов Р. Я. О двух аспектах предмета диалектологии / Общеславянский диалектологический атлас: (Материалы и исследования). М., 1965. С. 24—25.

⁹ Бережан С. Г. О соотношении принципа развития и принципа системности в языкознании // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. № 1. С. 24.

М. А. БОРОДИНА

Ленинградское ОЛЯ АН СССР

КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В современном языкознании проблемой времени, отраженного в категориях пространства, занимается историко-географическая лингвистика. Под историко-географической лингвистикой понимается диалектология, лингвогеография и лингвистическая ареалогия. Основной базой этого направления является фиксация диалектных, а также народно-разговорных фактов региональной речи. Фиксируются разные уровни языка — лексический, семантический, фонетический,

морфологический, а также уровень «малого синтаксиса», поскольку развернутые синтаксические конструкции нерелевантны для этих аспектов языка и к тому же с трудом умещаются в формы таблиц, схем, а тем более карт — традиционные формы фиксации лингвогеографических данных.

Наиболее полноценным источником для исследования проблемы пространства и времени в историко-географической лингвистике являются лингвистические атласы (система карт), поскольку они дают конкретный материал для изучения лингвистического пространства (ареалов). Ареалы имеют определенную форму, разный характер границ (изолиний), разную степень насыщенности фактами, разное расположение относительно друг друга.

Конфигурации и расположение ареала указывают на его историю, т. е. на временные категории. Теория лингвистического ареала формируется по мере издания лингвистических атласов. Большой вклад в создание такой теории внесли пять конференций всесоюзного значения, посвященных ареальным исследованиям в языкознании и этнографии. Основоположниками лингвистической теории ареала были в 30-х гг. неолингвисты, однако в те времена эта теория не имевшая реальной базы в виде лингвистических атласов, была обречена на гибель. В наше время во Франции была сделана попытка в лице Ж. Сеги поставить эту проблему, но французские исследователи, увлеченные изданием региональных лингвистических атласов, не развили идеи Ж. Сеги, более того, не обратили на них внимания. Существенным для современной теории ареала явились работы Нидерландской школы лингвогеографии (А. Вайнен, А. Алинеи), а также некоторые наблюдения классической немецкой школы диалектографии.

Лингвистическое пространство представляет собой территорию распространения языка в целом, диалекта, говора, одного явления. Это распространение обусловлено всей историей развития данного народа (нации), особенностями организации жизни народа. Временная организация лингвистического пространства характеризуется прежде всего комплексом противопоставленных ареалов диалектов и литературного языка.

В процессе развития временной организации лингвистического пространства создаются пространственно-временные модели, т. е. типы ареалов, островные, маргинальные, клинообразные, центральные, сплошные, размытые, разорванные

и др. Глубина времени и цельность пространства в прошлом отражаются в разбросанных по всей изучаемой территории небольших островных ареалах, в то время как клинообразный ареал, конфигурации которого зыбкие и видонзмещающиеся в зависимости от конкретного материала, указывают на процесс, имевший место сравнительно недавно, обычно продолжающийся и в наши дни.

Основными разделами языкознания, в рамках которых решаются лингвогеографические проблемы, являются историческая фонетика, а также историческая семантика, конкретнее — история слов, рассмотренная в соотнесении с историей вещей (т. е. объектов этнографии, истории, культуры, истории вообще).

В настоящее время лингвистическая семантика обогатилась точной методикой исследования в виде компонентного (семного) анализа лексико-семантических групп (ЛСГ) и отдельных слов как элементов этих групп. Семантическое расчленение слова обусловлено, с одной стороны, его функционированием в современном языке, с другой — историческими проблемами этимологии слова. Слова конкретной семантики, являясь отражением через наше сознание реальной действительности, неравномерно распространены на поверхности лингвистической карты. Именно эта часть лексического фонда языка дает возможность с большим успехом исследовать закономерности проявления категорий пространства и времени в лингвистике.

Одной из основных особенностей лингвистического ареала (т. е. лексического пространства) является отражение в нем времени — хронологии развития лингвистического явления. В решении этого вопроса важно определить более точную характеристику ареала: его размер, положение на карте, взаимоотношение с другими ареалами, насыщенность ареального пространства (частотность явления), характеристику контуров (сплошная изоглосса, прерванная) и площади (кружевной, размытый, сплошной ареал). В статье «Ареалогия и некоторые вопросы романского языкознания» показаны две противоположные ситуации. Во-первых, выявляется неорганизованная ареальная картина территории распространения новообразований категорий рода прилагательных. При общей тенденции к утрате этой категории в современном французском языке, в разговорном языке отмечаются многочисленные образования по аналогии типа *bleu* — *bleuze* «голубой — голубая». Не будучи обусловленными никакими внелингвистичес-

тическими факторами, эти новообразования встречаются небольшими ареалами по всей исследуемой территории. И наоборот, на карте, отражающей развитие *e* долгого в открытом слоге, отражены все этапы этого развития вплоть до вульгарно-латинского периода, и каждый этап имеет соответствующую ареальную конфигурацию: наиболее древний (*ei*) сохранился в очень небольших и немногочисленных ареалах самой арханчной зоны Франции, в то время как последний этап — переход дифтонгов *we > wa* соответственно обозначен компактной центральной зоной.

Ареалы представляют собой определенное пространство, имеющее возраст и динамику не только пространственного, но и временного развития. Таким образом, ареал как основа лингвистических исследований определяется как пространственно-временная лингвистическая категория. Эта категория обусловлена: а) внутрилингвистическими (фонетическим, лексико-семантическим и т. д.) факторами, б) внешнелингвистическими факторами (принадлежность к литературному языку, диалекту, говору, региональной речи и диалекту или к переходной, неустойчивой форме языка), в) внелингвистическими факторами (социальная, культурно-историческая и географическая обусловленность). Проблема пространства и времени в лингвогеографии может быть освещена с четырех позиций:

1) семантический анализ слов (и терминов), обозначающих пространство и время, что представляет собой формальный подход к проблеме в ее философском осмыслении;

2) анализ грамматических систем времен (они весьма разные в разных системах языков) с позиций отношения говорящего ко времени как к временной протяженности, т. е. к прошлому, настоящему и будущему, и соотношения разных временных планов;

3) исследование пространства и времени в широком лингвоэтническом понимании; говорящие на том или ином языке (диалекте) обычно принадлежат к определенному этническому типу людей, привязанному к той или иной территории. Интересно проследить исторически, т. е. во времени, пространственную (территориальную) обусловленность лингвоэтнических единств, начиная от племенных праязыков и пранародностей (родина которых, как правило, трудно поддается четкой локализации), через эпоху феодализма до наших дней, когда территориальное соотношение языка и этноса наиболее определено. Однако помимо того, что эта проблема весь-

ма нечетко очерчена, она представляет интерес прежде всего для историка и лишь как «внелингвистическая» — для лингвиста;

4) изучение конкретного пространства, которое мы наблюдаем и фиксируем в наши дни в отношении любых языков и отдельных их черт, фиксируя это пространство в описаниях, схемах и лингвистических картах или атласах. В настоящее время это направление получает все большее развитие: создается более четырехсот лингвистических атласов разных языков. Готовится «Лингвистический Атлас Европы», у нас в Союзе подготовлен «Диалектологический атлас тюркских языков СССР» (всего в нашей стране распространено 27 тюркских языков). Успех этого направления связан прежде всего с тем, что лингвисты через «пространство» могут проникнуть в историю отдельных языковых явлений, которые для большинства языков не имеют достаточно достоверных источников исследования. Именно этот аспект в решении лингвистической проблемы «пространства и времени» как самый актуальный и наименее изученный составляет предмет исследования лингвистического пространства.

Проблемами конкретного лингвистического пространства занималась еще в прошлом веке многочисленная плеяда диалектологов. Но только с появлением в начале XX в. трудов Ж. Жильерона и, в частности, его «Лингвистического атласа Франции» (Париж, 1902—1910. Вып. 35) возникла новая отрасль языкознания — лингвистическая география (или лингвогеография), которая разработала технику и методику исследования лингвистического пространства. Постепенно накопление опыта в картографировании лингвистических явлений, разработка методики интерпретации и чтения лингвистических карт привели лингвистов к выводу о том, что в синхронном лингвогеографическом пространстве как бы опрокинута диахрония, т. е. отражается история явлений. Это открытие было сделано на материале индоевропейских языков, на которых оно могло быть проверено, поскольку большинство этих языков имеет достаточное количество памятников литературы разных эпох. Было обнаружено, что определенные конфигурации пространства (определенные ареалы) не только имеют лингвистически определенное наполнение, но и свидетельствуют о степени давности этого явления (П. Гардэтт, Ж. Сеги, М. Алиней и многие другие). Стала развиваться теория лингвистического ареала (ареалогия или ареаловедение), благодаря которой оказалось возмож-

ным перенести определенные закономерности ареальных конфигураций, проверенные на письменных языках, на бесписьменные языки, не имеющие разработанной истории. Таковыми являются, например, многие тюркские языки СССР, и именно с этой целью были предприняты анкетирование и составление диалектологического атласа СССР.

Очередной задачей советского языкознания является картографическое исследование языков Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока.

М. Ф. ВИНОГРАДОВ

Вильнюсское высшее командное училище

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Начиная с 60-х гг. нашего столетия широкое распространение получили так называемые контрастивные исследования (КИ) языков. Однако целый ряд важных вопросов, касающихся, например, статуса, методологии КИ, их применения и т. д., остается спорным до настоящего времени, что иногда порождает определенный скепсис по отношению к контрастивной лингвистике (КЛ) как реально существующей отдельной отрасли языкознания.

Данная статья — еще одна попытка установить, какое место КИ занимают в лингвистической теории. Иллюстративный материал намеренно приводится на уровне лексической семантики, потому что КИ лексики (КИЛ) отстают от КИ фонологии и грамматики в том смысле, что если для последних существуют лингвистические модели (трансформационно-генеративная, стратификационная и т. д.), то для КИЛ какая-либо модель в принципе отсутствует.

Часто КИ связывают только с задачами преподавания иностранных языков. Отчасти это, видимо, объясняется тем, что первые наблюдения и исследования сходств и различий между языками в контрастивном плане были подчинены задачам прикладного характера. Между тем только четкая граница между теоретическими и прикладными аспектами КИ может способствовать становлению и прогрессу КЛ как особому направлению в языкознании. То, что контрастивное изучение языков имеет также и теоретическое значение, хорошо понимал еще Л. В. Щерба¹.

Сопоставительное изучение языков всегда было характерно для языкознания в разные периоды его развития. Поэтому вполне закономерен вопрос: есть ли какое-либо отличие КИ от исследований сравнительно-исторических, ареальных, типологических — основных направлений сопоставительного изучения языков предшествующего периода?

Отличие КИ от сравнительно-исторических, учитывающих генетическое родство языков и, соответственно, их языковые сходства, очевидно — КИ включают не только родственные языки.

Цель ареального сопоставления — обнаружение общих языковых свойств, которые появляются у контактирующих языков — своего рода вторичное родство. В КИ сопоставляются не обязательно контактирующие языки, поэтому для КИ не являются критериальными, как для ареального сопоставления, признаки места, времени, миграции.

Типологические исследования основываются на понятии общего лингвистического изоморфизма, абстрактных систем лингвистических инвариантов, необходимых для поиска языковых универсалии. Различие между типологическими контрастивными исследованиями состоит в том, что первые занимаются сопоставлением категориальных явлений, что необходимо для обнаружения языкового типа группы языков, в то время как во вторых устанавливаются не типы, а скорее нюансы в сходствах и различиях только двух языков. Бесспорно, при КИ можно сравнивать множество языков, но только попарно.

Для КИ особенно важно понятие «систематизированного сопоставления», которое отличает их от проводимых ранее наблюдений над сходствами и различиями любой пары естественных языков.

Следовательно, при КИ систематизированно сопоставляются любые два естественных языка с целью обнаружения в них сходств и различий. Поэтому «...было бы неоправданно ... отрицать наличие КЛ как теоретического направления в составе лингвистических дисциплин, получившего при своем вычленении самостоятельный объект для исследования².

Чтобы выявить некоторые приемы КИ, необходимо ответить на два вопроса: что сравнивать в языках и как сравнивать.

С точки зрения КИ язык обладает двумя статусами: контрастивным и неконтрастивным. В первом случае мы имеем дело с оппозициями внутри подсистем языка (сопоставляются, например, фонема : фонема, слово : словосочетание и т. д.).

Во втором случае статус всегда относителен, так как зависит от сравниваемых языков: особая структура одного языка оформляет контрастивный статус другого (русский язык будет иметь различные статусы при сравнении его, например, с французским и литовским).

При КИЛ основой контрастирования должна служить семантическая эквивалентность сравниваемых единиц, под которой часто понимается их оптимальный перевод с одного языка на другой³.

Вопрос «что сравнивать» подразумевает для КИЛ последовательность контрастирования различных семантических классов слов, т. е. с какого семантического класса слов необходимо начинать контрастирование. В принципе должны быть описаны все классы слов, но начинать, видимо, целесообразно с главных — глагола или имени, так как они выражают универсальные, независимые в языковом отношении классы базисных понятий.

Далее, как сравнивать? Несомненно, существует зависимость контрастируемых единиц от языкового уровня. В КИЛ, скорее всего, необходимо идти от понятия к значению, потому что именно значение представляет в языке понятие. Причем оба компонента значения — как сигнификат, так и денотат — должны одинаковым образом приниматься во внимание, потому что и денотат словесного знака обобщает: «...денотат, являясь предметом объективной действительности, кроме того, еще и выступает в виде некоторого обобщения предмета в сознании, как и сигнификат, но в отличие от сигнификата это отражение с минимальным числом опознавательных признаков...»⁴. Бесспорно также, что существует зависимость и от принадлежности слова к определенному семантическому классу, группе и т. д., которые различаются не только количественно, но и по своим качественным семантическим характеристикам.

Ниже на конкретном языковом материале мы постараемся показать, что дают КИ для лингвистической теории и прежде всего — для КИЛ. Предметом исследования служит глагольная лексема, главной отличительной чертой которой является то, что в индоевропейских языках глагольная лексема в основном, выражая понятие «признака», носит относительный характер: часто ее предметно-логическая отнесенность проявляется в минимальных лексических синтагмах⁵.

Анализ конкретных примеров позволяет выявить некоторые типы контрастивных отношений в лексике.

1. Одно и то же понятие может иметь неоднородные семантические структуры в разных языках: русскому «сесть в автобус» во французском языке эквивалентно выражение «взять автобус» *prendre l'autobus*.

2. В ряде случаев предметно-логическая отнесенность глагола может даваться через его сочетаемость или непосредственно входить в его парадигматическое значение, вследствие чего семантически эквивалентные единицы в разных языках могут быть структурно гетерогенными, причем на различных языковых уровнях. Например, слово *souper* во французском языке обозначает и существительное и глагол, которые в русском языке различаются своей морфологической структурой — «ужин», «ужинать» соответственно; русское «закрыть на ключ» семантически эквивалентно *uzrakinti* в литовском, но структурно вербальные выражения этого значения в русском и литовском языках различны: в русском языке оно представлено словосочетанием, а в литовском — отдельным словом.

3. Для глагола в аналитическом языке характерна более широкая семантическая совместимость по сравнению с глаголом в синтетическом языке. Одному глаголу во французском языке может соответствовать несколько глаголов в русском: *mettre du sel dans la soupe* — «положить соль в суп», *mettre une chaise à sa place* — «поставить стул на место», *mettre les mains dans les poches* — «засунуть руки в карманы».

4. Существуют различия и в сочетаемости слов в разных языках. В английском языке, например, глагол *scream* «кричать», «визжать» сочетается не только со словами, обозначающими лица, как в русском языке, но и с такими существительными, как *wind* «ветер», *machine* «устройство», что не характерно для русского языка.

5. Есть различия в выражении семантической и синтаксической переходности. Ср. семантическую переходность у русского «улыбаться» и его семантических эквивалентов в английском языке *to smile* и *to give a smile*. Во французском языке аффиксы часто являются показателем переходности глагола (*retenir* «запоминать», *emporter* «уносить» и т. д.), в то время как в русском и литовском они указывают на ее отсутствие («мыть — мыться» *prausti* — *praustis*, «брить — бриться» *skusti* — *skustis*).

6. Значение глаголов могут обладать «неодинаковой семантической дифференцированностью» — значение слова в одном языке нерасчленено по сравнению со значениями его

эквивалентов в другом⁶. Например, русскому глаголу «чистить» соответствует целый ряд глаголов в литовском языке: *valyti* «чистить (одежду, обувь и т. д.)», *skusti* «чистить (картошку)», *lupti* «чистить (фрукты)», *doroti* «чистить (рыбу)» и т. д.

7. Значения глаголов могут различаться культурными компонентами, т. е. иметь национально-культурные особенности, обусловленные жизнью и развитием конкретного языкового коллектива, социальными, климатическими и другими условиями, в которых этот коллектив существует. «Свистеть» в русском языке обычно ассоциируется с отрицательной оценкой деятельности человека, а в американском варианте английского языка *to whistle* «свистеть» может выражать и ее одобрение.

8. Значения глаголов могут различаться идеологическими компонентами. В отличие от национально-культурного содержания, которое входит в значение слова в качестве культурных компонентов и образует сверхпонятийный смысл слова (его фоновое содержание), идеология общества, составляющая содержание идеологических компонентов значения слова, оказывает непосредственное влияние на понятийное содержание слова, в ряде случаев трансформируя его (ср. дефиниции общественно-политической лексики типа «колонизировать», «демократизировать» и т. д. в толковых словарях, изданных в СССР и Англии, США, Франции).

Рассмотренные выше примеры, анализ литературы по КИ позволяет сделать некоторые выводы и обобщения, касающиеся природы и статуса КИ, отношения КИ к общей теории языка.

Можно утверждать, что КИ, обладая своим предметом исследования и методами, представляет собой особую область языкознания — КЛ. Исследованием соотношения генетических связей и типологических схождений занимается сравнительно-сопоставительная лингвистика, а обнаружение языковых сходств в контактирующих языках входит в ареальную лингвистику.

КЛ не только пользуется достижениями общей теории языка, но и сама вносит определенный вклад в развитие языкознания. Например, КИ показывают, что семантически эквивалентные единицы в разных языках могут быть структурно гетерогенными. Поэтому оптимальный перевод в КИ дополняется формальной процедурой тестирования: при изменении определенной части текста в одном языке должна меняться аналогичная часть в другом. Процедура тестирова-

ния в КИ привела к понятию «конгруэнтности», которая предполагает не только семантическую, но и структурную эквивалентность контрастируемых единиц. Понятие «конгруэнтности» позволяет несколько иначе взглянуть на эквивалентность языковых единиц, так как принимаются во внимание не только семантические, но и структурные их свойства. Оно помогает лучше понять, что процесс стирания границ между морфологией и синтаксисом, лексикой и грамматикой происходит на уровне семантической эквивалентности, а не конгруэнтности.

КИ также показывают, что перифрастические отношения лексических единиц в разных языках зависят от типов лексической корреляции, которые, в свою очередь, определяются типом номинации — первичной (одно слово) или вторичной (сложное слово или словосочетание), видом номинации (однородная или неоднородная), средствами номинации (однородные или неоднородные) ⁷.

КИ помогают установить различные типы перифрастических отношений не только в разных языках, но и в одном конкретном языке, которые иногда выпадают из поля зрения при анализе только одного языка (отношение между свободной и связанной морфемой: англ. to геореп — «снова открыть», англ. to overdo — «пережарить» и т. д.).

В свою очередь, установление перифрастических отношений в языке имеет самое прямое отношение к языковой номинации. КИ способствуют определению того, что принадлежит синтагматике, а что парадигматике в семантической структуре слова. Они помогают установлению семантических компонентов значения слова. Особую ценность КИ представляют при выявлении культурных и идеологических компонентов, которые, по существу, могут быть установлены только с помощью КИ.

Результатом КИ является также понятие «скрытого компонента» значения слова — особенности референтной отнесенности слова, которые могут быть обнаружены только при контрастировании сигнификативно близких слов в разных языках ⁸.

КИ наглядно демонстрируют, что ограничения, накладываемые на сочетаемость слова, определяются как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими факторами. Учет сходств и различий в семантической структуре равнозначных слов, способы представления их значений в разных языках, выявление самой семантической структуры слова, его сочетаемостных возможностей могут иметь прикладной ха-

ракти, в частности при изучении языков и обучении им (как иностранных, так и родного), так как КИ помогают прогнозировать языковые ошибки, вскрывать возможные случаи языковой интерференции и т. д.

Таким образом, даже краткий анализ языкового материала наглядно показывает, что КИ составляют особую область языкознания — КЛ, которая многогранна по своему характеру: способствует обнаружению новых данных и представлений о языке и одновременно дает их возможную интерпретацию, помогает по-новому взглянуть на некоторые, ставшие уже традиционными, спорные лингвистические проблемы, устанавливает соотношение универсального и индивидуального в языке, т. е. помогает понять, как окружающий, единый для нас мир преломляется конкретным языком, способствует более продуктивному и эффективному усвоению языков.

¹ См.: Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 16.

² Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М., 1981. С. 30.

³ Marton W. Equivalence and congruence in transformational contrastive studies // Theoretical issues in contrastive linguistics / ed. by J. Fisiak/: Current issues in linguistic theory. Amsterdam, 1980. V. 12.

⁴ Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: (Семиологическая грамматика). М., 1981. С. 11.

⁵ Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974. С. 59—62.

⁶ Бархударов Л. С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий (на материале английского и русского языков) // ИЯШ. 1980. № 5.

⁷ Князева Г. Ю. Сопоставительное изучение сочетаемости лексических единиц в разных языках и теория номинации // Сб. науч. гр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1979. Вып. 145.

⁸ Гинзбург Р. С. Сочетаемость и референтная соотнесенность слова и сочетаемость // Там же.

М. А. КУЛИНИЧ, Л. И. ВИНОГРАДОВА

Куйбышевский пединститут

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В АНТРОПОНИМИКЕ

Деление слов любого языка на собственные и нарицательные — одна из принципиальных дихотомий в лексике. У каждой группы имен свое назначение, свои задачи. Собственные имена — это слова, употребляющиеся в особой функции.

Они больше, нежели имена нарицательные, зависят от экстралингвистических факторов, регулируются социальными, юридическими и историческими закономерностями¹.

Наблюдения и исследования показывают, что граница между нарицательными и собственными именами не абсолютная, происходит непрерывное взаимопроникновение этих двух групп². С одной стороны, имена собственные могут употребляться в качестве нарицательных (путем изменения графики слова, парадигмы и сочетаемости). Это неоднократно описанное в лингвистической литературе явление антономасии³. Имена нарицательные, в свою очередь, служат питательной средой для образования фамилий и личных имен.

В силу особенностей развития и функционирования личные имена и фамилии отражают общественное сознание в разные периоды истории данного общества. Поэтому анализ фамилий, передающихся из поколения в поколение, представляет не только лингвистический, но и социально-исторический интерес.

Предметом статьи является сопоставительное исследование одного из разделов антропонимики — изучение семантических и структурных характеристик «значащих» французских и английских фамилий, имеющих в качестве основы имена нарицательные. Основным материалом исследования послужил «Этимологический словарь французских имен и фамилий» А. Доза (Париж, 1951). Для сравнения привлекались реальные английские фамилии, отобранные из 30 номеров газет «Morning Star» и «Daily World». При этом сопоставлялись явления как плана содержания (дономастическая семантика: тематический круг основ, корней и слов, от которых образованы фамилии), так и плана выражения (словообразовательная структура, орфография).

Исследователи отмечают, что многие фамилии произошли от личных имен, названий и профессий и прозвищ. А. Доза в Предисловии к указанному словарю пишет: «В одних фамилиях мы видим веселую или едкую иронию фаблю, сочный язык, профессии, обычаи средних веков. Другие представляют собой сложные слова, блестящие метафоры, в которых слышится бряцание оружия, что восходит к временам завоевания Франции германцами» (с. 8).

В результате анализа выявлены следующие тематические круги основ, от которых произошли фамилии.

1. Наиболее распространенные значащие французские фамилии — те, что связаны с происхождением и местом прожи-

вания человека. Это прежде всего фамилии, имеющие в основе названия страны, края, области: Dalsace (из Эльзаса), Dangleterre (из Англии), Defrance (из Франции), Denormandie (из Нормандии), Dijon (Дижон), Espagne (Испания), Orléans (Орлеан), Picard (из Пикардии). Ср. английские фамилии этого типа: Brit(t)ain (Британия), Devonshire (Девоншир), North (Север) и др. Самая обширная часть этой группы фамилий произошла от слов, характеризующих особенности ландшафта, какие-либо приметы той местности, где расположен дом человека, ориентиры: Delalande (lande — равнина, ср. Dell), Delaroche (roche — скала, ср. Redcliffe), Demont (mont — гора, ср. Hill), Dubois (bois — лес, ср. For(r)est), Palisse, Palisson (palisse — изгородь, ср. Hedge(s)), Prévert, Dupré (pré vert — зеленый луг, ср. Meadows), Berge (berge — межевой столб, ср. Border), Deruelle (ruelle — улочка, ср. Street), Duviol, Duchemin (viol — тропинка, chemin — дорога, ср. Path), Desmaraix (marais — трясина, ср. Marsh) и др.

2. Фамилии, которые произошли от прозвищ (sobriquets), указывающих на физические свойства человека: Noir, Lenoir (черный — по цвету волос, ср. Black), Rond (полный, круглый, ср. Stout(e)), Fessard (толстозадый), Leroux (roux — рыжий, ср. Red), Duhaut (haut — высокий, ср. Long, Longfellow), Fer (железо, «крепкий, как железо», ср. Steel), Piedfort (сильная нога, ср. Lightfoot), Patte (большая ступня, ср. Foot), Lepetit (маленький, ср. Little), Fort (сильный, ср. Strong), Barberousse (рыжая борода, ср. Whitebrow), Blanc (белый, ср. White) и др. Многие фамилии произошли от прозвищ, указывающих на физические недостатки: Renquin (хромой), Bosse (горбун), Borgne (кривой, ср. Blind) и т.п. Интересно отметить, что фамилии первой группы встречаются в подавляющем большинстве на юге Франции (возможно, из-за меньшей населенности больше внимания уделялось месту обитания). В Лотарингии (с более плотным населением) преобладали фамилии, отражающие внешность человека, черты его характера.

3. Круг слов, обозначающих родство, невелик. Соответственно, невелико количество фамилий, образованных от этих основ: Desfrères (дом братьев), Desfilles (дом, руководимый дочерьми), Cadet (младший, ср. Junior), Enfant (ребенок, ср. Child), Oncle, Loncle (дядя, ср. Uncle), Dufils (сын), Desjeunes (молодые), Parent (родственник), Aîné (старший, ср. Senior).

4. Большую группу составляют названия профессий, за-

нятий людей: Flèche (стрелец, ср. Archer), Boulanger (булочник, ср. Baker), Boucher (мясник, ср. Butchr), Berger (пастух, ср. Shepherd), Barbier (брадобрей, ср. Barber), Perrier (каменотес, ср. Mason), Pêcheur (рыбак, ср. Fisher), Dèglise, Deleglise (служитель церкви, ср. Parson(s)), Destailleur (портной, ср. Dressmaker, Taylor), Doyen (настоятель церкви, ср. Prior), Sabatier (сапожник, ср. Shoemaker) и др. Некоторые фамилии отражают ныне не существующие занятия, например сборщиков многочисленных налогов: Acquitter (оплачивать налог), Brimbeur (сборщик налогов), Duvinage (сборщик налогов за право пользоваться прессом хозяина), Rouiller (сборщик налогов за кровлю на крышах).

Фамилии, имеющие в основе названия плодов, птиц, рыб, товаров, часто означают людей, которые изготавливают, выращивают и торгуют этими вещами: Oignon (тот, кто выращивает или продает лук, ср. Onion(s)), Olive (тот, кто выращивает или продаст оливки), Poisvert (продавец зеленого горошка), Poisson (продавец рыбы, ср. Fish), Faisans (тот, кто выращивает фазанов), Patin (продавец туфель на толстой подошве), Pâte (продавец теста), Noix (продавец орехов) и др.

5. Фамилии, происходящие из названий ремесел, безусловно, имели в качестве первого носителя действительного ремесленника. В фамилиях, образованных от названий сана, звания, социального положения, такая закономерность не наблюдается. Представляется несомненным, что первые носители фамилии Riche, Leriche (богатый, ср. Rich), Bastard (незаконный ребенок, ср. Bastard) имели реальные основания называться так, а не иначе. Этого нельзя сказать о многочисленных носителях фамилии типа Leveque, Archeveque. Все эти «епископы» и «архиепископы» (ср. Bishop) не являются потомками епископов. То же справедливо и для «графов» и «герцогов» (Comte, Lecomte, Leduc). Речь идет о прозвище людей, умевших держать себя важно, с достоинством, подобно графу, епископу, королю: Roy, Leroi (король, ср. King), Empereur (император, ср. Regent).

6. Черты характера, свойства личности отражены в фамилиях двух видов. Это прежде всего основы прилагательных со значением вышеупомянутых качеств: Noble, Lenoble (благородный, ср. Noble), Bon, Bonne (хороший, ср. Best, Good(e)), Gaillard (веселый, ср. Gay, Merry), Rude (резкий, грубый, ср. Sharp). Большая группа фамилий имеет в основе понятия, связанные с чувством любви: Amoureux, Bienaimé, Blandamour, Damour(s), Delamour, Aime (ср. Love, Lo-

velace). Вторая разновидность — фамилии, образованные от прозвищ — названий животных и птиц. Как известно, имена животных могут транспонироваться, превращаться в зоонимические метафоры. В применении к людям названия животных и птиц получают метафорическое и эмоционально окрашенное значение⁴. Например: Renard (лиса → «хитрый», ср. Fox), Rossignol (соловей → «любитель пения», ср. Nightingale), Etourneau (скворец → «веселый», «весенний», ср. Starling), Loiseau, Loisel (птица → «легкий на подъем», «любитель петь», ср. Bird), Fourmi (муравей → «трудолюбивый», ср. Emmet), Agnel (ягненок → «кроткий», ср. Lamb) и др.

7. Группа фамилий, ведущих свое происхождение из глубокой древности, возникла опять-таки из прозвищ, данных по времени, в которое родился человек (день, месяц, время года): Dhiver (hiver — зима, ср. Winter(s)), Automne (осень), Dimanche (воскресенье), D'avril (avril — апрель), Fevrier (февраль), Decembre (декабрь), Bagarre (сумятица, «смутное время»). Особо выделяются фамилии, данные подкинутым детям: Dix (10, найден 10 числа), Dix-neuf (найден 19 числа), Perdu (потерянный).

К структурным особенностям «значащих» фамилий относятся следующие.

1. Орфография фамилий по сравнению с исходными словами может быть изменена: Poin cage = poing cage (квадратный кулак), ср. Goode = Good, Taylor = Tailor.

2. Среди основ, от которых образованы фамилии, встречаются разные части речи: существительные (Boeuf ср. Bull, Amour, ср. Power), прилагательные (Blanc, ср. White), инфинитив (Plaire, Acquitter), числительные (Dix, Deux), наречия (Jamais, Maintenant), междометия (Pardieu).

3. Представлены различные по своей структуре производящие основы: простые (Bleu, Automne, Noix, ср. Gay, Ash), суффиксальные (Perrier, Epaulard, ср. Fisher, Spicer), сложные (Ecorcheboeuf, Pichebois, Durvie, Dursort, Blanoeil, ср. Mankiller, Seaman, Longfellow). Характерной чертой французских фамилий является лексикализация свободных словосочетаний, лежащих в их основе: Poindefert (poing de fer — железный кулак), Pertout (perd tout — все теряют), Francœur (franc cœur — честное сердце), Blandamour (blanc d'amour — бледный от любви), Boileau (fois l'eau — пью воду → пьяница), и др.

Перечисленные закономерности лишь в малой степени отражают смысловое и структурное многообразие французских фамилий, образованных от имен нарицательных. Несомнен-

ный интерес для исследования представляют значащие личные имена (*nomms chrétiens*). Сопоставление французских имен и фамилий не только с английскими, но и с немецкими, русскими позволит установить лексико-семантические универсалии в антропонимике.

¹ См.: Суперанская А. В. Структура имени собственного. М., 1969. С. 9.

² См.: Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983. С. 28.

³ См., например: Зайцева К. Б. Английская антропонимия и ее стилистическое использование. Одесса, 1979; Galperin O. R. Stylistics. M., 1977. P. 164—167.

⁴ См.: Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981. С. 140.

Л. И. КУЗНЕЦОВА

Воронежский университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРАВНЕНИЙ КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ СЛОВА

Предметом нашего исследования являются образные сравнения русского и французского языков. Компаративная конструкция обладает иной логико-грамматической организацией, чем суждение-предложение: «...она выражает восприятие не в силу предикативной связи составляющих ее элементов, а в силу их особых компаративных взаимоотношений. Поэтому она может строиться не только по типу предложений, т. е. как предикативная единица, но и по типу словосочетания, как единица номинативная»¹.

Сравнения подразделяются на устойчивые и окказиональные, граница между ними бывает очень подвижна. Основные структурные модели устойчивых сравнений многообразны. Нами исследуются сравнения с одиночным существительным типа: колючий как еж, голенастый как журавль, хохотать филином и т. д. Материалом для исследования послужила современная художественная проза 60—80-х гг.

✓ Задача исследования — выявить национальную специфику семантики существительных, выступающих в качестве образа сравнения в обоих языках.

Тематическая классификация существительных, высту-

пающих в качестве образа сравнения, позволила выделить 29 тематических групп в русском языке и 22 тематические группы — во французском. Рус. яз.: (в порядке уменьшения частотности) дикие животные и птицы; домашние животные и птицы; предметы домашнего обихода; наименование лиц; вещества и материалы; объекты и явления природы; продукты питания; здания, строения, сооружения и их части; деревянные предметы; машины, механизмы и их части; религия; военное дело; медицина; имена собственные; насекомые; части тела животных и птиц; музыкальные инструменты и их части; части тела человека; орудия и инструменты; одежда человека; группы животных и птиц; периоды времени; наименования ненужных предметов; предметы определенной геометрической формы; архитектурные произведения и детали; звуки; группы людей; устройства.

Во французском языке образный элемент представлен в основном единицами тех же тематических групп. Однако в нем не зафиксированы такие тематические группы, как орудия и инструменты; группы животных и птиц; периоды времени, наименование ненужных предметов, архитектурные произведения и детали, группы людей, устройства *. Сравнение с наименованием данных групп следует рассматривать как национально-специфические для русского языка.

Наиболее яркие национальные отличия выявляются при качественном анализе единиц, образующих те или иные тематические группы в обоих языках. Рассмотрим это на примере наиболее крупных тематических групп.

Тематическая группа «Наименования лиц». В эту группу в русском языке входят наименования лиц: а) по возрасту: дети, дитя, ребенок, дитенок, ребятнишки, мальчишки, мальчик, старуха, старик, старичок, младенец, малютка, лялька, отрок; б) по национальности: негр, японец, китайка, араб, татарин, монгол, цыгане; в) по месту жительства: запорожец; г) по роду занятий: чревоушатель, балерина, боксер, бухгалтер, дипломат, дровосек, культурист, шпион, актер, борец, маршал, дачники, пираты, первоклассник, пионеры, гипнотизер, трубочист, фотограф, вор, циркач, шпана, школяр, школьница, пастух, лесоруб, танцор, дьячок, солдаты; д) по интеллектуальным признакам: идиот, дурак; ж) по физическим

*Отметим, что объем французской выборки был несколько меньше, чем русской.

признакам: богатырь, покойник, полумертвец, мертвец, утопленник, слепец, роженица, истукан; 3) по межличностным отношениям: близнецы.

Во французском языке: а) по возрасту: *enfant* — ребенок, *môme* — малыш; б) по национальности: *Turc* — турок; в) по роду занятий: *courtisane* — куртизанка; *starlette* — начинающая киноактриса; *voleur* — вор; *reporter* — репортер; *porte-drapeau* — знаменосец; *sapeur* — пожарник; *voyou* — хулиган; г) по физическим признакам: *aveugle* — слепец; *cadavre* — труп; д) по межличностным отношениям: *amants* — любовники; *ennemis* — враги; *jumeaux* — близнецы.

Как видим, использование в рамках одноименных тематических групп разных единиц свидетельствует о проявлении национальной специфики сравнений.

В русском языке в подгруппе «возраст» наибольшая частотность в сравнительных конструкциях зафиксирована для слова «ребенок», которое используется для характеристики лиц со следующими признаками:

«безмятежность сна»: Спал он, как ребенок, — на спине, разметав руки (С. Залыгин);

«слабость, беззащитность»: Володька усмехнулся этим ее попыткам, против него она была слаба, бессильна, как ребенок: ни рук вырвать она не могла, ни даже отодвинуться от него... (Ю. Гончаров);

«капризность»: Профессор, когда сердился, упрямылся и капризничал, как ребенок (В. Шукшин);

«плаксивость»: Лидка часто часто заморгала глазами и вдруг расплакалась, как ребенок (Ф. Абрамов);

«обидчивость»: Зося, вспыхнув, пламенно залилась краской, ее нежное, матово-румяное лицо в мгновение сделалось пунцовым, глаза потемнели, а пушистые цвета каштана брови задрожали обиженно, как у ребенка (В. Богомолов);

«доверчивость»: Этот трясущийся, больной человек не сразу поймет, о чем я говорю, ведь он так доверчив, он верит людям, как ребенок, мы все были с ним рядом... (Ю. Семсенов);

«беспомощность, потребность в уходе»: Жена Саввы Георгиевича в течение долгих лет предоставляла ему возможность заниматься только наукой. «Она ухаживала за ним, как за ребенком», — говорили в нашем подъезде. Он и на поминал после ее смерти заблудившегося или брошенного ребенка (А. Алексин); Инютин быстро подкатил к столу. Ле-

вой рукой оперся о его кромку, а правой о табуретку и легко забросил на соседнюю свое тело. — Ловко это, ты, — невольно произнес Иван. — А что ж... Анфиса сперва меня все, как ребенка, за стол сажала, в кровать носила. Да что ж я, думаю, позор такой, сам к бабе не могу теперь забраться? Ну, и приловчился (А. Иванов);

«безудержная веселость»: Штурмбанифюрер Хетль оказался седоголовым, хотя молодым еще человеком; он добродушно посмеивался, наблюдая, как хохотал Вилли, словно ребенок, право (Ю. Семенов);

«повышенный жизненный тонус»: Прибылов при этом работал с неизменным усердием, с интересом, радовался, как ребенок, записи перевода каждого нового слова, и казалось, что составление словаря становится делом всей его жизни (Н. Задорнов), а также различные внешние признаки ребенка: *«нежность кожи», «пухлость и яркость губ», «наличие тонкого волосяного покрова»:*

Нечаев встал, снял кепку. Под кепкой оказались жиденькие русые волосы, сквозь которые просвечивала розовая, как у ребенка, кожа (А. Иванов); За год с небольшим работы в исполкоме Иван Иванович сильно похудел, всякая одежда на нем болталась, словно была с чужого плеча. Круглые щеки опали, даже когда-то полные и розовые, как у ребенка, губы сейчас одрябли и обесцветились (А. Иванов); Но Эля дотронулась до головы сурового зверовника, и сердце защемило — волосы тонкие, жидкие, как у ребенка, неокрепшие, и она, словно бы самой себе, сказала об этом вслух (В. Астафьев).

Во французском языке наибольшую активность в сравнениях проявляет та же единица *enfant* — ребенок, у которой при употреблении в сравнительных конструкциях совпадают с русской лексемой следующие семантические признаки:

«слабость, беззащитность»: *Dès la fin du dîner il alla se blottir près d'Odile comme un enfant* (F. Sagan);

«малый размер»: *Elle était si petite qu'on avait envie de la prendre sur ses genoux comme un enfant* (F. Sagan);

«безудержная веселость»: *Elle acceptait, se tenant au guidon, et riant dans les virages, comme un enfant* (R. Grenier);

«безмятежность сна»: *Il allait s'allonger sur ce lit, par-*

faitement, écouter un bon concert, parfaitement, et il allait dormir comme un enfant (F. Sagan).

Таким образом, для русского языка специфическими семантиками единицы «ребенок» являются следующие: «капризность», «плаксивость», «обидчивость», «доверчивость», «повышенный жизненный тонус», «нежность кожи», «пухлость и яркость губ», «наличие тонкого волосяного покрова». Национально-специфическим для французского языка является признак «тревога, беспокойство»: Puis son rire s'éteignit et elle le regarda avec anxiété comme une enfant (F. Sagan).

Приведенные примеры позволяют говорить о частичной семантической эквивалентности сравнений с существительным «ребенок» в обоих языках. В семантическую подгруппу «наименования лиц» по национальности в русском языке вошли семь единиц, в значении которых выделяются следующие семантические признаки: *негр* — «темнота кожи»; *араб* — «чернота волос»; *китаянка* — «желтизна кожи»; *японец* — «узкий разрез глаз»; *монгол* — «узкий разрез глаз», «удлиненность разреза глаз»; *татарин* — «наличие множества родственных связей»; *цыган* — «крикливость, шумность».

Во французском языке эта же подгруппа представлена одной единицей — *турок*. Для наименования представителя данной национальности характерен признак «обладание большой физической силой».

Подгруппа «место жительства» зафиксирована только для русского языка. В нее вошла одна единица «запорожец», в значении которой выделен признак «длинные усы».

Наименования людей по роду занятий. Анализ показывает наличие следующих компонентов в значении единиц:

чревовещатель — «издавание звуков без помощи губ»: Водерников охотно разговаривал со мной (он мог это делать, как чревовещатель, не разжимая губ) (В. Шефнер);

балерина — «подвижность»: Действительно, при ловле ядовитых змей колоссальное значение имеет маневр, ловец должен быть подвижен, как балерина (Ю. Ильинский);

балерина — «тонкость, гибкость стана»: Нина-то уже плясала, ей что, она и пешком-то ходит так, что заглядишься, будто балерина, тонкая, гибкая, в городе, в танцевальной студии училась не зря... (Вл. Орлов);

первоклассники — «короткая стрижка»: И совсем мальчишки, его одноклассники, безусые, стриженные, как первоклассники...

ки, — им досталось пробовать жизнь прямо с ее самого горького края... (Ю. Гончаров);

первоклассники — «шалость, озорство»: Ленка Сухинин, с которым мы малость сдружились, широколобый, с маленькими острыми ушами, поерзал на скамье и недовольно сказал: — Допрашивают... — Сухинин, вы принесли в класс шнур? Забавляетесь, как первоклассник? (Вал. Солоухин); *бухгалтер* — «точность в счете»: — Значит шесть, да сейчас восемь, того четырнадцать... — Ты, Ефим Ефимыч, как бухгалтер, боишься ошибиться. Копны три недосчитай и пигь неделю будешь (Вал. Солоухин).

В значении остальных единиц подгруппы актуализированы семы: *дипломат* — «уменне уладить конфликты», *боксер* — «ловкость движений», *танцор* — «легкость, стремительность движения», *культурист* — «развитость мускулов тела», *актер* — «отработанность мимики», *маршал* — «красота головного убора», *пираты* — «небрежность в иошении одежды», *фотограф* — «внимание к деталям», *дьячок* — «нудность, заунывность голоса», *солдаты* — «беспрекословность подчинения», *мим* — «подвижность лица», *робинзоны* — «удаленность от цивилизации», *домработница* — «постоянное пребывание в доме», *гипнотизер* — «пристальность взгляда», *шпана* — «коллективность, активность нападения», *агрессор* — «агрессивность поведения», *дирижер* — «размахивание руками в процессе работы», *вор* — «боязнь обнаружения».

Следующие примеры связаны с эмпирическим компонентом значения² (актуализируется обобщенное представление о внешнем облике и поведении представителей некоторых профессий):

пастух: Тот (капитан Кошкин) стоял сбоку, совсем близко, на болотной кочке, опираясь обеими руками на толстую палку, смотрел на проходящее мимо отделение, глаза его в полумраке поблескивали. «Как пастух», — мелькнуло почему-то злорадно у Зубова, и он остановился (А. Иванов).

экскурсовод: Начальник лагеря обожал принимать делегации... Как экскурсовод, ходил он с вытянутым вперед указательным пальцем, объясняя, что беседка называется беседкой, а библиотека — библиотекой (А. Алексин).

Пример с единицей *шахтер* связан с понятием двойной актуализации³: Назавтра позвонил Павлуша... Сказал, что с утра, как шахтер или строитель метро, начинает подземную

работу, чтобы оттуда, «из-под земли» добыть путевку Корягину (А. Алексин).

Актуализируется сема «извлекать (уголь) из-под земли», которая затем в результате двойной актуализации осмысливается как значение фразеологизма «доставать (что-либо) из-под земли». В данную подгруппу во французском языке вошли следующие единицы:

дикарка — «неумение обращаться»: *Tres vite, Nathalie arrivait, se deshabillait, se glissait dans le lit, parfois sans un mot comme une sauvage* (F. Sagan);

куртизанка — «ласковая»: *Et elle lui caressait les cheveux comme une courtisane* (H. Troyat);

людоеды — «первобытная, необузданная страсть»: *Il ne faut pas croire que les hommes se jettent sur les femmes comme des anthropophages* (Colette);

знаменосец — «прямота осанки», «осознание важности своей деятельности»: *Et il passa, roide et digne comme un porte-drapeau, devant sa femme qui sanglotait* (H. Troyat);

вор — «стремление спрятаться, исчезнуть из виду»: *Paul éprouva cette même sensation curieuse qui lui donnait à la fois envie d'entrer dans le cirque et de se sauver comme un voleur* (B. Clavel);

репортер — «ищущий, любопытный взгляд»: *Lebrun essayait de présenter son amie, qui, elle aussi, restait debout et regardait autour d'elle comme un reporter* (E. Triolet);

киноактриса — «ярко, броско и модно одетая»: *Interrogée à la descente, une très jeune concierge, coiffée et bichonnée comme une starlette, nous fournit en une seule phrase — à tournure significative — au moins deux indications* (H. Bazin).

В данной подгруппе во французском языке, так же, как и в русском, более широко представлена актуализация периферийных сем.

Таким образом, различие существительных, выступающих в качестве образа сравнения в компаративных конструкциях русского и французского языков, проявилось: 1) в выявлении разных ТГ в обоих языках; 2) в употреблении разного количества слов в рамках одноименных ТГ; 3) в преимущественном использовании разных сем в одинаковых единицах, например: рус. *вор* — «боязнь обнаружения»; фр. *voleur* — «стремление исчезнуть из виду» рус. *ребенок* — «капризность», «плаксивость», «обидчивость»; «доверчивость»,

«повышенный жизненный тонус»; «нежность кожи», «пухлость и яркость губ»; «наличие тонкого волосяного покрова»; фр. *enfant* — «тревога, беспокойство»; 4) в использовании одинаковых сем в единицах разноименных ТГ: *белый как лунь* — *blanc comme un lavo* (белый как умывальник); *холодный как лед* — *froid comme un poisson* (холодный как рыба); *чистый как стеклышко* — *pur comme une étoile* (чистый как звезда); *крепкий как камень* — *dur comme un sabot* (крепкий как сабо — деревянный башмак); *блестящий как чернослив* — *luisant comme du brai* (блестящий как смола).

Сопоставительное исследование сравнительных конструкций позволяет выявить национальную специфику семантики слов, выступающих как образы сравнения. Например:

Сердитый и черный как черт	<i>noir comme le Diable</i> (черный как черт — дьявол)
Горячий как черт	
Способные как черти	

Семы «сердитый», «горячий», «способный» являются национально-специфическими для русского языка, «черный» — для французского.

Оба языка предпочитают использовать в качестве образа сравнения такие единицы, как:

Рус.	Фр.
ТГ «Наименование лиц»	
<i>ребенок</i>	<i>enfant</i> (ребенок) <i>fou</i> (безумец)
ТГ «Дикие животные»	
<i>зверь</i>	<i>animal</i> (животное)
ТГ «Религия»	
<i>черт</i>	<i>Dieu</i> (бог)
ТГ «Предметы домашнего обихода»	
<i>мешок</i>	<i>corde</i> (веревка) и т. д.

Русский язык использует компаративную номинацию шире, чем французский. Структура компаративных конструкций русского языка представлена союзами *как, будто, словно, ровно, чисто, подробно, точно* и др. Например:

Родион Густавович торопливой мыслью, *словно метлой*, прошелся внутри себя (П. Проскурин); Мать приносила иожницы, стригла ребят, *будто овец*, прямо на берегу (В. Астафьев); Утро наступило немного морозное, сквозное и хрупкое, *как стекло* (К. Воробьев); Давеча кличу его [Прошку], а он *чисто* пенек — не слышиг ни рожна! (Вл. Кораблинов); Иванов не отрывался от чертежа, который, *подобно* скатерти, накрыл собою стол и свешивался по бокам (А. Алексин); Умные глаза его, длинные и узкие, как у монгола, *поблескивали, точно* бритвы (А. Иванов).

Во французском языке в компаративных конструкциях употребляется только союз *comme* — *как*: Elle est bavarde comme une pie et Nathalie le saurait (F. Sagan).

Оба языка используют в сравнительных конструкциях имплицитные модули основания сравнения, не представленные в плане выражения, однако русский язык гораздо чаще:

Слова, как мед, да с чем их едят? (сладкие) (А. Иванов), Ну, к той поре, когда мы бурлачить начали, Танька стала сама как ягода (спелая) (В. Белов); Я говорю: «Тебе, парень, больше досталось: вишь, губа-то как морковина стала» (красная) (В. Белов); — Гм... Хучь я и не достигнул до бла городия пока... — помягчал Косоротов, — а чтоб при моем дежурстве — как огурец! (свеженький) (А. Иванов); Даже мужики на завалинке, чадя махоркой, рассуждали о гибельной сущности стронция: — Бабы и те от него лысеют и кровь — как моча (желтая) (Вл. Тендряков); И этот блеск, как недавно звон медалей Горохова, опять вызвал у Полипова вспышку раздражения. — Два дня живете здесь, а как в свинарнике! (грязно) (А. Иванов).

Во французском языке: Vous ne me direz pas qu'il aime cette grande idiote, ce n'est pas possible, elle a un cerveau comme une meringue (R. Merle).

Функцию сравнительных союзов может выполнять форма творительного падежа имени существительного без предлога. Творительный падеж в русском языке представлен гораздо шире, чем соответствующий ему в переносных значениях предлог *en*. Он зафиксирован нами в 23 из 28 выделенных тематических групп. Наблюдается его отсутствие в таких тематических группах, как звуки; наименование ненужных предметов; одежда человека; имена собственные и имена ли-

тературных персонажей; архитектурные произведения и детали. Наиболее активна форма творительного падежа в следующих тематических группах.

«Предметы домашнего обихода»:

снаряд свечкой вылетел куда-то в небо;
в голове гвоздем торчала одна мысль;
немец мешком отвалился в сторону;
губы вытянулись скобкой вниз и т. д.

«Объекты и явления природы»:

вихрем влетел я в комнату;
холод волной прокатывался по цементному полу;
стаяка пескарей, мелькнув молнией, скрылась из глаз;
снег тучей взвился над землей и т. д.

«Дикие животные, птицы, рыбы»:

она щукой метнулась к Савельевой;
партизан рысью убежал в лес;
Лукерья стояла медведицей у потревоженного гнезда;
росомахой выиграл черный плюш на белом снегу и т. д.

«Домашние животные и птицы»:

она козой запрыгала от радости;
за ней гуськом потянулись одноклассники;
Митяи кошкой вскочил на крышу;
профессор ржал жеребцом;
Митины причуды начались еще на подходе к дому:
петухом прокричал и т. д.

Во французском языке форма с предлогом *en*, соответствующая русскому творительному падежу, обнаружена нами в 3 из 22 выделенных тематических групп. Это: предметы определенной геометрической формы; машины и механизмы; военное дело. Например: *Le tandem repartit en flèche vers l'horizon* (Н. Troyat).

Представляется, что дальнейшее исследование позволит полнее выявить национальную специфику семантики в русском и французском языках.

¹ Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978. С. 72.

² Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 73.

³ Там же. С. 108.

МЕТОД ОБРАТНОГО ПЕРЕВОДА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Метод обратного перевода заключается в сопоставлении слова с его переводными соответствиями и последующим буквальным переводом этих соответствий на язык оригинала с целью выявления особенностей семантики исходного слова.

Различные способы передачи слова в переводе, а также случаи неадекватного перевода позволяют выявить те или иные компоненты значения слова.

Покажем возможность применения метода обратного перевода для семантического анализа наименований лиц в русском языке. Материалом для исследования послужили произведения А. Н. Толстого, М. Булгакова, М. Шолохова и их французские переводы.

Так, значение слова *командир* в словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (М., 1982) определяется следующим образом: «Начальник воинской части, подразделения, военного судна». В русско-французском словаре под ред. Л. В. Щербы (М., 1983) этому слову даются следующие переводные соответствия: *командир* — *chef, commandant*; (от роты и выше); *командир: дивизии* — *général, commandant la division*; *батальона* — *chef de bataillon, commandant du bataillon*; *орудия* — *chef de piece*; *корабля* — *commandant*; *полка* — *commandant du régiment*; *роты* — *capitaine, commandant de la compagnie*; *танка* — *chef de char*; *общевойсковой* — *commandant des troupes*.

Как видим, русское слово *командир* обладает большей степенью абстракции по сравнению с французскими переводными соответствиями.

Обратный перевод лексических соответствий слова *командир* в художественных текстах позволяет выявить ряд сем значения, не обнаруживаемых в словарной дефиниции этого слова. Например:

...Ударила батарея моего сына, провожая своего *командира* в далекий путь, и словно что-то во мне оборвалось... — *La batterie a tire, maniere de dire adieu à son capitaine avant le grand voyage, et ça m'a cassé quelque chose en dedans.*

Слово *командир* в русском примере актуализировано в объеме сем «начальник воинской части», «уважаемый», «близкий подчиненным», «боевой товарищ». Французское слово *capitaine* не передает этих сем, что и делает очевидным их наличие в русском слове.

В примере: «Замолчали они, а меня озноб колотит от такой подлжности. «Нет, — думаю, — не дам я тебе, сучьему сыну, выдать своего *командира!*...» — «*Ils se taisent. Moi, ça me piquait des frissons dans le dos cette orduerie. «Non, que je pense, je ne te laisserai pas cafarder ton lieutenant, fils de ta mere»,* французский эквивалент *lieutenant* не передает сем «уважаемый», «заслуженный», «старший товарищ», в результате чего перевод эмоционально значительно обедняется.

В большинстве это были *младшие командиры*. Гимнастерки они посымали, чтобы их от рядовых нельзя было отличить. — C'était, la plupart, *des chefs de section* qui avaient jete leur tunique pour qu'on ne les distingue point des hommes.

Здесь словосочетание *младшие командиры* точно передано в словах *des chefs de section* «отношение к младшему командному составу», но не переданы такие семы, как «неопытность», «несамостоятельность», «молодые», «недостаточная уверенность в себе».

И опять я возгордился им ужасно! Как ни крути, а мой родной сын — капитан и *командир* батареи, это не шутка! — Ce que j'ai ete fier, ce coup-là encore. On peut raconter ce qu'on veut, mais un fils capitaine et *qui commande une batterie...*

Не передаются в переводе семы «высокопоставленный», «авторитетный», «достигший высокого общественного положения», «пользующийся уважением».

А в полдень, в полдень исчез сам *командир* дивизиона капитан Плешко. — Alors, à midi, le capitaine Plechko, *commandant la division*, disparut aussi».

В русском слове *командир* раскрываются семы «высокая занимаемая должность», «важность занимаемого положения», «ценный, необходимый человек», которые подчеркиваются в контексте словом — уточнителем «сам». Во французском тексте эти семы не переданы, за исключением ядерной семы «командир дивизии».

— Ну, так вот-с — продолжал полковник — ...правда ваша: попытка арестовать своего *командира* обличает в вас

хороших патриотов, но она же показывает, что вы э... офицеры, — как бы выразиться? — неопытные! — «Bon, eh bien, voilà, reprit le colonel...: bien sûr, votre tentative d'arrêter **votre commandant** révèle en vous des qualités d'ardents patriotes, mais elle montre aussi que vous êtes heu... des officiers, comment dire? inexpérimentés.

Ядерные компоненты значений слов *командир* и *commandant* полностью совпадают, но выявляется более богатая периферия русского слова: «уважаемый», «заслуживающий доверия», «авторитетный».

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что русское слово *командир* по составу сем гораздо богаче своих французских соответствий и содержит большую семантическую периферию.

Значение слова *офицер* в толковом словаре русского языка определяется так: «Лицо командного состава армии и флота». Во французском толковом словаре (Petit Larousse illustré. Paris, 1980) слово *officier* имеет значение «Лицо, имсющее поручение и должность». Далее приводится большое количество слов и словосочетаний, соответствующих данному значению.

Дефиниции слова *офицер* в русском и французском языках демонстрируют различную глубину их семантики. Значение русского слова *офицер* оказывается более абстрактным по сравнению с *officier*, которое подробно детализируется множеством слов и словосочетаний.

Рассмотрим семантику данного слова на следующих примерах: ...«Войну и мир» читал... Вот действительно книга. До самого конца прочитал — и с удовольствием. А почему? Потому что писал не обормот какой-нибудь, а артиллерийский *офицер*. — ...si vous voulez le savoir, j'ai lu aussi Guerre et Paix... Ça, c'est vraiment un livre. Je l'ai lu jusqu'au bout — et avec plaisir. Et pourquoi? Parce qu'il n'a pas été écrit par un scribouillard quelconque mais par un *officier d'artillerie*.

Русское слово *офицер* помимо ядра включает также богатую периферию. Семы «высокая образованность», «интеллигентность», «опытность», «ум», «высокое общественное положение» не раскрываются во французском словосочетании *officier d'art-e*, которое подчеркивает принадлежность к роду войск и передает ядерные компоненты значения.

(Мышлаевский быстро наладил освещение в корпусе) ... в парадном подъезде ... вспыхнул свет. Малышев от удовольствия даже приоткрыл рот и обратился к Турбину: — Нет, черт возьми ... Это действительно *офицер*. Видали? — De contentement, Malychév ouvrit la bouche, puis, s'adressant à Tourbine: «Cré nom, il n'y a pas à dire... Ça, c'est un officier. Vous avez vu?».

Семантическая специфика русского слова *офицер* в данном предложении очевидна. Она актуализируется в семах «умелый», «технически грамотный», «быстрота действий».

В двух примерах, приведенных ниже, также раскрывается богатая периферия русского слова *офицер*.

Елена возмущенно дрогнула и показалась из тумана. — Витя, тебе стыдно. Ты *офицер*. — Hélène eut un sursaut indigné, et son visage émergea du brouillard. Victor, tu n'as pas honte? Toi, un officier».

О, чертова кукла, лишённая малейшего понятия о чести! Все, что ни говорит, говорит как бесструнная балалайка, и это *офицер* русской военной академии. — Ce pantin est absolument dépourvu de tout sens de l'honneur. Quoi qu'il en dise, il parle comme une balalaïka sans cordes, et c'est un officier sorti d'une école militaire russe...

Актуализированные семы «чувство чести», «благородство происхождения», «воспитанность», «умение держать себя в обществе», «образованность», «высокий интеллект» не передаются во французском слове officier, и, следовательно, значение данного слова не воспринимается французским читателем.

— Хотя, впрочем, на случай чего... Оно верно, время-то теперь ужасное. Кого ещепустишь, неизвестно, а тут *офицеры*, в случае чего... защита-то и есть... — Pourtant, s'il arrivait quelque chose... C'est vrai, avec des horreurs qu'on voit de nos jours. Savoir, encore, qui viendrait à leur place ... ce sont des officiers, après tout...

Здесь актуализируются семы «культурный», «благородный», «храбрый», «способный защитить». Во французском слове officier данные семы не передаются.

На лице первого ошеломление сменилось непонятной радостью. — Тю! — крикнул он. — Бачь, Петро: *офицер*. —

Вид у него при этом был такой, словно внезапно он, охотник, при самой дорожке увидел зайца. — Sur le visage du premier, la stupefaction fit place à une joie incompréhensible, sinistre. «Ouais, cria-t-il. Vise, Petro: **un officier**. En disant ces mots il eut l'expression d'un chasseur qui verrait soudain devant lui, en plein milieu du chemin, un lièvre.

Актуальный смысл слова *офицер* передают семы «представитель монархического строя», «враг рабочих», «представитель эксплуататорских классов», которые отсутствуют во французском слове.

Национальная специфика семантики русского слова *офицер* еще более ярко проявляется в примерах:

Говорю ему таким сдобным голоском: «Здорово, дид. Давай скорее сани». А он отвечает: «Нема. *Офицерня* уси угнала на Пост». Я тут мигнул Красну и спрашиваю: «*Офицерня?* Тэк-с...». — De la même voix mielleuse je lui dis: «Salut, grand-pere. Trouve nous un traîneau vite». Il me répond: «Il n'y en a plus. **Les officiers** les ont tous pris pour les envoyer à Post». Je fais un clin d'oeil à Krassine, et je demande au vieux: «Les officiers, hein? Bien, bien...».

— И реквизированные лошади, и отобранный хлеб, и помещики с толстыми лицами, вернувшиеся в свои поместья при гетмане, — дрожь ненависти при слове «*офицерня*». — «Et les requisitions de chevaux, et le blé volé, et, sous l'hetman, le retour des propriétaires fonciers au visage gras, — le frisson de haine au mot «**officier**».

Обширная периферия просторечного русского слова *офицерня*, его неодобительно-оценочный смысл, презрительно-эмоциональная окрашенность не передаются во французском слове officier.

Слово *солдат* в толковом словаре русского языка передается как «рядовой военнослужащий армии». Во французском словаре (Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1981) оно имеет толкование: «Человек, оснащенный и обученный государством для защиты территории». Часто в русском языке это слово используется с уменьшительными суффиксами:

Бросьте, в самом деле, дурака валять, Алексей Иванович. — Так ведь там инструменты, одежда ... А я с одним вот с энтим *солдатежком* переглянулся, — рожа у него самая ненадежная. — Cessez donc de dire des sottises, voyons, Alexei

Ivanovitch. — Mais nous avons là des instruments, des habits... J'ai échangé un regard avec **un soldat**, il a une binette, vraiment peu rassurante...

В светлой соломенного цвета рубке он сел в плетеное кресло и некоторое время глядел на востроносых, щуплых *солдати́ков*, помаргивающих, как птицы, рыжими глазами. — Dans le rouf clair couleur paille, il s'assit dans un fauteuil tressé, et se mit à observer les petits **soldats**, fluets, au nez pointu, qui clignaient leurs paupières rousses, tels des oiseaux.

Солдатик был совсем захудалый, выскребленный последней мобилизацией из захолустья, — все же барыня какая-то, ...полезла его целовать, потом его стащили с Лобного места, подняли на руки и с криками понесли. — **Le petit soldat** ne payait guère de mine; c'était la dernière mobilisation qui avait dû le tirer de son trou. Néanmoins une dame dont le chapeau à plumes avait glissé sur l'oreille, monta l'embrasser. Après quoi on arrache **le petit soldat** du Lobnoïe Mesto, on le hissa sur des épaules et on l'emporta avec des cris.

Метод обратного перевода показывает, что слово *soldat* во французском языке не передает актуального смысла русских слов *солдати́ки*, *солдате́жки*: 1) *солдате́жки* — «ненадежность», «пренебрежительность»; 2) *солдати́ки* — «маленькие», «одинаковые», «стандартные»; 3) *солдатик* — «ласкательность», «маленький».

Коннотация рассмотренных слов в переводах не передается. В. Г. Гак подчеркивает, что в переводных словарях часто нет коннотативных слов, а без них перевод превращается в бесплотный скелет и не становится литературным произведением (см.: Гак В. Г. Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 101).

Слово *шофер* в русском и французском толковых словарях совпадает по ядру значения: *шофер* — *chauffeur* — водитель автомобиля. В текстах выявляется различная периферия значений этих слов.

Приезжий обер-лейтенант говорит через переводчика: «Кто служил в армии или до войны работал шофером — шаг вперед. Шагнуло нас семь человек бывшей *шоферни*... — ...et un Oberlieutenant, nous explique par l'interprète: «Ceux qui ont été chauffeurs dans l'armée ou dans le civil, sortez du rang». On est sorti sept qui avaient travaillé comme **chauffeur**...

Богатая периферия просторечного русского слова *шофер*-*ня*, его эмоционально-оценочный характер во французском переводе отсутствуют. Переводчик пользуется определительным предложением: «...которые работали шоферами», не передающим такие семы, как «простой труд», «тяжелая физическая работа», «невысокий уровень образования», «невысокое общественное положение».

Мужчина наклонился к мальчику, сказал: — «Поздоровайся с дядей, сынок. Он, видать, такой же *шофер*, как и твой папашка. Только мы с тобой на грузовой ездили, а он вот эту маленькую машину гоняет». — Il se pencha sur l'enfant: — Dis bonjour au camarade petit. C'est un chauffeur comme ton papa, tu vois? Sauf que nous, on voyageait en camion et que lui, il conduit ce...

В русском слове актуализируются периферийные семы «простой труд», «тяжелая физическая работа», «невысокое общественное положение», «доверие», «взаимопонимание», «традиционная взаимопомощь», «отзывчивость», «вызывает уважение». Во французском слове эти семы отсутствуют. Но, в свою очередь, французское слово вносит в перевод дополнительные семы, отсутствующие в русском слове *шофер*, а именно: «высокая квалификация», «надежное положение в обществе», «относительно устойчивая материальная обеспеченность», «постоянная работа».

Он хотя и имел инвалидность, но работал *шофером* в автотопте, устроился и я туда же. — Lui quoique pensionné, était resté dans les routiers.

В слове *шофер* актуализованы семы «полезность обществу», «привычка к труду», «любовь к своей работе», которые не передаются переводным соответствием *routier*.

Слово *routier*, напротив, вносит для французского читателя семы «водитель тяжелых грузовых машин», «водитель дальних рейсов», «высокооплачиваемая должность», «надежность положения», «высокий уровень квалификации», которых нет в слове оригинала.

Безэквивалентный перевод выявляется также в предложении: А я иду мимо, гляжу: свой брат *шофер* загорает. Дай, думаю, зайду, перекурим вместе. — Je passais, gigue — toi, je regarde: tiens, je me dis, un collègue qui se chauffe; allons-y; on va en griller une ensemble. В данном случае семный состав слов *шофер* и *collègue* не совпадает не только по периферии,

ферии, но и по ядру. *Collègue* — букв. перевод «коллега» — не соответствует слову в русском предложении, где построение фразы, порядок слов, а также само словосочетание «...свой брат шофер» помогают ярче, эмоциональнее передать ядерно-периферийное значение слова *шофер*, семы «традиционная взаимопомощь», «взаимопонимание», «духовная близость», «простота обращения».

Слово *начальник* имеет значение «Должностное лицо, руководящее, заведующее чем-либо». Во французском языке оно передается двумя соответствиями: «1. *chef*. 2. *supérieur*».

Толковый словарь французского языка следующим образом раскрывает семантику этих слов: *chef*. — 1) вождь, глава; 2) начальник, шеф, заведующий, старший; 3) военный командир. *supérieur* — 1) начальник, -ица; 2) игумен, -ья, настоятель, -ница (монастыря). Переводные соответствия слова *начальник* показывают более абстрактное значение русского слова. Контекст выявляет его многочисленные периферийные семы.

«И заметь, браток, что еще долго я, как только с *начальством* приходилось говорить, по привычке невольно голову в плечи втягивал, вроде боялся что ли, как бы меня не ударили». — Et remarque, frère, que longtemps après encore, chaque coup que je devais causer à un *supérieur*, affaire d'habitude, je rentrais la tête dans les épaules...

В слове *начальство* выявляются яркие периферийные семы «большая власть», «широкие полномочия», «важность», «непререкаемость».

Следует еще раз подчеркнуть роль контекста в актуализации данных сем, а также наличие в русском слове в данном контексте неодобрительно-наведенной эмоционально-оценочной коннотации, которая также остается скрытой для человека другой национальной культуры. Перевод французского слова *supérieur* («вышестоящий») передает только ядерные семы значения: За столом — все лагерное *начальство*. — Tous les légumes du camp étaient à table...

Для того чтобы передать наведенные неодобрительно-оценочные семы переводчик использует французское слово *légumes* (букв. «овощи»), которое имеет фамильярное значение «важные персоны». Эта попытка компенсации указывает на наличие неодобрительно-оценочного компонента в семантике русского слова *начальство*.

Слово *доктор* в русском словаре семантизировано как 1) врач (разг.); 2) высшая ученая степень, присуждаемая на основании защиты диссертации, а также лицо, которому присуждена эта степень. Во французском словаре это же слово семантизировано как 1) ученый человек; 2) лицо, которому присвоено самое высокое университетское звание, степень; 3) лицо, имеющее степень доктора медицинских наук и занимающееся медициной или хирургией.

Таким образом, налицо уже словарное различие между единицами двух языков. Рассмотрим примеры.

Поблагодарил я его душевно и он дальше пошел в темноте, потихоньку спрашивая: «Раненые есть?». Вот что значит настоящий *доктор*! Он и в плену, и в потемках свое великое дело делал. Je l'entends qui chuchotait: «Pas de blessés par ici?» Ce que c'est bein, qu'un vrai *docteur*. En captivité, dans la nuit noire, il continuait son beau metier.

При сопоставлении данных переводов видна богатая периферия русского слова *доктор*: «высокая квалификация», «забота о человеке», «внимание», «опыт», «ответственность», «уверенность в необходимости своего дела», «благородство». В переводе же мы имеем случай не только периферийного несовпадения значения слова, но и ядерного.

Перевод предложения: Кормили меня помалу, но часто, иначе, если бы давали еды вволю, я бы мог загнуться, так *доктор* сказал. — On me nourrissait à petits coups, mais souvent, rapport à ce que j'aurais crevé, disait le *major*, d'être alimenté à mon contentement et je me rétablissais bien выявляет различительную сему «военный врач», «хирург», но не отражает коннотацию русского слова *доктор*. Такие семы, как «гуманность», «внимательность», «забота», «ум», «добротa», «высокое занимаемое положение в обществе», не передаются во французском слове *major*.

В следующих примерах интересна попытка переводчика передать глаголом то, что не передается существительным.

Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской *доктор*...» — J'en voyais trente-six chandelles, je grinçais des dents, et j'y explique: «Faut croire que t'es veterinaire. T'as jamais soigné les gens...».

В предложении T'as jamais soigné les gens... («Ты никогда не лечил людей») переводчик старается компенсировать семы «сострадание», «чувство боли», «милосердие», «внимание», «деликатность обращения».

Слово *врач* в толковом словаре русского языка определяется как «Лицо с высшим медицинским образованием, лечащее больных». Во французско-русском словаре слово *médecin* определено также однозначно: «Врач, медик», но употребление этого слова в русской речи выявляет его более богатую периферию.

— Может, он еще и жив? — робко спросил он. — Видишь ли, все-таки он *врач* ... Если даже и схватили, может быть, не убьют, а заберут в плен... — *Il est peut-être vivant?* — demanda-t-il timidement. *Vois-tu, il est tout de même médecin...* Meme s'il a été pris, il n'a peut-être pas été tué, mais fait... prisonnier.

Несмотря на ядерное сходство значения данного слова, периферия русского слова *врач* значительно богаче, что проявляется в семах «гуманная профессия», «необходимая профессия».

В гостиной Елена протянула врачу деньги. Тот отстранил рукой... — Что вы, ей-богу, — сказал он, — с *врача*? — *Dans le salon, Hélène tendit de l'argent au médecin. Celui-ci refusa d'un geste ... «Mais non, voyons, dit-il, pas pour un confrère».*

В данном случае в словах *врач* и *médecin* не совпадает не только периферия, но и ядро. Во французском слове *médecin* (букв. собрат, товарищ, коллега) не отражены семы «бескорыстие», «гуманизм», отсутствие которых значительно обедняет эмоциональную окрашенность всего предложения и не передает его экспрессивности.

Слово *студент* в русском и французском толковых словарях семантизировано одинаково: «Учащийся высшего учебного заведения или техникума».

В примере: В караулах как-никак восемь пулеметов и юнкера — это вам не *студенты*!.. — *Il y a tout de même huit mitrailleuses pour les sentinelles, et les junkers — s'il vous plaît — ne sont pas de simples étudiants...* в русском слове *студенты* актуализируются семы «неумелые воины», «не имеющие военной подготовки». Для передачи актуального смысла русского слова *студенты* переводчик вынужден употребить слово-уточнитель «не простые». Несмотря на одинаковое толкование значения данного слова, русское слово *студент* более абстрактно, чем французское *étudiant*.

Слово *профессор* в русском толковом словаре определяется следующим образом:

Ученое звание, присваиваемое наиболее квалифицированным преподавателям высших учебных заведений и научным сотрудникам научно-исследовательских учреждений, руководящим научно-исследовательской работой, а также лицо, носящее это звание». Французско-русский словарь переводит значение слова *professeur* как «Лицо, которое преподает какую-либо науку, искусство».

Разница данных дефиниций налицо при сопоставлении перевода русского слова *профессор* на французский язык.

...Умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. — ...le temps avait fui comme un feu follet, et les enfants avaient grandi, mais la pendule n'avait pas changé et carillonnait comme une horloge.

В русском слове *профессор* ярко выражена сема «высокопоставленный». Французский перевод не передает ни ядра, ни периферии данного слова.

Анализ лексического значения наименования лиц по профессии методом обратного перевода с французского языка позволяет сделать следующие выводы.

* Приводимые в словарях соответствия не всегда оказываются достаточно точными, так как помимо ядерных сем значения включают большое количество периферийных, дополнительных сем, способных актуализироваться в речи, но не совпадающих в семантике двух языков.

Набор сем, выявленный для значения слова одного языка, не всегда возможен для их словарных соответствий в другом языке, поэтому при переводе текста переводчик вынужден выбирать разные средства для передачи того или иного актуального смысла, использовать приемы переводческой компенсации, что делает обнаружимыми семы единиц оригинала. Различный семный состав сравниваемых единиц выявляет национальную специфику семантики слов двух языков.

Несоответствия значений наименования лиц связаны прежде всего с тем, что в одном из рассматриваемых языков (русском или французском) отсутствуют различительные семы, характерные для единицы другого языка. Периферийные семы дополняют ядро и в значительной степени обуславливают семантическое варьирование слова в речи. Именно в сфере обнаружения периферийных сем метод обратного перевода оказывается наиболее эффективным.

Метод обратного перевода позволяет выявить системные

семы слова языка оригинала, которые не переданы в тексте перевода, а также и окказиональные, наведенные контекстом семы. Этот метод позволяет также в ряде случаев обнаружить дополнительные семы, вносимые переводным соответствием и отсутствующие в слове языка оригинала.

Проведенное исследование показывает принципиальную возможность использования метода обратного перевода как инструмента анализа лексического значения слова. Для более эффективного применения метода обратного перевода необходимо увеличение выборки, что позволит обнаружить больше разнообразных способов перевода исследуемых единиц.

С. Г. СТЕРНИНА

Воронежский пединститут

МЕТОД ОБРАТНОГО ПЕРЕВОДА КАК ПРИЕМ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Использование метода обратного перевода в лингвистике позволяет выявить не только состав значений многозначного слова в исследуемом языке (разные переводные соответствия слова указывают на разные его значения), но и семную структуру значения слова (разные переводные соответствия одного лексико-семантического варианта слова позволяют обнаружить различные семы в его структуре).

Целью предлагаемой статьи является анализ возможности применения метода обратного перевода для параллельного выделения одноименных лексико-семантических групп (ЛСГ) в двух языках.

Применение метода обратного перевода для выделения ЛСГ заключается в последовательном расширении списка ЛСГ за счет многоступенчатого взаимного анализа переводных соответствий слов двух языков. Для обеспечения большей эффективности и надежности анализа метод обратного перевода комбинируется с методом синонимического расширения ЛСГ, который состоит в дополнении списков ЛСГ путем использования на каждом этапе синонимических словарей.

Покажем методику выделения лексико-семантических

групп указанным способом на примере ЛСГ «Здания» в русском и французском языках.

Методика применения обратного перевода для выделения ЛСГ может быть представлена в виде алгоритма из четырех последовательных шагов (этапов).

I. *Получение исходного русского списка ЛСГ путем выделения опорного слова и синонимического расширения.* На этом этапе выбирается опорное слово ЛСГ — ее название. Для анализируемой ЛСГ таковым явилось слово *здание*, наиболее общее по значению и в то же время достаточно конкретное по семантике.

Опорное слово сначала просматривается по синонимическим словарям русского языка¹. В словаре З. Е. Александровой находим: *здание* — *строение, постройка*; *постройка* — *см. Здание*; *строение* — *см. здание*. Круг замкнулся, синонимическое расширение по данному словарю завершено. В словаре А. П. Евгеньевой находим следующие синонимические ряды: *здание, дом* — *см. строение*; *строение* — *здание, дом, подсобное или хозяйственное помещение, постройка, см. здание*; *постройка* — *см. строение*. Круг снова замкнулся, но список ЛСГ расширился. Он является итогом первого этапа анализа и включает пять единиц: *здание, дом, помещение, постройка, строение*.

II. *Получение исходного французского списка ЛСГ путем перевода исходного русского списка.* Выделенные русские единицы просматриваются по русско-французскому словарю², в результате чего получаем список переводных соответствий слов исходного русского списка. В список включаются только единицы в значениях, соответствующих исследуемой ЛСГ; значения, выводящие исследователя за пределы анализируемой группы, не рассматриваются.

Переводными соответствиями слова *здание* во французском языке выступают: *édifice, bâtiment, immeuble, immeuble géant, immeuble à beaucoup d'étages*. Все три слова и оба словосочетания входят в анализируемую группу.

Переводными соответствиями слова *строение* выступают: *structure, биол. texture, bâtiment, édifice*. Первые два соответствия не включаются в список, так как не относятся к исследуемой группе.

Переводные соответствия слова *постройка*: *construction* (действие), *construction* (здание), *bâtiment, bâtiesse*. Кроме того, выявляются переводные соответствия словосочетаний

со словом *постройка*: свайные постройки — habitations lacustres, cités lacustres.

Не войдет в список ЛСГ слово *construction* (действие), остальные слова и словосочетания принадлежат исследуемой группе. Слово *habitation* также войдет в рассматриваемую группу, а слово *cité* — нет, так как оно обозначает поселок, город.

Переводными соответствиями слова *дом* во французском языке выступают: *maison, immeuble, logis, foyer, home, famille*. Последние три слова имеют значения «семья, хозяйство, домашний очаг» и остаются за пределами ЛСГ. Выявляются также соответствия словосочетаниям со словом *дом*: *жилой дом* — *maison d'habitation, immeuble d'habitation*; *дом отдыха* — *maison de repos*; *дом культуры* — *maison de la culture*; *дом крестьянина* — *maison du paysan*; *дом ученых* — *maison des savants*; *детский дом* — *maison d'enfants, orphelinat*; *родильный дом* — *maternité*; *дом пионеров* — *maison des pionniers*; *дом престарелых* — *maison de retraite*; *исправительный дом* — *maison de correction*; *ночлежный дом* — *asile de nuit*.

В рассматриваемую лексико-семантическую группу войдут только первые два словосочетания — *maison d'habitation, immeuble d'habitation*, остальные словосочетания относятся к лексико-семантической группе «учреждения».

Слову *помещение* во французском языке соответствуют следующие единицы: *local, logis, logement, placement, investissement*.

Последние два соответствия исключаются из рассмотрения, так как выходят за пределы группы: они обозначают «размещение» (процесс) и «помещение капитала».

Словосочетанию *жилое помещение* во французском языке соответствует словосочетание *surface habitable*.

Таким образом, в результате просмотра исходного русского списка по русско-французскому словарю получаем список рассматриваемой ЛСГ во французском языке, который включает следующие единицы: *edifice, bâtiment, immeuble, bâtisse, construction, habitation, maison, local, logis, logement*, а также словосочетания: *immeuble geant, immeuble à beaucoup d'étages, habitation lacustres, maison d'habitation, immeuble d'habitation, surface habitable*. Словосочетания методом обратного перевода на следующих эталах не исследуются, так как в словарях как отдельные единицы они не отражаются.

III. *Синонимическое расширение исходного французского списка.* На этом этапе слова, составляющие список единиц ЛСГ во французском языке, полученный на предыдущем этапе, просматриваются по французским синонимическим словарям с целью расширения этого списка за счет синонимов³. В результате список ЛСГ резко расширился — с 10 слов до 137. На этом этапе в составе анализируемой лексико-семантической группы четко выделяются отдельные лексические микрогруппы.

ЛСГ «Здания» во французском языке вычленяет в своем составе следующие микрогруппы:

1. Общие названия зданий. Сюда вошли единицы: *maison, edifice, construction, bâtisse, bâtiment.*

2. Специализированные названия зданий и сооружений.

Здания для жилья: *logis, logement, appartement, résidence, propriété, villa, domicile, demeure, hutte, gentilhomme, mesure, muette, building, gratte — ciel, palais, palace, chalet, cottage, chamine, chamière, chateau, châtelet, caserne, casine, chartreuse, cagna, case, cahute, ajoupa, folie, bungalow, bastide, buron, bicoque, bastille, ermitage, serail, manoir, hôtel, habitacle, gîte, nid, cambuse, taudis, piaule, tôle, baraque, cabanon, foyer, penates, lares, habitation, monument, casarmement.*

Здания для выполнения определенных общественных функций: *prieure, couvent, chapiteau, chapelle, cloître, crypte, abbaye, abbatial, banniere, basilique, église, sepulere, temple, moutier, gare, oubliette, college, taule, basse-fosse.*

Служебные здания и сооружения: *abriment, belvedere, guirite.*

Укрытия и убежища: *refuge, dais, gourbi, asile, avent, abat-vent, pied-à-terre, bouge et bouge.*

Здания для хозяйственно-бытовых целей: *grenier, pavillon, remise, ecurie.*

3. Названия частей зданий и сооружений.

Внешние структурные части зданий: *donjon, dôme, mansarde, clochet, clocheton, campane, campanile, caveau, aile, echaiguette, silo, terrasse, tourelle.*

Помещения: *studio, cuisine, galitas, garni, casarmement, cagibs, chambrette, chambre, chambree, communs, alcôve, rez-de-chaussee, sous-sol, salle, salon, souterrain, pice, cellule, oubliette.* В состав ЛСГ должны вонти также словосочетания: *loge de consierge, fourrier aux chiens, chalet de necessité, cul de basse-fosse maison centrale* и др., обнаруживающиеся в

процессе обратного перевода. Три слова — *vigwam*, *cottage* и *izba* — являются для французского языка варваризмами.

IV. *Получение русского списка ЛСГ путем перевода единиц расширенного французского списка.* На этом этапе 137 французских единиц просматриваются по французско-русскому словарю⁴ и выявляются их русские соответствия. Исходный русский список из 5 единиц расширяется в результате до 100 слов.

1. Общие названия зданий: здание, строение, дом, постройка, сооружение.

2. Специализированные названия зданий и сооружений:

Здания для жилья: поместье, имение, усадьба, домик, особнячок, дворец, гостиница, коттедж, избушка, хижина, замок, казарма, домишко, барак, землянка, халупа, изба, резиденция, бунгало, хибарка, вилла, вигвам, собор, лачуга, шалаш, дворец, отель, небоскреб, корпус, обиталище, кров, общежитие, барак.

Здания для выполнения определенных общественных функций: монастырь, часовня, церковь, собор, вокзал, павильон, палатка, ларек, склеп, гробница, тюрьма.

Служебные здания и помещения: караулка, сторожка, будка.

Укрытия и убежища: убежище, навес, пристанище, приют, обитель, беседка.

Здания для хозяйственно-бытовых целей: сарай, гараж, амбар, конюшня, бункер, кабина (на морском пляже).

3. Названия частей зданий и сооружений.

Внешние структурные части зданий: флигель, пристройка, колокольня, башенка, колоколенка, терраса.

Помещения: комнатка, комната, клетушка, комната, кухня, погребок, подвал, крыло (здания), мансарда, палата, гостиная, приемная, квартира, студия, чулан, камера, келья, карцер, подземелье.

В составе ЛСГ выделяются также относительно устойчивые словосочетания: силосная башня, загородный дом, хижина на сваях, общественный туалет, свайная постройка, деревенский дом, охотничий домик, высотное здание, навес от дождя, каретный сарай, дачный домик, меблированная комната.

Метод обратного перевода в том объеме, в котором он продемонстрирован в данной статье, не дает еще возможности выделить лексико-семантические группы в окончательном

виде; необходимо продолжить выявление членов исследуемых ЛСГ в описанном порядке. Полученный русский список должен быть расширен путем перепроверки единиц по русским синонимическим словарям (ср. этап I), а затем вновь переведен на французский язык (ср. этап II) и т. д. Процедура должна продолжаться до тех пор, пока в списках перестанут появляться новые единицы.

Список лексем исследуемых ЛСГ должен быть дополнен списком устойчивых словосочетаний, которые также являются полноправными единицами лексико-фразеологической системы языка.

Выделяемые в процессе обратного перевода лексические микрогруппы могут быть легко дополнены и чисто логическим способом, особенно на III—IV этапах, когда уже в основном определяется состав ЛСГ и видно, какие лексем еще не попали в ее состав. Так, для русской ЛСГ в подгруппы «помещения» должны быть включены слова *зал, спальня, столовая, кабинет, коридор* и др., в подгруппу «внешние структурные части здания» — *крыльцо, чердак* и др. Применение логического расширения ЛСГ позволяет ускорить процесс ее выделения.

Приведенное выше деление ЛСГ на семантические подгруппы является в значительной степени условным, предварительным, как и сами названия подгрупп, так как на данном этапе (и это очевидно) в подгруппы входят достаточно разнородные единицы, которые при увеличении численного состава подгруппы выделятся, по-видимому, в самостоятельные микрогруппы.

Отметим также, что в процессе применения метода обратного перевода по мере расширения списка ЛСГ увеличивается семантическая неоднородность выделяемых единиц, выявляются более и менее абстрактные по значению единицы, реальные семантические связи слов различных семантических микрогрупп, обнаруживается притяжение лексем друг к другу. Уточняется и название выделяемой ЛСГ. Так, приведенный выше анализ показывает, что выделяемую ЛСГ целесообразнее назвать «Здания, сооружения и их части» — это название более точно соответствует реальной структуре лексической группировки, показывает реальную общность семантических микрогрупп в языковой системе.

Сопоставление структуры и состава исследуемой ЛСГ в русском и французском языках показывает, что по структуре

лексико-семантические группы в обоих языках в основном совпадают, но по составу единиц наблюдаются значительные различия.

Выявление национальной специфики ЛСГ в обоих языках требует детального сопоставления микрогрупп и отдельных единиц двух языков. Пока можно указать лишь на те различия, которые стали очевидными уже в процессе выделения ЛСГ методом обратного перевода.

Сопоставление русского и французского списков одноименных ЛСГ позволяет выявить ряд лакун в русском языке, на которые указывают русские переводные соответствия, выраженные свободными словосочетаниями, в то время как во французском языке данные понятия выражены отдельными лексемами. Лакунами для русского языка будут следующие французские единицы: *palace* — роскошный отель, *chalet* — швейцарский домик, *châtelet* — небольшой укрепленный замок, *chambre* — общая спальня в общежитии, *abbatiale* — монастырская церковь, *belvédère* — будка регулировщика, *bastille* — укрепленный замок, *banne* — парусиновый навес, *donjon* — главная башня замка, *guérite* — плетеная будочка, *guérite* — кабина на морском пляже, *manoir* — средневековый замок, *échaugette* — угловая сторожевая башня замка, *hôtel* — резиденция короля, *monument* — величественное здание, *ermitage* — одинокий сельский домик, *studio* — основная комната в небольшой квартире, *garçonnière* — квартира холостяка, *pied-à-terre* — временное жилище, *basse-fosse* — подземная тюрьма, *gentilhomme* — небольшая дворянская усадьба и др.

Французские слова во многих случаях оказываются шире по семантике, чем их русские переводные соответствия, что затрудняет их отнесение к той или иной семантической подгруппе.

Например, следующие французские единицы имеют целый ряд русских лексических соответствий: *pavillon* — павильон, беседка, домик, особнячок, флигель, пристройка, палатка, ларек; *guérite* — будка часового, сторожка, плетеная будочка, кабина на морском пляже; *galetas* — чердачная комната, убогое жилище, лачуга; *propriété* — поместье, имение, усадьба; *cagna* — барак, землянка, домишко; *caveau* — погребок, подвал, склеп; *abri* — навес, караулка, сторожка в поле; *salle* — комната, помещение, палата; *salon* — гостиная, приемная, выставка; *dais* — навес, свод, балдахин, покров (поэт.); *hôtel* — отель, гостиница, особняк, резиден-

ция короля; gîte — жилье, жилище, кров, ночлег, пристанище; studio — кабинет, студия, мастерская художника, основная комната в небольшой квартире; taudis — конура, лачуга, трущоба; bouge et bouge — конура, чулан, трущоба, притон, вертеп; cabane — хижина, шалаш, лачуга; cabanon — маленькая хижина, небольшой шалаш, одиночная камера для буйных, деревенский домик в Провансе и др.

Во французском языке обращает на себя внимание большое количество наименований замков, тюрем и тюремных помещений, религиозных сооружений. Для русского языка характерно наличие значительного числа единиц с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Таким образом, метод обратного перевода позволяет не только выявить состав ЛСГ, но и обнаружить национальную специфику семантики исследуемых языковых единиц.

¹ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1975; Словарь синонимов: Справ. пособие / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1975.

² Русско-французский словарь / Под ред. Л. В. Шербы. М., 1969.

³ Использовались следующие словари: Rene Bailly. Dictionnaire des synonymes de la langue française. Paris, 1974; Charles Maquet. Dictionnaire analogique. Paris, 1968.

⁴ Французско-русский словарь / Под ред. К. А. Ганшиной. М., 1971.

Н. М. МАЛКИНА

Воронежский пединститут

О МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО АППОЗИТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ (на материале французского языка)

Теоретической базой исследования семантической структуры отношения характеризации (и аппозиции как одного из частных способов представления данного синтаксического отношения) нам послужили концепции Ш. Балли, Ф. Брюно, М. Крессо. Эти лингвисты определяют характеризацию как отношение, отражающее референтные связи между субстанцией и признаком.

Семантичность синтаксических структур трактуется в лингвистической науке по-разному. Мы решаем этот вопрос

относительно смыслового содержания характеристики в свете теории о соотносительности фактов языка с экстралингвистической реальностью. Иначе говоря, придерживаемся денотативной, или референтной, концепции синтаксических значений*, которая утверждает, что экстралингвистические связи (в определенной мере и определенным образом) преломляются в семантике и структуре синтаксических единиц. Такова точка зрения многих отечественных и зарубежных лингвистов, в том числе Н. Д. Арутюновой, Э. Бенвениста, В. Г. Гака, А.-Ж. Греймаса, Б. Потье, Л. Теньера и др. Опираясь на данную теорию, мы рассматриваем синтаксическое отношение характеристики как проекцию внеязыковой связи между субстанцией и присущим ей признаком.

Для выяснения принципа организации смыслового содержания характеристики и, соответственно, аппозиции мы прибегли к его интерпретации на лингвистическом уровне в терминах «признак», или «значения признака».

«Признак» в нашем понимании — это логико-семантическая единица, которая получила языковое содержание и закрепились языком в качестве конstituента семантической структуры отношения характеристики. С одной стороны, «признак» является отражением какого-либо свойства референта, с другой — входит в состав означаемого характеристики / аппозиции как его элементарный компонент.

Предлагаемая нами типология «признаков» включает два категориальных класса — классифицирующие и дескриптивные «признаки». Критерий выделения этих двух классов — наивысшая степень обобщенности признакового значения.

Классифицирующий «признак» выражает характеризующие родо-видовые, гиперо-гипонимические отношения. Он отождествляет какое-либо явление, предмет и т. п. с классом однородных явлений, предметов и т. п., включает их в определенный класс. По классифицирующим признакам осуществляется специфицирующая характеристика.

* В контексте, где речь идет о понятиях такого высокого уровня обобщения, как смысловое содержание синтаксического отношения характеристики, мы не стремились к жесткому разграничению понятий «денотат» и «референт». Тем более, что они образуют тесное диалектическое единство «сущности» и «явления». Строгая дифференциация этих понятий необходима при выявлении роли характеристики или какого-либо иного синтаксического отношения в процессе актуализации. В настоящем исследовании мы такой целью не задавались.

Дескриптивный «признак» мыслится как индивидуально присущий только данному конкретному явлению, предмету, лицу и т. п., а не классу однородных явлений, предметов, лиц. Дескриптивные «признаки» служат основой для дескриптивной характеристики, целью которой является индивидуализация, выделение из класса.

Значительное место среди дескриптивных «признаков» занимают «признаки» социально закрепленной оценки, зависящей от психологии носителей языка, от принятых в данном обществе способов осмысления окружающей действительности.

Граница, проводимая между классифицирующими и дескриптивными «признаками», в значительной степени условна. Данные классы выделяются лишь на основе логического критерия, поскольку в лингвистике пока еще не существует точных формализованных методов разграничения компонентов концептуального содержания различных языковых категорий. При делимитации «признаков» мы исходим из сформулированных выше дефиниций.

Каждый из этих двух категориальных инвариантных классов подразделяется, в свою очередь, на некоторое число конкретных, частных вариантов, находящихся на более низком уровне абстракции и соотносящихся с инвариантом по принципу включения частного в общее. Нам удалось выделить 13 классифицирующих и 33 дескриптивных значения признака.

Частные значения признака мы устанавливали, отправляясь от явлений речи, т. е. от внутренних семантических отношений между членами аппозитивных словосочетаний. Наиболее часто встречающиеся виды смысловых связей в аппозитивных комплексах фиксировались как типические частные «признаки».

К классифицирующим значениям признака отнесены:

А. «Признак» профессиональной специализации: *artiste-peintre, médecin dentiste*.

Б. «Признак», по которому устанавливается принадлежность живых существ к какой-либо биологической разновидности (по сходству формы, расцветки, размера и т. п.): *oiseau-mouche, requin-marteau, poisson-bagnard*.

В. «Признаки», по которым производится видовая дифференциация предметов и явлений:

назначение, функция: *avion-école, avion-hôpital, avion-taxi*;

устройство, способ приведения в действие: avion-gé-
action, appareil presse-bouton;

конструктивный «признак», т. е. характерная деталь,
определяющая специфику конструкции или фасона: voiture-
radio, voiture-radar, camion-benne, veste-châle.

Подтип: ингредиент, определяющий специфику кулинар-
ного изделия potage-vermicelle, café-crème;

способ осуществления: chauffage air chaud, chauffa-
ge eau chaude, chauffage multi-gaz;

стиль (архитектурный, литературный и проч.): lit Louis
XV, lit Directoire, lit pseudo-Renaissance;

специфическая форма: siège baquet, fauteuil crapaud.

Подтип: фасон, покрой одежды: jupe «tube», jupe cloche,
manteau «bateau», manteau cône;

автор, изобретатель: compteur Geiger, four Martin;

консистенция, структура, текстура вещества: papi-
er-crêpon, caoutchouc-mousse;

совмещение функций: café-bar, café-tabac, café-con-
cert;

Квантитативный «признак» (вес, объем, вместимость,
число составных частей и т. п.): poids coq, poids plume, po-
ids mouche; maillot une pièce, maillot deux pièces;

Видовая дифференциация путем уточнения или рас-
крытия содержания понятия, явления, мероприятия и проч.:
émission jeux de vacances, émission souvenirs.

Дескриптивные значения признака:

А. «Признаки», характеризующие лиц («персональная
сфера»).

Социальные характеристики:

должность, занимаемый пост: président-directeur gé-
néral, chef-opérateur;

совмещение профессий: analyste-programmeur, mon-
teur-levageur;

профессия: femme metteur en scène, père homme de
piste;

непрофессиональное окказиональное занятие: vi-
siteur-lecteur, garçon-joueur d'échecs;

социальное положение: voisin-propriétaire, collègue-
ouvrier;

национальность: sentinelle Allemand, voyageur Amé-
ricain;

принадлежность к общественному течению, полити-

ческой партии, общественной организации и т. п.: député communiste;

интерперсональные отношения (личные, служебные и проч.): diplomate-ami.

Характеристики по физическим и моральным качествам:

пол: voisin-homme;

возраст: vedette-enfant;

черты характера, манера поведения: garçon cerveau

brûlé;

физические качества: homme armoire normande.

Б. «Признаки», характеризующие предметы и явления:

цвет и его оттенки: damas groseille;

форма, конфигурация: plume-couteau;

материал, вещество, из которого сделан предмет:

valise pur porc.

Подтип: вещественные компоненты: alliage fer-nickel;

назначение, функция: mallette-lit de poupée;

характерное свойство: champagne nature.

Квантитативные характеристики:

размеры, габариты: jeu de dames miniature;

вес: costume poids plume;

объем, вместимость, мера содержимого: sac deux

kilos;

способ осуществления действия: nettoyage express-

vapeur.

Локативные характеристики:

местонахождение в пространстве: région frontière;

место производства, место осуществления: travail-

maison:

пространственная протяженность по начальному и

конечному пунктам: autoroute Paris-Normandie.

Темпоральные характеристики:

момент, эпоха, период существования, развития, про-

текания: départ début 1942;

временная протяженность по начальному и конеч-

ному моментам: période été-hiver;

продолжительность, длительность: prêt longue durée.

«Признак» высокой / низкой степени какого-либо качества:

значимости, важности: *idée maitresse*;

численности: *reunion monstre*;

продолжительности: *audience fleuve, bronzage minu-*

te и т. п.

Вариант: «признак» субъективной оценки:

положительная оценка: *epouse modele, docteur miracle*;

отрицательная оценка: *rire canaille, controle guilotine*.

В. «Признак» владения: *maison Dupont, pile de linge Colu*.

Г. «Признак» включения составляющих в ансамбль (характеристика по составляющим): *ensemble chemisier-jupe*.

Д. «Признаки», раскрывающие содержание понятия, явления, мероприятия: *operation antimaree noire*.

Е. «Признак», характеризующий действие, процесс по агенту: *interaction ocean-atmosphere*.

Ж. «Признаки», характеризующие действие по объекту, на который оно направлено: *controle-qualite*.

Таковы значения признаков, которые прочно вошли в набор типовых элементарных смыслов, составляющих в парадигматике языковую семантическую категорию характеристики. Эти значения регулярно реализуются в синтагматике как проявление связи «субстанция — признак».

Некоторые выделенные нами «признаки» б и ф у н к ц и о н а л ь н ы: они способны выступать и как классифицирующие, и как дескриптивные. Сюда относятся признаковые смыслы «назначение», «функция», «способ осуществления действия», «форма», «вес», «объем» и ряд других.

Выстроенную типологию элементарных признаковых смыслов мы рассматриваем как модель структуры значения характеристики / аппозиции. Принцип организации последнего следующий: отношение между «признаками» высшего и низшего уровней обобщения можно считать иерархическим, организованным по принципу включения частного в общее.

Генерализованные классы «признаков» противопоставлены конкретным признаковым значениям. Первые находятся на вершине этой двухуровневой иерархии, вторые органи-

зованы в тематические ряды (например, «физические признаки предметов», «социальные характеристики человека» и т. п.), между которыми не наблюдается нерархического подчинения. Место каждого тематического ряда внутри генерализованного класса не обусловлено противопоставлением другим тематическим рядам. Таким образом, конкретные значения признака организованы не иерархически, а тематически.

Подводя итог, следует сказать, что принцип организации означаемого характеристики / аппозиции выявлен методом компонентного анализа. Причем для избежания терминологической неточности выделенный нами конституент структуры значения исследуемого синтаксического отношения мы назвали «признаком» в отличие от «семы» — элементарного компонента смыслового содержания единиц лексического яруса языка.

Л. В. ИЛЬВЕС

Черновицкий университет

К ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЕ АНАЛИТИЧЕСКОГО СЛОВА

Изучение концептуального содержания именных сочетаний приводит к выделению такого простейшего отношения, которое в теории Ш. Балли получило название дистаксии¹.

Дистаксия — нарушение линейности языковых знаков, в частности, тот случай, когда означающее представлено несколькими означаемыми, ср.: *tout à coup* «вдруг», *tout à fait* «совсем». Иными словами, единое понятие выражается здесь несколькими звуковыми единицами, практически утратившими свой собственный смысл. Это упрощение значения отдельных элементов сочетания влечет за собой переход таких комплексов в состояние застывших грамматических форм, заметно приближая их к «классической» единице — слову.

Как показали исследования некоторых советских и зарубежных романистов, такое аналитическое слово, имея устойчивую структурно семантическую модель, в функциональном плане эквивалентно цельнооформленному слову и является единицей языка².

Легко обнаруживаются, например, в классе имен существительных уже при первом обращении к французскому

словарю довольно многочисленные «сложные именованья», включающие структуры троякого рода.

1. Сочетания существительного с препозитивным или постпозитивным прилагательным типа *ambre jaune* «янтарь», *bas âge* «младенчество», *balance romaine* «безмен», *barre fixe* «туршик», *bete noire* «пугало», *bile noire* «меланхолия», *ble noir* «гречиха», *bois mort* «валежник», *bonne bete* «добряк», *fine bouche* «гурман», *bruits parasites* «помехи», *château fort* «замок», *coup long* «перелет», *cuiivre jaune* «латунь», *fausse couche* «выкидыш», *faux bourdon* «трутень», *for interieur* «совесть», *fourmi blanche* «термит», *fromage blanc* «творог», *fin mot* «разгадка», *langue verte* «арго», *or blanc* «платина», *patrie nuile* «ничья», *raisin sec* «изюм», *sucré can-di* «леденец», *terre vague* «пустырь», *toile cire* «клеенка» и т. д.

2. Именные предложные конструкции: *acte de vente* «купчая», *acte de naissance* «метрика», *artisan à domicile* «кустарь», *bateau de passage* «паром», *bleu de lessive* «синька», *boite à compas* «готовальня», *boucle d'oreille* «серьга», *boule d'eau chaude* «грелка», *chambre à coucher* «спальня» *compagnon de voyage* «попутчик», *coup de feu* «выстрел», *jeu des dames* «шашки», *demoiselle d'honneur* «фрейлина», *drôle d'homme* «чудак», *esprit de revanche* «реваншизм», *faute d'impression* «опечатка», *fer à repasser* «утюг», *homme sans aveu* «бродяга», *office des morts* «панихида», *valet de ferme* «батрак» и т. д.

3. Беспредложные сочетания имен существительных типа *chapeau melon* «котелок», *mot cle* «разгадка», *vis mere* «гайка», *abeille mâle* «трутень», *chou paret* «брюква», *poeud papillon* «бабочка», *papier tenture* «обои», *maitre fripon* «бес-тия», *serviette éponge* «полотенце» и т. п.

Перед нами не что иное как случаи дистаксии в самом абсолютном ее проявлении — в форме аналитического имени существительного, зафиксированного в словарях и воспроизводимого каждый раз в этом «готовом» виде³.

Интерес представляет собой выяснение характера грамматических отношений компонентов таких словосочетаний, выделяемых по их главному качеству — обозначать в своей неразделимой совокупности единое понятие.

Характеризация. — Дистаксия. Нетрудно увидеть, что все три рода изучаемых структур относятся к характеризованным понятиям; одна виртуальная форма характеризуется другой виртуальной формой, уточняющей значение первой: *petit pain*, *courant d'air*, *mot cle*, где характеристорами ока-

зываются препозитивное прилагательное, предложная группа и постпозитивное имя. Налицо и другой признак характеризованного сочетания: оно обратимо в простое слово: *ble noir-sarrasin*, *chien de mer* — *requin*, *bout de cigarette* — *mégot*, *chapeau melon* — *melon* и т. п. Однако эта обратимость не является здесь тем существенным признаком, который отличает, например, характеризацию от актуализации в рамках именных сочетаний. Если она очевидна еще в грамматических формах — сочетание слов, — то в смысловом плане существует уже полная однозначность — слово: *homme sans aveu* — *vagabond* «бродяга», *coq de bruyere* — *tétras* «тетерев». Таким образом, характеризация, эта наиболее общая грамматическая категория в рамках именных конструкций, растворяется, по существу, в более узкой и локальной категории — дистаксии. Эта новая форма приобретает значение дифференцирующего признака качественно новой лингвистической единицы — аналитического имени существительного. При этом порядок слов как грамматическое средство выражения определяемого и определяющего именной группы практически утрачивает свой смысл.

Дезактуализация. — Дистаксия. В рубрике грамматической характеристики оказывается еще одна именная структура — предложные конструкции с внутренним членом, который утратил «в процессе употребления» свойства эксплицитного актуализатора. Такая смысловая дезактуализация проявляется, например, в сочетаниях *code de la route* «путевой кодекс», *ministre de la guerre* «военный министр», *table des matieres* «оглавление», *homme de la rue* «бродяга», *coq des bois* «тетерев» и т. д.

Определяющее этих конструкций виртуально в силу того, что определенный артикль утратил свою индивидуализирующую роль и наблюдается то расхождение между категорией установки существительного и его морфологической структурой, которое свидетельствует о том, что эти обороты относятся к виртуальной характеристике⁴.

Так, экспериментальная проверка — трансформация — показывает, что определяющее дезактуализированной конструкции не может быть распространено: а) определительным придаточным предложением; б) прочим квалификативным элементом ввиду неосмысленности результата. Дезактуализированное определяющее, не индивидуализируя определяемое, обнаруживает тенденцию к полному смысловому слиянию с ним. Случаи такой дистаксии довольно многочисленны

в реальном языке, ср.: *ministre des autels* «священник», *poule des bois* «рябчик», *coq des bois* «тетерев», *corps du delit* «улик», *office des morts* «панихида», *rebut de l'humanité* «подонок», *rebut de la nature* «выродок», *mot de l'enigme* «разгадка», *agacement des dents* «оскомина», *jeu des dames* «шашки», *chute des feuilles* «листопад» и т. д.

Таким образом, новая по грамматическому содержанию форма характеристики — дезактуализация — еще одно специфическое проявление дистаксии в рамках аналитического имени существительного.

Согласование. Управление. — Дистаксия. Поскольку аналитическое имя существительное предстает как словосочетание, в нем находят свое выражение и главные виды синтаксических связей — согласование и управление. Согласование — такой вид связи, когда сочетающиеся элементы объединены морфологической категорией рода и числа, присущей существительному как семантически сильному слову. Формальной согласованностью в роде и числе отмечены соединения существительного с прилагательным. При этом категория согласования выступает не в «чистом» виде, а комбинируется с дистаксией, приобретающей значение дифференцирующего признака именного аналитизма, ср. в случаях: *porte bâtarde* «калитка», *bête noire* «пугало», *grandes crues* «половодье», *la plus grande paresse* «тунеядство», *cheval ambleur* «иноходец», *chaussettes russes* «онучи» и др.

Не менее типично для изучаемых конструкций и управление — синтаксическая зависимость между членами сочетания, связанными подчинительными отношениями. К управляемым во французском языке относят обычно именные предложные обороты. Именно предлог служит инструментом управления и подчинения, благодаря чему приобретает смысл сама категория управления по сравнению с согласованием. Эта категория в рамках изучаемых групп представляет значительное разнообразие форм в силу морфологического разнообразия самих предлогов, а также их роль в грамматических процессах актуализации и характеристики. Тем не менее категория управления важна здесь лишь в той мере, в какой она проявляется в аналитическом целом, дискретным в неделимой совокупности своих элементов.

Наибольшее количество форм представлено сочетаниями с предлогом *de*, менее — с предлогом *à* и другими предлогами. Ср., например, с предлогами *a*, *en*, *sans*: *mort aux rats* «отрава», *nid à rats* «лачуга», *coucou a chaînes* «ходики»,

pierre à chaux «известняк», fer à friser «щипцы», vague à l'âme «меланхолия», mise en oeuvre «осуществление», mise en scène «постановка», femme en travail «роженица», ouvrier en chambre «кустарь», homme sans cervelle «ветрогон», course par relais «эстафета», réparation par les armes «поединок», homme sans aveu «бродяга».

Исходным пунктом исследования оказалась простейшая категория концептуального плана именных сочетаний, именуемая дистаксией. В соответствии с принятыми нами методологическими установками эта клеточка сама по себе предстает как «конкретное целое», внутри которого возможно новое членение и систематизация.

В результате анализа выявляются такие простейшие отношения, как характеристизация и дезактуализация и синтаксические связи — согласование и управление. Вполне очевидно, что эти понятия важны лишь в той мере, в какой они являются элементами внутренней структуры аналитического имени существительного. Таким образом, от простейших понятий к воспроизведению конкретного целого — таков конечный результат исследования. В плане нашего анализа им будет установление четырех структурно-семантических типов изучаемых конструкций, а именно:

1. Характеризованная согласованная дистаксия, тип *petit verre* «рюмка», *fonts baptismaux* «купель».

2. Характеризованная несогласованная дистаксия, тип *mot clé* «разгадка», *vis mere* «гайка».

3. Характеризованная подчинительная дистаксия, тип *pain d'épice* «пряник», *boucle d'oreille* «серьга».

4. Дезактуализированная подчинительная дистаксия, тип *table des matières* «оглавление», *mot de l'énigme* «разгадка».

Проведенный нами анализ затронул преимущественно внутренние отношения, вскрываемые в изучаемых структурах. Не меньший интерес представляют собой и факторы внешнего (социального) характера, выводимые из предложения или из более широкого контекста, в котором функционируют аналитизмы. Ср., например, просторечный характер именных аналитизмов: *bec de canne* «ручка», *coup de poing* «листолет», *nid à rats* «лачуга», *sac à vin* «пьяница», *les dos verts* «сутенеры», *petit mot* «записка», *panier percé* «мот», *le gros cul* «такелажник» и т. п. Дифференциация именных аналитизмов в соответствии с общенародными и просторечными при-

знаками представляется нам предметом специального изучения.

¹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

² См.: Левит З. Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке. Минск, 1968. 448 с.; Степанова А. Н. Преморфологические единицы французского языка. Минск, 1975; Pottier B. Introduction à l'étude des structures grammaticales fondamentales. Nancy, 1968; Šabrsula J. Des unités linguistiques complexes // Melanges Marcel Cohen. Moulon; Paris, 1967. С. 130—137.

³ См.: Ганшина К. А. Французско-русский словарь. М., 1977; Nouveau Petit Larousse. Paris, 1972; Левит З. Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке. Минск, 1968.

⁴ Carlsson L. Le degré de cohésion des groupes subst. + de + subst. en français contemporain. Uppsala, 1966.

Л. Б. АРТЕМЕНКО
Воронежский пединститут

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УЧАСТКА ЧАСТОТНОГО СЛОВАРЯ ФРАНЦУЗСКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

В лингвистике давно наблюдается интерес к изучению семантики отдельных групп слов с применением тех или иных методов языкового исследования. В данной статье делается попытка исследовать смысловую сторону группы существительных, взятых из частотного словаря современного французского языка¹, и установить типы семантических связей, свойственных изучаемому участку частотного словаря.

Прежде чем перейти к анализу семантического содержания отобранной группы слов, необходимо объяснить выбор объекта исследования. Члены отобранной нами группы существительных (moyen, théâtre, effet, machine, cuisine, coeur и некоторые другие — всего 13 существительных) объединяются принадлежностью не к какой-либо одной понятийной сфере, а близкими количественными характеристиками: выбранная нами группа имеет ранг от 500 до 600, частотность их употребления колеблется от 55 до 43, а число ЛСВ равно 6. Однако чисто количественные характеристики, ранг и частотность, дают слишком громоздкий объект исследования. Отоб-

ранная по таким параметрам группа включает в себя разнородные в лексико-грамматическом отношении слова. Поскольку языковые характеристики частей речи очень неоднородны, представляется целесообразным в лингвистическом исследовании подвергать анализу группы слов, которые объединяются принадлежностью к одной лексико-грамматической категории. Семантический анализ мы проводим на группе существительных, имеющих объем в 6 значений, так как эта группа, по нашему мнению, является более типичной для первой тысячи частотного словаря по следующим соображениям. Для слов с рангом от 50 до 100 действует формула Ципфа $\frac{S}{v_f} = C$, где S — число ЛСВ анализируемой ЛЕ, f — ее частотность, а C — константа, равная 0,94². Воспользовавшись этой формулой, мы можем легко установить, что среднее число значений существительных данного частотного списка $S \approx 6$.

Смысловая сторона слова представляет собой систему взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов. Наиболее полное и всестороннее описание слова как члена лексической системы может быть получено в результате исчерпывающего анализа этой системы элементов. Применение общего метода, нашедшего свое творческое развитие в работах профессора В. А. Лисицкого³, дает возможность провести последовательный анализ, идущий через изучение конкретного материала в сферу глубинных, внутренних отношений концептуального содержания. Выделенные в изучаемом объекте простейшие отношения (абстракции) позволяют представить затем весь проанализированный материал в виде определенных типов семантической связи существительных. Рассмотрим это положение на примере анализа значения конкретного существительного.

При первом подходе слово, взятое для анализа, выступает как совокупность форм и значений, внутренние связи которых для нас неясны. На первом этапе исследования мы расчленим это конкретное целое на простейшие отношения. В этом случае мы должны, естественно, исходить из форм, доступных непосредственному наблюдению. Однако чисто внешняя, звуковая форма практически не содержит в себе каких-либо специфических указаний на отдельные частные движения в области внутренних значений слова. Таким образом, перед нами встает задача сплошного исследования

всей совокупности форм и средств, при помощи которых передаются все значения слова в языке и которые не всегда получают непосредственное (подобно звуковой форме) выражение, а могут быть вскрыты только последовательным анализом.

При анализе нашего материала на уровне форм нам приходится обращаться непосредственно к элементам содержания, так как анализируемые формы являются одновременно и средством выявления парадигматических и синтагматических связей, которые, в свою очередь, оказываются средствами для раскрытия концептуального содержания. Таким образом, то, что является планом содержания в лингвистическом смысле, для нас является планом выражения.

Итак, конкретные лексические значения анализируемого слова, зафиксированные словарем, и представляют для нас то конкретное целое, которое подлежит расчленению на простейшие отношения. Так, например, семантическое содержание существительного *la machine* следующим образом раскрывается словарем Дюбуа ⁴:

1) механизм для получения определенного вида энергии, а также для ее преобразования;

2) пишущая машинка;

3) средство передвижения;

4) человек, действующий как механизм, автоматически;

5) общественный институт, работающий ритмично, как автомат;

6) адская машина.

На первом этапе мы выделяем две серии интересующих нас отношений: парадигматические и синтагматические. Более пристальный анализ парадигматических связей позволяет выделить в них три типа более простых отношений, в которых выявляются конкретные значения существительного: синонимические, словообразовательные и полисемантические. Эти отношения, в свою очередь, подразделяются на еще более простые: в словообразовательных связях, например, мы выделяем префиксацию, суффиксацию и словосложение; в полисемантических — узуальные и окказиональные. С другой стороны, лексическая сочетаемость слов также является предпосылкой для выяснения их смысловой структуры. Эта совокупность средств объединяется понятием синтагматических связей. Синтагматические связи интересуют нас как определенные средства, служащие для реализации различных

лексических значений анализируемого слова. В прямом значении существительное *machine* часто встречается в определительных сочетаниях (атрибутивные связи):

1) с другим существительным, присоединенным предлогом *à* или *de*, указывающим на назначение механизма или способ его функционирования (субстантивная атрибутивность): *...la grande culture tuait aussi sûrement la petite exploitation que la machine à vapeur avait tué le tissage à domicile...* — большие хозяйства также уверенно уничтожали мелкие, как паровая машина уничтожила прялку;

2) с прилагательным, характеризующим механизм и указывающим на назначение аппарата (адъективная атрибутивность): *Il se charge des commissions lourdes que le facteur ne peut pas prendre dans sa boîte, les pièces de machines agricoles...* — Он нагружался тяжелыми посылками, которые почтальон не мог унести в своей сумке, мешками с семенами, деталями для сельскохозяйственных машин;

3) в определительных словосочетаниях, где в функции определения выступает инфинитив глагола (инфинитивная атрибутивность): *...pour ses rêves éveilles il avait inventé une silencieuse machine à voler, un peu plus légère que l'air.* — «для своих разбуженных мечтаний он изобрел бесшумный летательный аппарат, немногим легче воздуха, это был очень удобный способ уйти от действительности».

В глагольных словосочетаниях после переходных глаголов существительное *machine* употребляется в качестве объекта: *inventer, construire, fabriquer, essayer, nettoyer, réparer une machine.*

В переносном значении слово *machine* вступает в смысловые связи по второй и третьей моделям словосочетаемости, т. е. $N + A$ и $N + à + V$, но в этом случае для лексической единицы обязателен постоянный семантический контекст: Например, в предложении «*Je ne suis pas une machine à avaler les pavés, moi...*» выделенное словосочетание (в буквальном переводе «механизм, пожирающий дорогу») становится понятным только в контексте: это солдаты, идущие в однообразном, бесконечном марше.

В значении «вид транспорта» анализируемая лексическая единица употребляется чаще всего в глагольных словосочетаниях в качестве предложного дополнения: *Le cycliste monte sur sa machine* — «велосипедист, сидящий на своей машине».

Все лексемы, входящие в отобранную для анализа группу слов, встречаются также в несвободных словосочетаниях.

Этот тип синтагматических связей мы называем когезивными связями (от французского *cohésion* — «слияние, спайвание», т. е. обозначающие степень спаянности словосочетания). В когезивных связях мы выделяем свободные, несвободные, фразеологические и идиоматические отношения. Для существительного *machine* наиболее типичны несвободные словосочетания с инфинитивом глагола или прилагательным, которые уточняют значение первого компонента. Эти словосочетания могут рассматриваться как эквивалент слова. Например, *une machine à coudre*, *une machine à laver*, *une machine à taper* — «швейная машина, стиральная машина, пишущая машинка». Фразеологические и идиоматические связи не столь типичны для существительного *machine*. Например, *machine à billes* — «азартная игра», *grande machine* — «большое полотно» (в живописи), *faire machine arrière* — «отказываться от намерения».

Итак, система парадигматических и синтагматических отношений позволяет нам определить и охарактеризовать формальную сторону значений исследуемой лексической единицы, т. е. явления, доступные непосредственному наблюдению.

Следующий этап анализа переносится в сферу концептуального содержания исследуемого слова.

Концептуальное содержание объединяет два типа понятий, резюмирующих внутрилингвистические и экстралингвистические отношения, которые мы выводим в чистом виде, т. е. вне конкретных отношений к тем формам, которыми они выражаются в языке. Иначе говоря, мы выводим, с одной стороны, группу внутрилингвистических отношений, характеризующих содержание парадигматических и синтагматических связей, с другой — группу отношений, которые соединяют внутрилингвистические явления с явлениями общественной практики. Так, анализируя формы и средства, при помощи которых реализуются значения данной лексической единицы, мы установили синонимический ряд как одну из форм проявления определенных понятий, заключенных в слове. Категорией, характеризующей внутреннее содержание синонимического ряда, является идиографичность. Простейшие отношения, лежащие в основе содержания, передаваемого словообразовательным рядом, резюмируются категорией транспозитивности, которая выражает отношения, возникающие в современном языке между корневыми словами и производными. Простейшей категорией, отражающей семантические изменения в смысловой структуре слова, вызванные

переносом значения, является тропичность. Параллельно тропичности мы выделяем категорию атропичности, которую рассматриваем как простейшую категорию, отражающую изменения в семантической структуре слова, связанные с изменением объема понятий слова.

Объем статьи не позволяет более детально описать все те промежуточные отношения, которые подводят нас к определению простейшей категории⁵. Поэтому мы ограничимся только их перечислением. Из совокупности формальных признаков, передаваемых синтагматическими отношениями, можно выделить две простейшие категории: актуализацию и характеризацию. Актуализация лексической единицы может рассматриваться как особое состояние «притяжательности», «определенности» или «неопределенности» выражаемого ею понятия, тогда как категория характеризации включает в себя сообщения о каких-то признаках или свойствах предметов и явлений и тем самым уточняет виртуальное понятие.

Анализ форм и средств выражения различных словосочетаний, в которых реализует свое значение лексическая единица, привели нас к выделению когезивных связей. Устойчивые словосочетания принято классифицировать по семантическому признаку, т. е. принимая во внимание смысловое единство конструкций. В зависимости от степени смысловой спаянности мы выделяем три простейшие категории, вскрывающие глубинные связи в рамках словосочетаний: дискретность, монолитность и дистаксию.

Итак, все богатство концептуального содержания анализируемого слова естественно сводится к транспозитивности, тропичности, атропичности, актуализации и характеризации, последовательно выражаемых конкретными категориями внутривербальных отношений.

Теперь, согласно принятому нами общему методу, наше исследование от простейших отношений, выведенных анализом, возвращается к анализируемому слову, которое представит теперь как конкретное целое с многочисленными определениями и внутренними отношениями, вскрытыми анализом. Практически это находит выражение в установлении серии типов семантических связей интересующего нас слова. В основе каждого типа лежат определенные комбинации перечисленных выше простейших отношений, свойственные интересующему нас слову.

Выведенные в результате анализа простейшие отношения целесообразно расположить в виде трех уровней. На первом

уровне находятся понятия абстрактности и конкретности, которыми определяется общий характер смыслового содержания лексики и основного направления ее развития от конкретного к абстрактному, и наоборот. На втором уровне лежат исходные простейшие отношения: метафоричность, метанимичность, атропичность и актуализация, которые передают способы развития лексических значений. Эти простейшие отношения и лежат в основе выводимых типов, ибо являются организующим центром всей системы отношений и органически соединяют, с одной стороны, простейшие отношения, отражающие семантические сдвиги в структуре значений слова, с другой — наиболее конкретные отношения, непосредственно обуславливающие характер лексико-грамматических форм изучаемых лексических единиц. На третьем уровне находятся наиболее конкретные отношения: процессуальность, качественность и относительность, которые передают специфику смыслового содержания лексемы в плане ее отношения к объективной действительности.

От этих простейших категорий мы переходим к формам через две более широкие промежуточные категории дискретности и монолитности. Внесение этих категорий в процессе исследования сразу же распределяет весь разнохарактерный материал, представленный анализируемыми словами, по двум основным группам, в рамках которых объединяются более частные типы семантической структуры слов. Именно через эти сложные категории и проявляются в конкретных типах семантических связей основные простейшие отношения метафоричности, метанимичности, атропичности и т. д.

Таким образом, тип семантической связи представляет собой пучок тех или иных простейших отношений, которые характеризуют семантическое содержание анализируемой лексической единицы в конкретном контексте. Например: Dans cet acharnement **des machines de mort**, de ce cataclisme mécanique qui nous poursuit à travers l'espace, il y a quelque chose de surnaturel. — Было что-то сверхъестественное в жестокости этих машин смерти, этого катаклизма механизмов, которые преследовали нас здесь. Семантическое содержание анализируемого нами конкретного существительного *machine* передается качественно-конкретной метафоричностью. Этот структурно-семантический тип формируется такими лексико-грамматическими категориями, как метафоричность, которая приводит к изменению значения исходного слова на основе сходства выполняемых функций: машина, ме-

ханизм → машина смерти; качество, которое проявляется в употреблении с исходным словом качественного определения, выраженного прилагательным или существительным с предлогом *de*, уточняющим и характеризующим его, и конкретность, которая указывает на соотнесенность выраженного понятия с единичными, реально существующими предметами. Этот структурно-семантический тип относится к группе дискретности, под которой понимается самостоятельность содержания различных элементов, входящих в словосочетание.

Таким образом, применение общего метода к группе существительных позволяет через характеристику внешних связей (парадигматических и синтагматических) вскрыть концептуальное содержание лексических единиц и затем представить всю группу лексем в виде определенного количества структурно-оформленных типов.

¹ Gougenheim G. Dictionnaire fondamental de la langue française. Paris, 1958.

² Фрумкина Р. М. Применение статистических методов в изучении языка // О точных методах исследования языка. М., 1961.

³ Лисицкий В. А. Философские методы и лингвистические приемы исследования. Воронеж, 1978.

⁴ Dubois J. Dictionnaire du français contemporain. Paris, 1966.

⁵ Артеменко Л. Б. Типы семантических связей существительных срединной части частотного словаря французского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1974.

В. И. НУКАЛОВА

Воронежский пединститут

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В языке отражаются как объективные (предметно-логические), так и субъективные (эмоционально-оценочные) моменты в процессе познания человеком окружающей действительности. Эмоциональность передается набором средств (интонационных, лексических, грамматических), относящихся к различным языковым уровням. Основным лексическим средством выражения эмоциональной стороны общения являются слова, содержащие в своей семантике эмоционально-оценочные компоненты значения. Проблема эмоциональных

значений еще недостаточно разработана как в плане лингвистическом, так и в плане разнообразных проявлений этих значений. Особенности лексикографической интерпретации слов с эмоциональными компонентами значений до сих пор уделялось недостаточно внимания.

Основная задача статьи заключается в анализе толковых словарей (русских и французских) с целью определения картины лексикографической интерпретации эмоциональных значений¹, а также в анализе словарных единиц, обладающих эмоциональным значением за счет морфемного состава.

Эмоциональное значение представляет собой особый компонент смысловой структуры языковой единицы, имеющей не понятийную, а эмоциональную отнесенность и выражающий эмоционально-субъективную оценку предметов и явлений. Отличительной чертой эмоционального значения является оценка, отношение говорящего к фактам и явлениям объективной действительности, причем эта оценка носит всегда характер преувеличения, выражается определенной лексикой, в которой эмоциональное значение является объективным компонентом семантической структуры.

Выделение эмоционально-оценочной лексики происходит по принадлежности ее к различным классам слов. Общеизвестно, что класс междометий относится к разряду эмоциональной лексики весь целиком, междометия указывают на наличие эмоциональности без спецификации эмоций. Мы не рассматриваем этот класс слов, ибо словари не всегда могут фиксировать конкретные эмоциональные значения междометий, и только контекст может подсказать, о каком значении идет речь.

Что касается классов существительных, прилагательных, глаголов, наречий, то они имеют легко выделяемое эмоциональное значение, причем прилагательные и наречия выполняют роль интенсификаторов эмоционального значения, могут утрачивать свое понятийное содержание и переходить в разряд простых усилителей и в этом случае служат указателями как положительных, так и отрицательных эмоций и помогают установить и специфицировать эмоциональные значения существительных и глаголов.

Основным методом выделения эмоциональных значений в классах существительных и глаголов является метод оппозиции, т. е., с одной стороны, сравниваются слова синонимического ряда *acteur* (m) — *cabotin* (m); *vivre* — *vivoter*; *curé* — *curéton* (m); *automobile* (f) — *bagnole* (f), *chignole* (f),

guimbarde (f), tacot (m), tire (f), clou (m), с другой — в пределах семантической структуры слова проводится сравнение эмоционально окрашенных значений и тех, которые ими не обладают. Например, слово *individu* (m) имеет два значения, зафиксированных словарем «Petit Robert»:

1) *être humain, considéré comme une unité isolée opposé à la collectivité*;

2) *homme indéterminé ou dont on parle avec mépris*. Сравнение этих двух значений дает возможность определить второе значение как эмоциональное, так как в его определении, кроме номинативного значения *Homme* присутствует элемент оценки².

Из произвольно выбранной части указанных словарей сделана попытка выделить эмоциональную лексику с соответствующими пометами. Причем выбирались только существительные со значением лица. Эмоционально-оценочными являются существительные, которые реализуют понятие положительного или отрицательного в предметно-логических соотношениях.

Применяется следующий принцип отбора лексики. Слова, обладающие нулевым эмоциональным значением, считаются нейтральными (немаркированными), тогда как слова, содержащие эмоциональное значение во всем многообразии его проявлений, относятся к эмоциональной лексике. Существование единиц функционально окрашенных, но нейтральных в эмоциональном отношении, с одной стороны, и единиц эмоционально окрашенных, но нейтральных в функциональном отношении — с другой, может рассматриваться как необходимость разграничить функциональные средства и средства эмоциональной оценки.

Тот факт, что эмоциональная маркированность является сущностной характеристикой значений большого ряда слов и что она определенным образом представлена в словарях, выдвигает проблему соотношения эмоциональных помет и стилистических помет общего характера, ограничивающих сферу употребления слов.

Анализ указанных словарей выявил наличие таких разнообразных эмоциональных и стилистических, функциональных помет:

Le Petit Robert: 1) *ironique*, 2) *injurieux*, 3) *populaire*, 4) *argotique*, 5) *pejoratif*, 6) *familier*, 7) *littéraire*, 8) *plaisant*, 9) *poétique*, 10) *diminutif*.

Dictionnaire J. Dubois: 1) argot, 2) diminutif, 3) ironique, 4) familier, 5) péjoratif, 6) poétique.

Французско-русский словарь: 1) грубое слово, 2) ироническое, 3) поэтическое, 4) презрительное, 5) разговорное.

Как видим, преобладающими являются пометы функционального типа (разговорное, арг, поэтическое, литературное).

В некоторых случаях недостаточно помет, только ограничивающих сферу употребления слов. Например, словарь *Le Petit Robert* дает всего одну помету стилистического характера в словарных статьях слов *trou* (m), *asperge* (f) — (помета «familier»). Но для исчерпывающей информации о характере значений этих слов необходимы эмоциональные пометы (например, «с оттенком пренебрежения, презрения»), т. е. они необходимы для выражения отрицательной эмоциональной оценочности. Таким образом, при сравнении словарных статей в пределах одного словаря, а также в разных словарях наблюдается бессистемность подачи эмоциональных значений. Например, в словаре J. Dubois слово *plumitif* (m) дано с пометой эмоционального характера (péjoratif), тогда как в словаре *Le Petit Robert* такая помета отсутствует.

Принципиальная разноплановость эмоциональной и стилистической, социальной характеристики слов еще раз подчеркивает необходимость эмоциональных помет, дополнительных к пометам функциональным³. Как эмоциональную лексику трудно с точностью и объективностью отделить от неэмоциональной, точно так же трудно провести четкую границу между различными пластами лексики. Это объясняется тем, что сама эмоциональная лексика неоднородна по степени эмоциональности, по качеству оценки.

Анализ группы существительных со значением лица, обладающих эмоциональным значением, производится путем сопоставления анализируемого слова со словом этой же лексико-семантической группы, имеющим нейтральное значение. Например: 1) *un homme, un individu, un oiseau, un phénomène, un vaurien, un voyou*; 2) *une femme, une rombière, une dinde* и т. д.

Значения всех существительных разлагаются на компоненты. Вследствие сходных толкований и отсутствия помет эмоционального плана эти слова воспринимаются как равнозначные, хотя анализ семантической структуры этих слов показывает, что они различны по своим эмоциональным значениям. Существительное *homme* употребляется, например, в

нейтральном контексте, слово *individu* — как в нейтральном, так и в тексте со значением «неодобительно», а существительное *vaurien* употребляется только со значением «пренебрежительно» или «ругательно».

Сопоставительный анализ словарей позволяет заключить, что эмоциональные пометы для производных слов также представлены скудно, тогда как в пределах лексического уровня можно отличить ряд словообразовательных способов выражения эмоциональной оценки (словосложение, аффиксация). Во французском языке зафиксировано небольшое количество суффиксов так называемой субъективной оценки (*-ard*, *-aille*, *-ouille*, *-aud*, *-et*, *-ette*, *-otte*, *-aillon* и т. д.), которые, входя в морфологическую структуру языка и выполняя определенные грамматические функции, в то же время обладают способностью придавать слову эмоциональные оттенки (презрительный, пренебрежительный, иронический, ласкательный и т. д.). Например, сопоставление двух слов *sœurlette* и *sœur* показывает, что первое обладает эмоциональной насыщенностью (ласкательность), тогда как второе слово не является эмоционально маркированным, выражая лишь логическое понятие.

Суффиксально-оценочные образования характерны, главным образом, для разговорной речи, ибо сами эти суффиксы относятся, как правило, к суффиксам народного происхождения. Они могут быть основными носителями эмоциональности, которая возникает в этом случае в результате семантического противоречия между нейтральным или положительным содержанием словообразующей основы и уничижительным значением суффикса. Например: *ecrivain* (м), *ecrivaillo* (м), *écrivainleur* (м). Образования *ecrivaillo*, *écrivainleur* приобретают ярко выраженный эмоциональный оттенок (уничижительности, презрения).

Суффиксы субъективной оценки, присоединяясь к основам, обозначающим отрицательные понятия, служат усилению эмоциональности, т. е. являются ее интенсивными выразителями. Например: *feignante* (ф) — *feignantasse* (ф), *salop* (м) — *salopard* (м), *loulou* (м) — *loubard* (м). Суффикс *-aille*, присоединяясь к названиям лиц, часто с отрицательным оттенком, придает образованиям собирательное значение, сопровождаемое уничижительным оттенком, например: *la flicaille* (шпики) — *un flic*, *la curaille* (презр. духовенство) — *un curé* (священник).

Средством выражения эмоциональной оценки могут слу-

жить также некоторые уменьшительные суффиксы. В этом случае они теряют (полностью или частично) связь с представлением о размере, так как «качественная характеристика в них преобладает»⁴. Эти суффиксы являются носителями как положительной, так и отрицательной эмоциональной оценки: *tantine* (f) — *tante* (f) (положит. оттенок), *femmelette* (f) — *femme* (f) (отрицат. оттенок). Анализ показал, что хотя нельзя сказать, что суффиксы (например, *-et*, *-ot*, *-ette*, *-otte*) имеют постоянный эмоциональный характер, их частая встречаемость в словах с коннотацией «неодобрительно», «презрительно», «пренебрежительно» и «ласкательно» и т. д. ограничивает их употребление определенными контекстами. Так, первоначальный уменьшительный смысл образований на *-ot* переходит в современном языке в оттенок пренебрежения, иронии, например: *un civelot* — *un civil*.

Уменьшительный двойной суффикс *-aillon* присоединяется только к основам имен лица и создает уменьшительно-уничижительные формы. Например: *un avocaillon* — *un avocat*, *un curaillon* — *un curé*.

Таким образом, суффиксы субъективной оценки при соединении с немаркированной производящей основой распространяют свою эмоциональную, в основном отрицательную, характеристику на все слово. При соединении с маркированными основами те же суффиксы усиливают эмоциональные заряд.

Продуктивным словообразовательным элементом, способным придавать слову оттенки эмоциональной оценочности, являются префиксы. В отличие от перечисленных выше суффиксов, выражающих эмоциональность непосредственно, без соотношения с контекстом, префиксы могут, за редким исключением, реализовать значение эмоциональности только в контексте. К таким префиксам относятся легко отделяющиеся от слова приставки: *sur-*, *super-*, *extra-*, *ex-*, *archi-*, *ultra-*.

Слово способно приобретать эмоциональность также при сочетании нескольких словообразующих основ, которые при самостоятельном использовании оказываются немаркированными, в частности в словосложении, где соединение стилистически нейтральных основ может создавать различные эмоциональные оттенки (особенно в сложных словах типа «глагольная основа + именная основа», имеющих оценочный характер). Например: *un croque-note* (горе-музыкант), *croquer* — грызть, *une note* — муз. нота, *un gratte-papier* — писака, *gratter* — скрести, царапать, *papier* (m) — бумага.

Взятые в изолированном виде, ни глагольная, ни имен-ная основа не содержат элементов эмоционального характе-ра. Выражение эмоционально-субъективной оценки осуществ-ляется в таких образованиях путем метафорического или, реже, метонимического образа, а не путем сложения значе-ний компонентов. Благодаря взаимопроникновению основ, по-лученная языковая единица выражает презрение, иронию, не-одобрение.

Анализ эмоциональных значений с точки зрения лекси-кографического отображения позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, эмоциональное значение представляет постоян-ную характеристику слов, т. е. является компонентом лек-сического значения. Для более четкого определения эмоцио-нальных значений слов необходим тщательный анализ всей семантической структуры слов.

Во-вторых, при анализе эмоционально-оценочных значе-ний слов необходимо учитывать семантику элементов, фор-мирующих слово, а также четко разграничивать пометы функ-ционального и эмоционального плана.

Проникновение во внутренние отношения эмоциональ-ных значений представляется существенной предпосылкой для дальнейшего углубления стилистических исследований.

¹ Французско-русский словарь / Сост. К. А. Ганшина. М., 1962; Robert P. Dictionnaire alfabétique et analogique de la langue française. Paris, 1972; Dubois J. Dictionnaire du français contemporain. Paris, 1967.

² Никитевич В. М. К вопросу о категории оценки в русском языке // Филол. науки. 1960. № 3.

³ Осипов Ю. М. Об уточнении понятия «эмоциональность» как лингвистического термина // Учен. зап. Моск. госпедин-та им. В. И. Ле-нина. Проблемы синтаксиса английского языка. № 422.

⁴ Ефимов И. А. Стилистика художественной речи. М., 1961, С. 95.

О СООТНОШЕНИИ ФОРМАЛЬНОГО И СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ПЛАНОВ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблеме предположительной модальности во французском языке посвящено большое количество различных работ — монографий, разделов в общих трудах по французской грамматике и статей в периодической печати. Постоянное внимание ученых к конструкциям с модальным значением предположительности (во французской терминологии — гипотетических конструкций) объясняется довольно широким распространением последних в современном французском языке. К тому же конкретный анализ этих конструкций проводился на языковом материале, взятом не в полном объеме, а лишь частично. При этом, естественно, от внимания исследователей ускользали порой очень важные факты. Следует отметить также, что рассматриваемые конструкции получали новую интерпретацию всякий раз, когда теоретическое языкознание переходило в своем развитии от одного этапа к другому.

Наиболее последовательное описание получил союз *si* и его лексические синонимы *à condition que*, *à moins que*, *pourvu que*, *à supposer que*, а также морфологические формы глагола, употребляющиеся в периодах (протазисе и аподозисе) гипотетической фразы.

С точки зрения общих принципов методологии и методики научного исследования переход от анализа лингвистических фактов к теоретическому синтезу осуществляется учеными с помощью метода индукции, которая определяется как «метод перехода от знания отдельных фактов к знанию общего, к эмпирическому обобщению и установлению общего положения, отражающего закон или другую существенную и необходимую связь»¹

Анализ в философской литературе эмпирических методов, объединяемых понятием индукции, во-первых, свидетельствует о многообразии путей обобщения, движения к теоретическому синтезу и, во-вторых, обнаруживает необходимость

дополнения индуктивных методов дедуктивными. Дедукция в отличие от индукции опирается на положение либо постулируемое, либо полученное путем предварительного обобщения результатов частных наблюдений. Этот метод познания соответствует марксистскому принципу восхождения от абстрактного к конкретному. На этом этапе движения исследовательской мысли задача состоит в том, чтобы установить единство сущности и форм ее проявления, показать, почему сущность проявляется в столь противоречащих ей формах. В соответствии с этими принципами интересующий нас лингвистический материал будет воспроизведен в мышлении как богатая совокупность «с многочисленными определениями и отношениями»². При проведении операционной части исследования мы будем руководствоваться идеями проф. В. А. Лисицкого, согласно которым выводимая система основных типов внутренних отношений, субординированных по сущности, должна характеризовать концептуальное содержание гипотетических предложений³.

В настоящей работе мы придерживаемся функционально-семантического подхода к изучению категории модальности, который позволяет выявить отношения между разнородными элементами при выражении однородных значений. Предположительная модальность входит в состав макрополя недействительности наряду с модальностью ирреальности, потенциальности, волеизъявления⁴. Она выделяется в модальной логике как модальность знания для обозначения степени познанности говорящим связей и отношений действительности. В зависимости от характера оценки в данном поле выделяются микрополя уверенности, сомнения, логической необходимости. Предположительная модальность принадлежит всему высказыванию в целом и зависит от степени знания говорящего о каких-либо фактах действительности.

Средствами выражения модальности предположения во французском языке являются системные сочетания морфологических форм глагола в периодах, употребление модальных глаголов и модальных наречий.

Первый конкретный тип, относящийся к модальности предположения, характеризуется следующими значениями его основных внутренних отношений: гипотетичностью, находящейся в зависимости от определенного условия, и перспективностью. Такой структурно-семантический тип выступает как немаркированный по отношению к последующим, поскольку гипотетичность и перспективность не могут рассмат-

риваться как специфические отношения, присущие только данному типу.

L'armée, si elle est victorieuse, servira à l'intimider. Si elle est battue par l'étranger, elle entrera dans le camp de la misère, voilà tout*. — Армия, если она окажется победительницей, будет служить для того, чтобы держать в страхе народ. Если же ее разгромят иноземцы, она примкнет к лагерью обездоленных, вот и все.

В этой конструкции условие и вытекающее из него следствие представляются равным образом возможными, потенциальными. Такой характер всего гипотетического периода в целом объясняется факторами лексического порядка: со держанием всего предложения, окружающим контекстом и ситуацией. Структурная схема сочетания морфологических форм глагола в протазисе и аподозисе может быть представлена следующим образом: si — present de l'indicatif — futur simple. Второй выделяемый нами тип обладает теми же внутренними отношениями, что и первый, хотя структурная схема предложения оказывается несколько иной: si — present de l'ind. — present de l'ind.

Demain, si nous restons unis, la victoire est à nous. — Завтра, если мы останемся сплоченными, победа будет за нами.

В этом типе выражение перспективности соединяется с категоричностью тона, в результате чего он максимально приближается к реальной модальности.

Несмотря на общность простейших отношений с первым типом, такое предложение обособливается в отдельный тип, потому, что он характеризуется наличием коррелятивного признака. Таким дифференциальным признаком второго структурно-семантического типа оказывается понятие уверенности. Употребление present de l'indicatif в аподозисе можно объяснить не столько тенденцией французского языка к симметрии, сколько необходимостью выразить оценку возможной реализации следствия. Настоящее время представляет какой-либо факт, который будет происходить как уже свершившийся, и это позволяет развиваться значению уверенности.

* Для анализа нами использовались произведения французских писателей XX в.

Третий тип, отличаясь по внутренним связям от предыдущего характером выражаемого им грамматического значения иммедиатности, совпадает со вторым типом по объему всех остальных внутренних связей. Межтиповые отношения между вторым и третьим структурно-семантическими типами сказываются гораздо сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Присущая третьему типу секуративность затушевывается, и на первый план выступает временная характеристика аподозиса со специфическим оттенком непосредственного свершения действия в случае осуществления условия. Секуративность оказывается подчиненной временному значению «непосредственного будущего», поэтому в качестве отличительного свойства данного типа нами и выделяется иммедиатность.

Seulement s'il cede à son impulsion, il va s'échauffer et prononcer peut-être les paroles qu'ils attendent de lui. — Если он поддастся своему порыву, то вспылит и наговорит, возможно, лишнего, именно этого от него и ждут.

Как видно из приведенного примера, в качестве основного грамматического средства выражения иммедиатности выступает сложная видовременная глагольная форма, называемая *futur immédiat*. Конструктивное отличие третьего типа от второго с неизбежностью влечет за собой появление нового признака гипотетического периода при полном сходстве всех остальных отношений.

Четвертый тип наиболее ярко выступает в оппозиции к первому. Обладая всеми характеристиками первого типа, он составляет отдельный структурно-семантический тип благодаря значению аттенуации, свойственному форме на *-rais*.

Il commence à penser qu'à tout prendre s'il y est obligé, il lui serait moins humiliant d'accepter l'argent de Sylvie que les cadeaux des autres. — Он начинает думать, что, в конце концов, если уж нельзя будет иначе, то было бы менее унижительно брать деньги у Сильвии, чем у других.

В отличие от первого типа, в котором спаянность между протазисом и аподозисом очень велика, рассматриваемый тип характеризуется менее тесной связью условия и следствия. Форма на *-rais* помимо своего основного значения, выраженного парадигматическими семами «возможность + перспективность + обусловленность»⁵, указывает на отсутствие ка-

тегоричного утверждения в осуществлении действия аподозиса, при этом реализация обусловленного факта представляется как сомнительная. Благодаря дубитативному оттенку этот тип может рассматриваться как переходный между типами, отличающимися оттенками секуративности (тип 3) и дубитативности (тип 5). Рассматриваемый тип характеризуется тем, что условие (*s'il y est obligé*), в отношении которого говорящий несколько не сомневается, представлено с максимальной уверенностью, в то время как следствие выступает со специфическим оттенком сомнения.

Подобный тип не является устойчивым синтаксическим образованием и употребляется чаще всего в диалогической речи, где его появление всегда обусловлено коммуникативными задачами высказывания.

Отличительной чертой пятого типа является выражение сомнения по отношению к гипотетическому действию. Такой модальный оттенок связан главным образом с конструктивными особенностями этого типа.

Si jamais je sortais de cette prison, j'irais voir toutes les exécutions capitales. — Если бы я когда-либо вышел из этой тюрьмы, я бы ходил смотреть на все казни.

Дубитативность оказывается формально выраженной сочетанием *si — imparfait de l'ind. — conditionnel present*, указывающим на большую степень предположительности гипотетического периода по сравнению с первым типом. Доля сомнения относительно осуществимости условия находится в прямой зависимости от формы *imparfait*, выражающей сама по себе предполагаемое действие, в осуществлении которого в будущем нет и не может быть твердой уверенности.

Появление этого типа обусловлено влиянием лексического контекста и ситуацией, благодаря которым реализация условия и следствия предстает как маловероятная.

В плане прошедшего эвентуальность предполагаемого действия уменьшается, так как план прошедшего оказывается более определенным, чем план будущего.

Следующий структурный тип составлен по модели: *si — plus — que — parfait de l'ind. — imparfait de l'ind.*

Si j'avais hésité, j'étais foutu. — Если бы я колебался, я бы пропал; **Si le vent avait soufflé du nord, mes pins de Balisac étaient perdus.** — Если бы ветер дул с севера, мои сосны в Балисаке пропали бы.

Специфику данного типа составляет простейшая категория коннотативности, конкретизирующая предполагаемый процесс. Коннотативность обозначает направленность на достижение результата, но в условном придаточном содержится указание на препятствие, противопоставленное попытке и подчеркивающее ее безуспешность. Приведенные примеры позволяют наглядно представить себе выделяемое нами специфическое отношение коннотативности, характеризующее аподозис гипотетической фразы. Действие главного «я пропал бы» предстает как едва не осуществившееся, такое, которое как будто уже начало осуществляться.

Средством выражения коннотативности является форма имперфекта индикатива, известная также литературному латинскому и греческому языкам как *imperfectum de cognatu*⁶. Во французском языке такой имперфект не теряет своей выразительности и стилистической окрашенности. Он появляется в особых условиях контекста, там, где необходимо подчеркнуть не только предполагаемый характер действия, но и близость его к осуществлению. Это достигается лексическим значением модальных глаголов *devoir et pouvoir*, часто употребляемых в имперфекте, а также пассивной формой глаголов, передающих состояние.

Исследовательский материал показывает, что имперфект, сохраняя свою эмоциональную окрашенность и экспрессивность, часто служит для выражения особого оттенка попытки, стремления или намерения, в то время как простая форма на *-гайс* лишена этого значения.

Проведенное исследование гипотетических предложений от внешних форм и значений к более глубинным внутренним отношениям приводит нас опять к гипотетическим конструкциям как к конкретному целому, но представленному уже в виде многочисленных строго субординированных между собой структурно-семантических типов.

Выведенные типы объясняют многообразие гипотетических конструкций, в основе которых лежат не синонимические структурные варианты, а семантически обусловленные типы, отображающие реально существующие в языке связи и отношения.

¹ Штофф В. А. Формы и методы научного познания // Филос. науки. 1974. № 5. С. 128.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 726.

³ Лисицкий В. А. Философские методы и лингвистические приемы исследования. Воронеж, 1978. С. 66.

⁴ Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985. С. 19.

⁵ См.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1974. С. 196.

⁶ См.: Соболевский С. И. Древнегреческий язык. М., 1948; Его же. Грамматика латинского языка: Морфология. Синтаксис. М., 1948. С. 244.

А. П. ВАСИЛЬЧЕНКО

Воронежский технологический институт

СПЕЦИФИКА АТРИБУТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРОПОЗИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Предметом данной статьи является анализ определительных конструкций французского языка, который проводится согласно марксистскому диалектическому методу и на том этапе, когда после выделения основных грамматических и лексических средств этих конструкций исследование переходит в область их семантико-синтаксического (концептуального) содержания. «Основной принцип разысканий, проводимых в этой части работы, ...состоит в методическом движении исследовательской мысли от более конкретных отношений к более простым»¹. Мы ограничиваем наш анализ пропозитивными конструкциями и делаем попытку установить в них особенности атрибутивных отношений по сравнению с непропозитивными². В исследуемом материале пропозитивные конструкции представлены сочетанием определяемого (антецедента) и определяющего, выраженного различного рода относительными придаточными предложениями. В отличие от непропозитивных определительных конструкций, которые характеризуются разнообразной серией «морфологических» категорий, выражающих атрибутивные отношения, пропозитивные сочетания характеризует одна, которая отличает их полностью от непропозитивных, — вербальность или процессуальность. Специфика атрибутивных отношений, обозначаемых данной категорией процессуальности, заключается в том, что характеристика определяемого дается через глагол, выражающий действие или состояние как процесс. В зависимости от того, представляет ли глагол относительных придаточ-

ных конструкций признак как связанный с движением, развитием или же относящийся к состоянию, неподвижности, мы вычленим два типа процессуальности: динамичность и статичность. Ср.: *Et je considèrai avec envie Marco, Masson et la petite toile, qui tous trois étaient allés à Hyères...**, где придаточное относительное включает глагол, представляющий процесс в действии, движении, развитии. Но: *Je vais pour ça dans la grande salle à manger qui était toute vide*, где придаточное относительное через глагол *être* обозначает процесс как состояние.

Наличие глагола и связанной с ним категории процессуальности выделяет в семантико-синтаксическом отношении пропозитивные конструкции по сравнению с непропозитивными. Даже при поверхностном сравнении (без проникновения в более глубокую сферу) пропозитивных и непропозитивных сочетаний в нашем материале можно выделить в интересующем нас отношении два типа конструкций.

С одной стороны, мы отмечаем пропозитивные комбинации, имеющие соответствие с непропозитивными: *Il abusait aussi de son sourire, un sourire mince qui retroussait ses yeux*. Ср.: *un sourire retroussant ses yeux* (партиципальность). А *l'autre extrémité ... la plage bute contre le mur de soutènement d'un grand jardin d'orangers qui appartient à don Ottavio*. Ср.: *le jardin de (à) don Ottavio* (субстантивность).

Такое параллельное употребление пропозитивных и непропозитивных конструкций объясняется, очевидно, большим или меньшим совпадением содержания обеих конструкций. В этом отношении показательными являются отмечаемые в анализируемом материале как наиболее типичные конструкции, имеющие непропозитивные причастные соответствия. Наибольшая (по сравнению с другими непропозитивными) употребительность партиципальных сочетаний параллельно с пропозитивными объясняется наличием в причастии (как в придаточном относительном) процессуальности, которая определяет наибольшую смысловую близость его к пропозитивной конструкции: выражаемый причастием признак носит не постоянный (как у прилагательного) характер, а временный, процессуальный.

С другой стороны, выделяется серия сочетаний, лишен-

* В качестве иллюстративного материала нами использовались художественные произведения французских писателей.

ная непропозитивных параллелей. Ср.: Et ces vêtements si bien ajustés qu'ils sont comme une deuxième peau, dans laquelle on serait né et qui aurait grandi avec vous.

Невозможность употребления параллельно с пропозитивными непропозитивных соответствий свидетельствует о несовпадении содержания конструкций³, т. е. непропозитивное определяющее недостаточно выражает объем содержания придаточного относительного предложения, которое передает более сложные смысловые отношения, чем определение — слово или словосочетание.

Нетрудно убедиться, что даже при общем совпадении содержания конструкций (1-й тип) наличие процессуальности отличает пропозитивные конструкции от непропозитивных.

Во-первых, пропозитивное определяющее при характеристике предмета, явления лучше выделяет действие, конкретизирует его, подчеркивает его развитие. Les pieds dans le sable et la vase desséchée, nous ne pensions qu'à la bouteille de limonade de la veuve Delouche, qui fraîchissait dans la fontaine...

Во-вторых, в отличие от непропозитивного оно способно давать как объективную, так и субъективную оценку явления, предмета: ...mais le soleil brillait, et les oiseaux qui n'avaient jamais semblé si nombreux faisaient fête à la lumière réapparue. В приведенном примере придаточное, включающее в состав сказуемого глагол sembler, выражает субъективную оценку признака, приписываемого определяемому les oiseaux. В других предложениях эта оценка может быть объективной. Ср.: les oiseaux qui étaient nombreux.

В-третьих, оно может представить признак как реальный, так и гипотетичный (потенциальный или ирреальный): Au moment de lever le loquet de la porte de l'escalier et de filer par la porte de la cuisine qu'il eût facilement ouverte sans que personne l'entendît, il reculait une fois encore. Выделенная конструкция с выражаемым относительным предложением нереальным признаком в других случаях может служить для обозначения признака реального. Ср.: Il a filé par la porte de la cuisine qu'il avait facilement ouverte.

В-четвертых, пропозитивное определение может передавать отношения более точные во временных оттенках: Le palais était juché en haut de la ville ... entre une austère église romane et des maisons qui avaient appartenu à des marchands. По сравнению с непропозитивной конструкцией des maisons des marchands пропозитивная имеет то преимущест-

во, что она может выразить не только само значение посессивности, но и различные его оттенки во времени: *des maisons qui appartiennent (appartiendront, avaient appartenu) à des marchands*.

Что касается более простых и более всеобщих категорий, характеризующих семантико-синтаксическое содержание глагольных конструкций, то нами отмечаются, с одной стороны, отношения, имеющие место в непропозитивных конструкциях, т. е. устанавливающиеся в результате взаимодействия определяющего (придаточного относительного) и определяемого (антецедента). Ср., например:

а) квалитативность: *Je vais pour ça dans la grande salle à manger qui était toute vide*, где между элементами определительной конструкции устанавливается отношение квалитативности. Ср.: *la salle à manger toute vide*;

б) посессивность: *Bref, lorsque tout fut payé, des trois cent mille francs d'argent liquide que possédait Etienne Ruiz, il ne resta plus que cent dix mille francs*. Здесь устанавливается отношение посессивности. Ср.: *trois cent mille francs d'Etienne Ruiz*;

в) материал: *un escalier dont les marches sont en bois* и др.

С другой стороны, нами выделяется ряд категорий, специфичных только для пропозитивных сочетаний. Речь идет в данном случае о специфике отношений, возникающих не в результате взаимодействия придаточного с антецедентом, а в результате смысловых взаимоотношений придаточного со сказуемым главного предложения или со всем содержанием главного предложения⁴. И в этом смысле следует отметить роль контекста, словесного окружения, поскольку все сложное предложение для определительной конструкции, выделяющейся из него, и является тем «узким» контекстом, который необходим для выявления обстоятельственных отношений в пропозитивных комбинациях. Мы выделяем в чистом виде следующие отношения, специфичные для рассматриваемой группы конструкций:

причина. Эта категория, выводимая из комбинации существительного с относительным придаточным в сочетании с контекстом, резюмирует выражение не только атрибутивных отношений, но и всякого рода причинной зависимости, которая устанавливается между определяющим и сказуемым главного предложения: *Je suis fière de mon père, qui combat pour*

la liberté. Ср.: Je suis fière de mon père parce qu'il combat pour la liberté;

следствие. В отличие от предыдущей эта категория резюмирует наряду с атрибутивными отношениями обозначение следствия того, что выражено сказуемым главного предложения: Pierre se leva d'un bond, qui renversa son fauteuil;

уступка. Выводимая в сочетании с контекстом из комбинаций, аналогичных предыдущим, данная категория передает специфические обстоятельственные отношения уступки: Dans l'intervalle on avait renoncé à l'élevage des bovins, qui donnait pourtant d'assez bons résultats (P. B., I.V., 20). Ср.: ...on avait renoncé à l'élevage des bovins bien qu'il...;

условие. Данная категория резюмирует отношения, выражающие условие, которые устанавливаются в результате взаимоотношения придаточного с содержанием главного предложения: Je ne veux pas d'une vie..., d'une vie qui commencerait comme ça;

цель. Этой категорией резюмируется отношение цели, которое вытекает из взаимодействия придаточного со сказуемым или со всем главным предложением: Nous allons chercher un moyen qui te permette de ne pas apparaître, и т. д.

Таким образом, определительные конструкции, выраженные относительным придаточным предложением, способны передавать более сложные смысловые отношения, чем определяющее — слово или словосочетание. Это объясняется, прежде всего, наличием в них глагола и связанной с ним категории процессуальности. Что же касается более простых и всеобщих категорий, характеризующих семантико-синтаксические отношения этих конструкций, то в них наряду с отношениями, отмеченными в непропозитивных сочетаниях (например, квалитативность, материал), имеют место и отношения, типичные только для пропозитивных определительных конструкций (например, причина, следствие, условие и т. д.).

¹ Лисницкий В. А. Философские методы и лингвистические приемы исследования. Воронеж, 1978. С. 64.

² Васильченко А. П. Семантико-синтаксическое содержание определительных непропозитивных конструкций современного французского языка. Воронеж, 1983. 12 с. Рукопись представлена Воронежск. тех. нол. ин-том. Деп. в ИНИОН 22.11.83 г., № 14399.

³ Герман Э. И. О границах функциональной синонимии (на материале определительных конструкций современного немецкого языка) // Учен. зап. 1 МГПИИЯ им. М. Тореза. 1970. Т. 54. С. 272.

⁴ Филиппович Н. И. Относительные придаточные предложения, имеющие антецедент, в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952. С. 11.

З. П. ЯНОШ, Г. А. ДМИТРИШИНА

Черновицкий университет,

Донецкий университет

ОПЫТ АНАЛИЗА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Согласно марксистскому диалектическому методу, разработанному проф. В. А. Лисицким для использования в исследовании конкретных лингвистических проблем и успешно примененному под его руководством в целой серии диссертационных работ, анализ концептуального содержания синтаксических конструкций заключается в движении исследовательской мысли от более конкретных отношений к более простым, т. е. соответствует второму уровню первого этапа расчленения¹

Углубленное исследование грамматического содержания прямого вопроса приводит нас к необходимости выяснить весь комплекс взаимоотношений данной грамматической категории с контекстом. С этой точки зрения интересными представляются не только исследования, направленные на раскрытие категориально-семантических закономерностей прямого вопроса, но и на ситуативную реализацию их в речи, т. е. изучение стилистического фона их употребления.

Содержание отношений между вопросом и ответом у нас резюмируется понятиями корреляции² и изоляции. В отличие от корреляции, основным признаком которой является наличие полного или частичного ответа, изоляция указывает на разрыв связей вопросно-ответного комплекса в прямом вопросе. Иными словами, изоляция связана с понятиями, не требующими от собеседника непосредственной реакции в виде ответа: *à quoi bon remettre en question ce qui est fait? — poursuivit-il. Le chemin qu'on a pris est toujours le meilleur, pourvu qu'il permette d'aller de l'avant.*

Вторым моментом, вскрывающим существенную диалекти-

цию корреляционных и изоляционных вопросов, является их различная соотнесенность с логическими категориями, т. е. они отличаются различными видами выражаемого ими суждения. О вопросе как логической форме мышления существуют различные мнения. Еще недавно постулировалась точка зрения, при которой вопрос и суждение рассматривались как взаимоисключающие понятия. В настоящее время ученые все настойчивее стали сопоставлять суждение с вопросом и высказывать мнение о том, что вопрос каким-то образом примыкает к суждению, не отождествляясь с ним³.

Однако данное толкование взаимосвязи вопроса и суждения оказывается при более пристальном рассмотрении явно недостаточным, так как не дает четкой картины анализируемых отношений. Принципиально новое решение в этом плане дано в работах Г. В. Колшанского, который высказывает мысль о том, что любое предложение содержит суждение, однако формы выражения суждения меняются в зависимости от функциональной направленности предложения. В связи с этим им вводится родовое и видовое определение суждения: «Суждение (в узком определении) как форма выражения утверждения или отрицания, вопрос-запрашивание относительно чего-нибудь, поведение как форма побуждения к действию входят как виды в эту общую родовую для них категорию. Объединение этих видов в более общую категорию безусловно нисколько не уничтожает и не уравнивает их отличительных особенностей, четко определяемых теперь в логике»⁴.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на принципиально различное грамматическое содержание корреляционных и изоляционных вопросов, их объединяет общность грамматических средств. Однако ввиду особой эмфатической насыщенности изоляционных вопросов, передающих в большинстве случаев сильные чувства (гнев, радость, приказание, восхищение, удивление и т. д.), изоляционные вопросы тяготеют чаще всего к инвертированным конструкциям, лучше всего передающим эти нюансы:

C'est le millieme train et c'est toujours le même. Et moi, j'y suis toujours, accoudé, accroché à la barre de cuivre. Est-ce ma vie qui part avec le paysage? Ai-je vraiment souffert de ne jamais savoir où m'emmenait ce train? A la rencontre de qui? Autant de questions vaines.

По степени и характеру передаваемых изоляционными

вопросами частных модальностей выделяются два основных понятия: риторичность и императивность. (Неразработанность этого участка общей системы вопроса во французском языке заключается как в незначительном количестве специальных работ, так и наличии целого ряда терминов, выражающих одно понятие: *interrogation rhétorique* (Ш. Балли), *fausse interrogation* (Ж. Гюгенэм), *interrogation figuree* (А. Фрей), *questions d'insistances* (Р. Варнер и Ж. Пэншон). Разумеется, степень исследовательности проблемы определяется не количеством названий, но все же такое обилие терминов для выражения одного и того же понятия в известной мере показательно.

Общеизвестно определение риторического вопроса как утверждения, высказанного в вопросительной форме. Однако неточность данной формулировки заключается в том, что не всякое утверждение является риторическим.

Существенным дополнением к определению риторичности в вопросе служит введенное нами понятие изоляции, выражающееся в отсутствии необходимости ответа и указывающее на различие отражаемых корреляций логических категорий.

По своему грамматическому значению-выражению различных нюансов аффектированной речи из риторичности можно выделить два более простых семантических элемента: собственно риторичность и восклицательность. Полное отождествление риторичности с восклицанием, как это мы, например, наблюдаем у Ш. Балли⁵, представляется нам недостаточно обоснованным, так как существуют риторические вопросы, не содержащие восклицания. Ср.: *Et bien, maintenant, savez-vous? je ne regrette rien.*

К собственно риторическим вопросам относятся конструкции, в которых элемент утверждения передает наименьший эмоциональный эффект, это так называемые вопросы-раздумья, сопровождающиеся уже готовым ответом, вводимые риторические предложения и застывшие риторические формулы (*Qui sait? A quoi bon? Que sert?*).

Qu'importe un pouvoir dont on n'use jamais, ou dont on n'use qu'à demi?; Aimez-vous les aérodomes? J'ai pour eux un goût inexplicable.

В своем большинстве они составляют «минорную» эмфазу, так как выражаемые ими чувства передают чаще всего негативные оттенки (безразличие, неуверенность, покорность,

растерянность, сомнение и т. д.): *Que voulez-vous? Tout le monde ne passe pas par Normale.*

Напротив, восклицательность в таких предложениях указывает прежде всего на сильную реакцию говорящего в плане позитивных и негативных эмоций: *Vous voulez tout savoir? Vous ne saurez rien.*

Восклицание в вопросительной форме часто указывает на необычный характер фактов, в которых уверены, но которым не хотелось бы верить, иногда оно передает чувство возмущения услышанным:

Les gens de votre espece... — Quoi, les gens de mon espece? Qu'est-ce que vous prétendez dire, avec les gens de mon espece? Ils sont rares les gens de mon espece!

С целью усиления модальной выразительности высказывания и, вероятно, для более четкого отмежевания изоляционных вопросов от корреляционных по линии грамматического содержания, в восклицательно-риторических вопросах отрицание используется для передачи позитивного действия, а позитивные конструкции содержат отрицательное сообщение. Таким образом, говорящий как бы указывает, какой реакции он ждет от собеседника. Ср.: *Est-ce que je pourrais me separer de toi? Est-ce que je pourrais vivre sans mes petits? Je me brûlerais la servelle!; — Ne me torturez pas. — Qui parle de te torturer?* В данном предложении вопросительная форма тождественна утвердительному предложению: *On ne te torture pas.*

Однако возможны и конструкции, передающие восклицательность при помощи оборота *est-ce que* с ярко выраженным эмфатическим содержанием:

«Où est-il? — On ne sait pas. Personne ne sait!» — Ecoutez, mon petit d'Argens, est-ce que vous vous rendez compte? Un monsieur, un inconnu littéraire décroche le prix Goncourt et il n'est pas là le jour de la celebration. On se moque de vous!

Императивность в вопросе представляет собой такую модификацию вопроса, которая содержит не только эмоциональную характеристику высказывания, но и побуждение собеседника к действию. Естественно, что по своему семантическому содержанию она сближается с риторичностью, выражая, однако, большую степень эмфатичности при более ограниченном круге частных модальностей (приказ, побуждение, него-

дование, просьба, совет). С другой стороны, императивность отмежевывается от риторичности функционально. Риторичности свойственна функция эмоционального воздействия на собеседника, а императивности — побудительная функция в сочетании с оценочно-характеристической: *Passons à table, voulez — vous?*

Кроме того, императивность в отличие от риторичности (имеющей в своем распоряжении все богатство грамматических средств вопроса) передается грамматическими средствами только общего вопроса — инверсией, реже оборотом *est-ce que* и интонацией:

«*Veux-tu, Totone, me foutre la paix avec les clebs*»? — *lui criat-elle; Est-ce que tu n'oublies pas un peu trop, mon cher, que tu n'es pas le maître?*

Естественно, что в устной речи основным способом передачи различного рода модальностей служит соответствующий интонационный контур: *D'abord, grand vaurien, tu ne pourrais pas mieux te tenir, quand tes soeurs sont là?* (Мать приказывает сыну вести себя лучше в присутствии сестер).

В выделении понятий корреляции и изоляции раскрывается двойственный характер отношений, передаваемых вопросительной формой: с одной стороны, корреляционный вопрос передает функционально-коммуникативную категорию вопросительной модальности, с другой, при изоляции, — форма вопросительного предложения употребляется для передачи более частных модальностей: риторичности, восклицания, императивности.

Выявление простейших отношений в конкретном целом как важнейший этап расчленения объекта исследования оказывается эффективным приемом анализа симметричных синтаксических конструкций французского языка.

Понятие симметрии неразрывно связывается с понятием асимметрии. Это диалектическое единство. Одна из форм проявления закона единства и взаимоисключения противоположностей говорит о том, что язык представляет собой диалектическую систему, находящуюся в состоянии непрерывного развития. Понятие симметрии не является чисто лингвистическим, так как в лингвистику оно привнесено из естественных наук⁶. Не следует понимать буквально, преломлять и приспособлять к фактам языка известные в математике и естественных науках виды симметрии — зеркальную, поворотную, трансляционную, винтовую и другие, хотя опреде-

ленные соответствия в плане содержания некоторых из этих понятий имеются.

Содержание понятия симметрии в лингвистике определяется линейным характером языка и спецификой средств выражения симметрии на разных языковых уровнях. Приведем несколько примеров:

1. Le bruit ne fait pas de bien et le bien ne fait pas de bruit. 2. Aux uns, il faisait horreur; aux autres, il faisait pitié. 3. Fortune aveugle suit aveugle hardiesse. 4. De grand vanteur, petit faiseur. 5. Je suis gentilhomme, et j'ai une épée; je suis baron, et j'ai un casque; je suis marquis, et j'ai un panache, je suis pair, et j'ai une couronne. 6. La justice sans la force est impuissante; la force sans la justice est tyrannique. 7. Bonne renommée vaut mieux que ceinture dorée.

В данных примерах компоненты фраз ощутимо тяготеют друг к другу, для них характерна определенная регулярность построения, что легко выявляется при попытке изобразить предложения схематически. Например:

1. $N^1VN^2||N^2VN^1$. С учетом синтаксических функций элементов (членов) первого и второго компонента фразы может быть представлена следующим образом: $S_N^1 \text{ Pred.}_V^1 C_N^{d2} || S_N^2 \text{ Pred.}_V^1 C_N^{d1}$.

3. $N^1\text{Adj}^1V\text{Adj}^1N^2$.

4. $\text{Adj}^1N^1|\text{Adj}^2N^2$.

5. $\text{Pr}^1V^1N^2|\text{Pr}^1V^2N^2||\text{Pr}^1V^1N^3|\text{Pr}^1V^2N^4||$
 $\text{Pr}^1V^1N^5|\text{Pr}^1V^2N^6||\text{Pr}^1V^1N^7|\text{Pr}^1V^2N^8$.

6. $\text{Pr}^1\text{Pr}^2||\text{Pr}^2\text{Pr}^1$.

7. $N^1N^2V^1\text{Adj}^1||N^2N^1V^1\text{Adj}^2$.

Даже первый взгляд на схемы позволяет увидеть не только строгую упорядоченность предложения, но и ту точку или элемент фразы, с которой начинается повторяемость первого компонента либо в прямом (4-й пример), либо в инвертированном (3-й пример) виде. То есть в каждой фразе есть организующий центр (ось), с которым неразрывно связано понятие симметрии. В приведенных примерах ось представлена либо союзом (1-й пример), либо полнзначным глаголом (3 и 8), либо удлиненной синтаксической паузой (2, 4, 5, 6, 7-й примеры). Именно относительно оси происходит процесс (операция) соразмерного, пропорционального строения фразы как на структурном, так и на семантическом уровне. Возникающая соразмерность характеризуется определенным количественным и качественным соотношением компонентов в рамках либо простого, либо сложного предложения.

В синтаксисе симметрия (понятие многоплановое) может рассматриваться в узком и широком значении слова. Более узкое значение — абсолютная симметрия (1-й тип симметрии) представляет собой «зеркальное» отражение элементов первого (левого) компонента словосочетания или предложения во втором (правом) и характеризуется равноудаленностью одних и тех же элементов (лексических единиц) от оси симметрии. Абсолютная симметрия — хиазм — бинарная синтаксическая конструкция, в которой первый компонент — исходная форма, а второй — трансформ, повторяющий в обратном порядке все члены предложения, составляющие первый компонент⁷. Например:

1. Un saint triste est un triste saint. 2. Un homme en vaut cent et cent n'en valent pas un. 3. L'amour fait passer le temps, le temps fait passer l'amour. 4. Tous pour un; un pour tous. 5. Le style n'est rien, mais rien n'est sans le style. 6. Celui qui s'éloigne de la cour, la cour s'éloigne de lui. 7. La sincérité qui n'est pas charitable est comme la charité qui n'est pas sincère. 8. Les poltrons fuient le danger, le danger fuit les braves. 9. Les affaires font les affaires. 10. Aime comme si un jour tu devais haïr; hais comme si un jour tu devais aimer. 11. Il faut éclairer l'Histoire par les lois et les lois par l'histoire.

Диапазон абсолютно симметричных конструкций широк. Абсолютная симметрия наблюдается в рамках и простых (1, 9-й примеры), и сложных предложениях как с эксплицитными (2, 5-й примеры), так и с имплицитными (4, 6, 8, 10-й примеры) формами связи между их компонентами.

Симметрия фразы создается синтаксической структурой компонентов фразы и лексическим наполнением ее компонентов. Абсолютная симметрия предполагает обязательное сочетание этих средств в пределах одной синтаксической конструкции, лексический состав двух компонентов либо идентичен, либо синонимичен. В приведенных выше примерах каждое предложение во втором компоненте содержит полную инверсию того, что имеется в первом компоненте, т. е. во втором компоненте не только сохраняется синтаксическая структура первого компонента (состав и размещение его элементов), но и лексические единицы первого компонента размещаются во втором в обратном порядке: saint triste... — ...triste saint; l'amour ... le temps — le temps ... l'amour; tous ... un — un ... tous; le style ... rien — rien ... le style; un ... cent —

cent ... un и т. д. В некоторых фразах (2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 10-й примеры) кроме основной оси симметрии есть дополнительные элементы, вокруг которых и происходит процесс инвертирования лексических единиц. Во 2-м примере — *vaut... valent*; в 4-м — *pour ... pour*; в 6-м — *s'eloigne ... s'eloigne*; в 8-м — *fuient ... fuit*.

Симметрия в широком значении слова — относительная симметрия (2-й тип симметрии) — представляет собой различные типы пропорциональной, гармоничной согласованности между собой двух или более компонентов, что достигается повторяемостью синтаксической структуры либо всего первого компонента, либо его части через определенное расстояние. Это так называемая симметрия параллельного переноса. Например:

1. De toutes les odeurs, le pain; de toutes les saveurs, le sel. 2. Plus il s'eloigne de vous, plus il se rapproche de vous. 3. Il n'y a pas de principes, il n'y a que des evenements; il n'y a pas de lois, il n'y a que des circonstances. 4. Bon plant, ta vigne; bon sang, marie ta fille. 5. Dea etait pale, cette femme etait vermeille. Dea etait l'aube, cette femme etait l'aurore. Dea etait belle, cette femme etait superbe.

Для симметрии параллельного переноса (или полного параллелизма) обязательным является сохранение синтаксической структуры первого компонента во всех последующих, т. е. все члены всех компонентов фразы идентичны в отношении их количества, грамматической формы и порядка следования. Идентичность компонентов в количественном и качественном отношении наглядно выступает при построении схемы предложения.

Les hommes font les lois, les femmes font les mœurs (Prov).

$$S_N1Pred.v1C_N^{d2}||S_N3Pred.v1C_N^{d4}$$

В приведенных выше примерах структура компонентов сложных предложений совпадает, все члены компонентов занимают одно и то же место, выступают в аналогичных связях с окружающими их словами и выражены одними и теми же частями речи.

Исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что симметрия синтаксических конструкций реализуется системой лексико-грамматических средств, находящихся в тесном взаимодействии. Поэтому симметрия не только показы-

вает способы согласования двух или многих компонентов фразы, но и сама становится средством связи компонентов синтаксических конструкций, обеспечивая их законченность и гармонию.

Синтаксические конструкции французского языка в целом хорошо поддаются анализу по методу, предложенному В. А. Лисицким.

¹ См.: Лисицкий В. А. Философские методы и лингвистические приемы исследования. Воронеж, 1978. С. 64.

² М.: Янош З. П. Корреляція як основне поняття граматичного змісту питання (на матеріалі французької мови) // Іноземна філологія. Львів, 1971. Вип. 23. С. 79—85.

³ См.: Чесноков П. В. Логическая фраза и предложение. Ростов н/Д, 1961.

⁴ Колшанский Г. В. Проблемы логического анализа структуры языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. С. 16—18.

⁵ Bally Ch. Traite de stylistique française. Heidelberg, 1921. Т. 1.

⁶ Брашев В. Н. К вопросу симметрии и асимметрии в языке // Вопросы германо-романского языкознания и методики преподавания иностранных языков. Иркутск, 1972. Вып. 2. С. 138.

⁷ Хиазм как явление экспрессивного синтаксиса подробно рассмотрен Э. М. Береговской, охарактеризовавшей кроме хиазма еще одну синтаксическую фигуру — зевгму. См.: Береговская Э. М. Экспрессивный синтаксис. Смоленск, 1984.

Ю. А. РЫЛОВ, С. О. ПЕТРОВСКАЯ

Воронежский университет,

Воронежский лесотехнический институт

ОБОСОБЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ В ИСПАНСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Перед любым научным исследованием В. А. Лисицкий ставил задачу «преодолеть «форму простого уверения» и вывести... содержание, соблюдая строгую последовательность, из надежных источников»¹. Этому принципа придерживались и мы, исследуя проблему обособления, одну из центральных и спорных в синтаксисе. Разграничение типов обособленных членов и разработка приемов их исследования имеет принципиальное методологическое значение.

Термин «обособленные второстепенные члены предложения» был введен в научный обиход А. М. Пешковским. В определении обособленного члена предложения ученый обра-

щает внимание на значение, выражаемое этим членом предложения: «Обособленным второстепенным членом называется второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и — параллельно — связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению»². Об обособлении имеются ценные мысли и замечания в работах Л. В. Щербы, Л. А. Булаховского, А. Н. Гвоздева и других видных лингвистов. В. В. Виноградов считает, что обособление больше связано со стилистикой: «Обособленные члены и обособленные конструкции представляют собой своеобразные смысловые синтаксические единства внутри предложения, выделяемые средствами инверсии и интонации, — с целью придать более сильную выразительность содержащемуся в них понятию, образу, характеристике»³.

Специально вопросами обособления занимались Е. В. Кротович, А. Г. Руднев, Г. П. Фирсов, Н. Н. Прокопович, Э. И. Коротаева, Е. А. Назикова, Л. Ю. Максимов и многие другие советские лингвисты. В Русской грамматике АН СССР 1980 г. обособлением называется «интонационное выделение такого распространяющего члена предложения, который по смыслу относится не только к тому члену предложения, от которого он зависит грамматически, но еще и к какому-нибудь другому его члену»⁴.

Обычно считается, что обособленные члены предложения имеют полупредикативное значение, обозначают дополнительные вторичные предикаты. Это несомненно. Тем не менее в испанском языке возможно обособление обстоятельств, которые не служат для выделения того или иного компонента в полупредикат. Это связано с тем, что в испанском языке действует закон контактного расположения определенных членов предложения. Так, если между подлежащим и сказуемым находится обстоятельственный компонент, то он просодически обособляется от остального лексико-грамматического состава предложения. Например:

Alguien, en voz baja, decía; El señor Ginero, de tiempo en tiempo, dirigía una mirada rencorosa al hermoso segundón; La piedra, **de un golpe seco,** se estrelló y hasta peló la corteza; Bartolo, **de un salto,** se puso en mitad del patio; Ella, **con ayuda de otras mujeres,** lo echó en la caja *.

* Примеры взяты нами из произведений современных испанских писателей.

Просодическое обособление обстоятельства не обозначает здесь дополнительной предикативности, а служит сигналом того, что между подлежащим и обстоятельством нет синтаксической связи. Они не образуют синтагмы. В целом обстоятельственные компоненты тяготеют к контактной постпозиции к глаголу (сказуемому). В таких случаях обособление обстоятельного компонента, находящегося между подлежащим и сказуемым, не происходит.

En el piso resonaba sordamente un batallón de pies descalzos; Apareció en la terraza la redondez de Braulio; Progresará maravillosamente la especie humana.

Не происходит обособление обстоятельного компонента, если обстоятельство и сказуемое контактные:

Un amanecer marche con mi madre a la estación del tren; **De pronto** noté que estaba ensangrentado y me alejé con miedo; **Un día** subió don Sebastian de la tienda con una carta en la mano.

Если обстоятельство вынесено в начальную линейную позицию и отделено от сказуемого подлежащим, то между обстоятельством и сказуемым наблюдается пауза, которая, как правило, обозначается на письме запятой.

Al pronto, todos callaron; **A hurtadillas**, la muchachita sorbió un trago de café; **Con cuidado**, y previa mirada atrás, la muchacha alargó una mano hacia el negro estuche de cuero.

Наблюдения показывают, что к обособлению стремятся те компоненты, которые находятся в необычной для них позиции. Так, обстоятельства образа действия (тяготеющие к контактной постпозиции к глаголу) обособляются, если предшествуют сказуемому, независимо от того, отделяются или нет от сказуемого подлежащим.

Apresuradamente, hice la maleta; **Lentamente**, la expresión de su rostro se suaviza; **A tientas**, buscó una caja de fosforos y la pipa; **Bruscamente**, el tabernero nos volvió la espalda; **torpemente**, lo introdujo en el bolso de su pantaloncillo de pana.

В подобных случаях обстоятельство образа действия может не выделяться на письме запятой, но, как показывает опрос информантов, между обстоятельством и сказуемым наблюдается пауза.

Torpemente sacó el billete de la cartera; Y **convulsamente**, cerró los dedos centrales de su mano; **A punados** metió en ella las herramientas y la cerró; Y **de un tiro** le dobló en tierra con la cabeza ensangrentada.

Тематические обстоятельственные компоненты могут находиться в постпозиции к сказуемому; при этом они просодически обособляются (сегментируются от остального лексикограмматического состава предложения), что на письме обозначается запятой, например: Y no había estrella alguna, **allí**; Osvina le miró a su vez, **calladamente**. Чаше всего такие примеры встречаются в комментариях прямой речи:

Alguien dijo junto a su oído, **despacio, con una voz muy tierna**: «Cuidado, coronel!»; Pero si es negro — dijo el niño, **obstinadamente**; Hoy es distinto — dijo la mujer, **sombriamente**, todavía mirando a la calle.

Обособление постпозитивных обстоятельств, дистантных по отношению к сказуемому, не происходит, если они образуют самостоятельную рему высказывания: Solicitaban otros un préstamo **humildemente, con timidez**; El viejo deja caer las palabras **lentamente, con voz ronca**.

Е. В. Литвиненко считает, что одним из главных факторов, препятствующих или способствующих обособлению обстоятельств, является их обязательность или факультативность в предложении. «Так, одиночные обстоятельства в конце предложения не обособляются, если они являются конструктивно значимыми, и обособляются, если их присутствие в предложении не является обязательным»⁵.

В ряде случаев обстоятельственные компоненты зависят непосредственно от других обстоятельственных компонентов, к которым они присоединяются при помощи особой синтаксической связи-аппликации, основанной на использовании просодических средств⁶. Аппликативные обстоятельства обладают дополнительной предикативностью. Они не уточняют значение главного слова, а раскрывают его⁷. Allí, **en el sur**, estan sus tierras. Allí-en el sur. Esta mañana, **a las seis**, me llamaron por teléfono. Esta mañana-a las seis.

Иногда согласованное обособленное определение приобретает обстоятельственный оттенок:

Pero la moza, **inconmovible**, seguía cosiendo; Y la Negra, **animada**, contaba entonces...; **Impaciente**, avanzó calle adelan-

te; Beatriz, inmóvil, temblorosa, adelanto la cabeza fuera de las cortinillas.

Обособленное определение зависит от подлежащего и определенным образом соотносит свое значение с глаголом. Такие обособленные определения легко трансформируются в деепричастные обороты:

Pero la moza, estando inconmovible, seguia cosiendo. Y la Negra, estando animada, contaba entonces. Estando impaciente, avanzó calle adelante. Beatriz, estando inmóvil, temblorosa, adelanto la cabeza fuera de las cortinillas.

Соотнесение обособленного обстоятельства и сказуемого не происходит, если обособленное определение зависит от дополнения: Vieron la carretera, espaciosa y blanca. — Vieron la carretera estando espaciosa y blanca.

Как правило, всегда обособляются обстоятельства уступки.

A pesar del calor, su traje de lino intachable exhalaba un hálito de frescura; La Negra, no obstante su mucha juventud e inexperiencia, no cedió un punto; Sin embargo, a pesar de sus definiciones, la preocupación no se desvanecía; A pesar de que ya el sol no se veía, sentía calor.

Обособленными обстоятельствами, несущими в себе заряд предикативности, являются также герундиальные и инфинитивные конструкции, которые обязательно обособляются, если предшествуют сказуемому. Ср. следующие обороты:

El, sonriendo y con una ligera contraccion en sus cejas rubias, acariciaba maquinalmente la mano; El, riendose, le corrigió una vez mas; Y resongado, el muchacho se fue entonces hasta la puerta; Temblando, vió como el lobo estaba en un saliente de pena.

Обособление не происходит, если нераспространенный герундиальный оборот следует непосредственно за финитным глаголом:

El compa Gazpar se paró agudizando el oído; Y alargaba sonriendo su larga mano hacia el mate; De pronto se embravecía mirando los penascales erguidos como ruinas de torres.

Аналогичная картина наблюдается в связных инфинитивных конструкциях:

Y al decir esto, volvía indiferentes hacia las lejanías del paisaje sus bellos ojos; El muchacho, **al oírle**, abrió mucho los ojos y algo también la boca; ...Muchas veces es muy poco lo que utilizo luego, **al llevar el personaje a cuartillas**, donde a lo mejor solo aparece una escena.

Просодическое обособление нелично-глагольных оборотов не всегда отражается на испанской пунктуации, что свидетельствует о ее условности. В любом случае обстоятельственные инфинитивные обороты (равно как герундиальные и причастные) отделяются от остального лексико-грамматического состава предложения паузой:

Y al hablar así la muchacha miraba a su progenitora...; **Al pasar frente a la abuela** la saludó con la mano y siguió de largo; **Un poco sorprendido** detuvo sobre el los ojos, que comenzaban a sentir la falta de vista; **Y al concluir la hermosa pieza le dije**: «Como te llamas?».

Абсолютные инфинитивные, герундиальные и причастные конструкции, выражая значение дополнительной предикативности внутри построения, обычно обособляются как в препозиции, так и в постпозиции к сказуемому.

Al llegarle al turno, el Seble deniega con la cabeza; El viejo, **al escuchar estas palabras**, da un salto; Tal despropósito, **tratándose de mi prima**, me indignó al principio, pero después me hizo reír; ...Y con el mismo aire sonámbulo se acostó, **ayudándole una vieja** que le había mecido la cuna; **Sentados otra vez**, le digo.

Просодическое обособление абсолютных конструкций тоже не всегда отражается на пунктуации (особенно в постпозиции к глаголу, так как пауза, отделяющая абсолютную конструкцию и глагол, здесь менее значительна, чем в случаях препозитивного расположения абсолютной конструкции): **Averigüe que me había estado observando sin notarlo yo**.

Обособление абсолютной конструкции не происходит, если она теряет значение полупредикативности и сближается по значению с предложно-субстантивным сочетанием (**al acabar la guerra**-después de la guerra; pasada la media noche-después de la media noche).

Un borrico que compré al acabar la guerra, se murió también. — Ослик, которого я купил *по окончании* войны, умер тоже;

El bar cerraba **pasada media noche** y la encontramos en un rincón. — Бар закрывался *после полуночи*⁸.

Депредикативизация абсолютных конструкций способствует, на наш взгляд, их позиции в составе ремы.

К обособляемым обстоятельственным построениям с полупредикативным значением относятся обороты с *una vez*:

Pero **una vez** ante él (el ascensor), retiró la mano del tirador y empezó a leerla; Decidí ir a esperar a la Concha, pero **una vez** a solas en la tapia del antiguo convento, recordó de nuevo a Tano.

Итак, обособление обстоятельственных единиц в испанском языке — явление неоднородное. Во-первых, обособление обстоятельств, примыкающих к глаголу, обусловлено строевыми потенциями испанского синтаксиса, а именно:

1) тенденцией к контактной позиции (обычно контактной постпозиции) обстоятельственных компонентов к главному слову — глаголу;

2) отсутствием синтаксической связи между обстоятельством и подлежащим (в случаях, когда обстоятельство находится между подлежащим и сказуемым);

3) «необычностью» линейной позиции обстоятельства.

Обособленные просодически обстоятельственные компоненты данного типа не имеют полупредикативного значения.

Полупредикативные обособляемые компоненты в испанском предложении бывают следующих типов:

1) присоединяемые аппликацией к другому обстоятельственному компоненту;

2) присоединяемые согласованием и аппликацией определения к подлежащему;

3) присоединяемые примыканием к глагольному сказуемому.

В любом случае чаще обособляются препозитивные обстоятельственные построения. Просодическое обособление обстоятельственных компонентов не всегда фиксируется пунктуацией.

¹ Лисицкий В. А. Философские методы и лингвистические приемы исследования. Воронеж, 1978. С. 8.

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 416.

³ Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 280.

⁴ Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. С. 180.

⁵ Литвиненко Е. В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. С. 20.

⁶ Об аппликации см.: Рылов Ю. А. Синтаксические связи слов в испанском предложении. Воронеж, 1985. С. 141—146.

⁷ См.: Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970. С. 40.

⁸ См. об этом: Самусенко И. Ф. Логико-грамматический анализ осложненного предложения с обстоятельственными абсолютными конструкциями в современном испанском языке. Днепропетровск, 1978. С. 27. Приведенные примеры заимствованы из этой книги.

В. Т. ТИТОВ

Воронежский университет

О КОММУНИКАТИВНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ МОДАЛЬНОСТИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ (на материале испанского языка)

В методологической концепции В. А. Лисицкого основным принципом была установка на реальные факты языка как исходный пункт исследования. Лингвист, оперирующий конкретным языковым материалом, непосредственно убеждается в том, что в этом случае теряют свое значение «основополагающие категории концепций, исходящих из абстрактного понятия семиотической системы»¹, в частности дихотомия «язык — речь». В. А. Лисицкий справедливо отмечал, что эта дихотомия вводится структуралистами с единственной целью — устранить «из объекта («системы языка») все те представления о естественной речевой деятельности (т. е. богатой, постоянно становящейся, социальной реальности языка), которые нарушают гармонию этой абстракции» (там же, с. 60). Ученый неоднократно критиковал подобное искусственное ограничение рамок исследования, которое обусловлено не особенностями самого языкового материала, а попытками сохранить неизблемость «тощих абстракций». Эти глубокие замечания В. А. Лисицкого особенно актуальны сейчас, когда одной из главных тенденций советского языкознания стало стремление уточнить наши представления о соотношении языковой системы и речевой деятельности, в которой она реализуется. Узкому пониманию системы языка противопоставляет-

ся методологически важный принцип всеобщей связи, и это требует более последовательного применения системного подхода к языковым явлениям.

Несомненно, что системные отношения охватывают не только внутренне организованную совокупность элементов языка (структурный уровень), но и отношения этих языковых единиц в составе высказывания и текста (коммуникативный уровень). Выявление основных закономерностей функционирования конкретных языковых единиц в процессе коммуникации — важнейшая задача науки о языке.

Данная статья посвящена анализу коммуникативных аспектов модальности предположения в испанском языке. Имеющиеся исследования этого типа характеризуются явной тенденцией к ограничению своего объекта рамками языковой системы, т. е. рассматриваются преимущественно системные отношения средств выражения модальности предположения. В то же время коммуникативные аспекты функционирования категории предположения недооцениваются. Цель работы — восполнить указанный пробел и выявить основные коммуникативные параметры категории предположения испанского языка. Одновременно намечается методика изучения языковых категорий в процессе коммуникации.

В испанском языке модальность предположения выражается комплексом разноуровневых средств. К лексико-синтаксическим средствам относятся предложения с конструкцией эксплицитной модальности (*Supongo que él sabe todo*), предложения с безличным модусом (*Es posible que viene*), вводные модальные фразы (*Es, creo, de Madrid*). Лексические средства выражения предположения — модальные слова *quizás, acaso, tal vez, probablemente*. Грамматическими средствами являются сочетания глагола *deber* с инфинитивом и так называемое предположительное наклонение, выделяемое по функциональному признаку, поскольку оно использует формы будущего времени и кондиционала.

Все эти средства объединяются в функционально-семантическое микрополе предположения по признаку общности функции в высказывании. Безусловно, полевое моделирование способствует уточнению структуры категории предположения в системе языка, однако, как показывают имеющиеся исследования, при этом не учитываются системные связи данных средств выражения в высказывании, речевом акте и тексте.

В конкретном высказывании значения средств выражения предположения входят в модус высказывания. В на-

стоящее время модус рассматривается как комплекс категорий, отражающих субъективное отношение говорящего. В. Г. Так выделяет восемь основных модусных категорий предложения, разделяя их на две группы. I — категории, ориентированные на говорящего: 1) категория истинности, 2) категория модальности, 3) категория лица речи, 4) дейксис или локализация, 5) категория эмотивности. II — категории, ориентированные на собеседника: 1) категория целенаправленности высказывания, 2) категория информативности (актуальное членение), 3) категория речевой ситуативности, охватывающая социальный аспект общения и функционально-стилистические модификации форм². Т. В. Шмелева среди модусных категорий называет также оценочность и авторизацию, но не рассматривает актуальное членение и целенаправленность высказывания³. Во взаимодействии с этими категориями и функционирует в высказывании категория предположения. При этом важно отметить, что модусные категории могут накладывать ограничения на употребление средств выражения предположения и даже изменять их значение, закрепленное в системе языка.

Категория лица тесно связана с категорией предположения, ибо последнее всегда принадлежит говорящему субъекту и грамматически соотносится с первым лицом. Предложение, передающее предположение, по своей сути перформативно (т. е., когда сам субъект говорит о своем предположении: *Я предполагаю, что...*). Неотделимость предположения от говорящего, выраженная грамматическим построением от первого лица, приводит к тому, что в некоторых контекстах средства выражения предположения теряют свое значение и служат для указания на субъект говорения. Эту функцию в испанском языке могут выполнять все средства выражения предположения, однако наиболее употребительны модусные глаголы *creer*; *parecer*. Ср.: *Yo, sabe usted?*, *creo que lo cortés no quita lo valiente*; *Pues yo creo que a mi señorito se le había metido en la cabeza morirse*.

Категория лица вместе с категорией времени актуализируют высказывание, содержащее предположение, в плане настоящего «я — сейчас — здесь».

Лексические средства выражения модальности предположения не несут специальных показателей времени локализации. Средства выражения, имеющие в своем составе глагольную форму, допускают временную локализацию модуса в плане прошедшего, например конструкция эксплицитной

модальности. Ср.: Suponía que ... Supuse que... Creí que... Creía que... Однако в этом случае предположение распадается на два плана: в прошедшем — предположение и акт речи, выражающий это предположение (по крайней мере, на уровне внутреннего проговаривания); в настоящем — акт речи, в котором происходит констатация факта предположения в прошлом.

Конструкция эксплицитной модальности, несмотря на временную локализацию в прошедшем, сохраняет связь с актом речи в настоящем вследствие единства говорящего субъекта в прошедшем и настоящем. (Entra Rosario) Creí que quería usted decirme algo; Suponía que ibas a preguntar sobre el accidente. Здесь предположение, имеющее временную локализацию в прошлом, важно для объяснения поведения говорящего в момент речи.

В предположительном наклонении испанского языка две формы также могут быть локализованы в плане прошедшего — потенциальное простое и потенциальное сложное. Que le aguardaba dentro de la casa? Se había fugado la seña Frasquita? Estaría muerta?

Предположительное наклонение употребляется в историческом плане сообщения, который противопоставляется плану речи с его локализацией «я — сейчас — здесь». В последовательном историческом повествовании возможны только формы третьего лица (ср. пример выше), так как субъект не может «вмешиваться» в процесс передачи информации (Э. Бенвенист). Исторический план выделяют в языках со сложной системой времен, как, например, в испанском и французском. Потенциальные времена являются специализированным средством выражения предположения в историческом плане. Характерно, что при употреблении потенциальных времен в плане речи они теряют значение предположения и передают значение действия потенциального, возможного при определенных условиях.

Неотделимость предположения от акта речи означает невозможность временной локализации категориального смысла модальности предположения в плане будущего (Я предположу, что...). Происходит как бы семантическое рассогласование во временном значении: «Я» означает «я — сейчас — здесь», «предположу» относит действие в будущее.

Видимо, эта принципиальная невозможность пересечения семантических полей предположения и будущего привела к тому, что предположительное наклонение испанского языка

использует формы будущего времени изъявительного наклонения.

Таким образом, модусная категория времени накладывает определенные ограничения на употребление тех или иных средств выражения модальности предположения в высказывании.

Категория информативности (актуальное членение), взаимодействуя со средствами выражения предположения, обуславливает характер предположения (полное или частичное). В случае полного предположения модальная форма относится к субъектно-предикатной структуре высказывания, причем анализ показывает, что средства выражения предположения тяготеют к предиктируемой части, т. е. к наиболее существенному и важному компоненту. Это связано с тем, что в акте предикации говорящий «приписывает» субъекту высказывания определенный признак, и указание на неуверенность говорящего в отношении этого признака является коммуникативно релевантной характеристикой. При этом грамматические средства выражения непосредственно включены в предиктируемую часть высказывания. Ср.: *La señora Jacoba... lo decía — contestó la Ignacia. — La señora Jacoba estaría idiota (Baroja). No debía de ser grande el peligro.* Лексико-синтаксические средства примыкают непосредственно к рематическому компоненту. Ср.: *Pues yo creo — dijo Liduvina, — que ha sido de la cabeza.*

Что касается модальных слов, вводимых в высказывание интродуктивной связью, то они, несмотря на свою «подвижность», как правило, расположены на границе темы и ремы, обеспечивая тем самым более четкое разграничение этих важнейших компонентов высказывания. Ср.: *Ahora, lo del muerto, probablemente, será mentira.*

Характерное для синтаксической позиции модальных модификаторов предположения ритмомелодическое выделение является средством, подчеркивающим коммуникативную значимость этих модификаторов: *Recuerdo (creo) sus manos afiladas de trenzador.*

Можно предположить, что в этом случае средства выражения модальности предположения выполняют функцию коммуникативной связки в силу своей субъективности. Говорящий, соединяя в высказывании определенный субъект и приписываемый ему признак, как бы ссылается на самого себя как на источник и основу акта предикации.

При частичном предположении средства выражения мо-

дальности предположения относятся к отдельному компоненту высказывания и соединены с этим компонентом субординативной связью. Частичное предположение могут выражать только вводно-модальные слова в отличие от грамматических и лексико-синтаксических средств, которые тесно связаны с предикатом высказывания. Так как вводно-модальные слова выделяются просодически, то в результате и синтаксема, к которой относится это слово, также занимает особое место в ритмомелодическом членении высказывания. Ср.: *En trabajos de índole al parecer insignificante era donde había de ver la agudeza, la sensatez, la perspicacia de S. Paparrigopulos; Hubo una esperanza tal vez secreta de cogerlos.* При этом пауза играет столь важную роль, что зачастую автор при воспроизведении прямой речи старается подчеркнуть ее на письме. Ср.: *La palabra se hizo para examinar nuestras sensaciones e impresiones todas..., acaso para creerlas.*

Следовательно, вводно-модальные слова в случае частичного предположения являются одним из средств (наряду с логическим ударением) актуального членения и служат для выделения коммуникативного значимого компонента высказывания.

Взаимодействуя в высказывании с категорией оценочности, средства выражения предположения теряют свое значение и служат для передачи некатегоричного утверждения. Ср.: — *Yo creo que queda bien... — Ya lo creo. Yo creo que no puede quedar mejor!; Y acaso lo mejor sea no solo que aceptes eso de tu casa, sino que...; Tal vez lo peor en esa situación es la incompreensión...* В этих примерах говорящий, давая оценку, пытается избежать категоричности утверждения. При этом средства выражения предположения выполняют в высказывании важную прагматическую функцию.

Категория коммуникативной направленности высказывания накладывает ограничения на употребление средств выражения модальности предположения. Это связано с тем, что повествовательные предложения соответствуют каузации «хочу, чтобы ты знал», вопросительные — «хочу, чтобы ты сказал», побудительные — «хочу, чтобы ты сделал». Модальность предположения как один из типов субъективно-оценочной модальности вступает в определенные отношения с первыми двумя типами каузации и не согласуется с третьим типом. В проанализированных нами текстах на испанском языке не обнаружено примеров употребления средств выра-

жения модальности предположения в побудительных высказываниях.

Коммуникативная направленность повествовательного высказывания регулярно коррелирует с категорией предположения. По нашим подсчетам, из общего числа примеров около 81% употреблений приходится на повествовательные предположения.

Употребление средств выражения модальности предположения зависит в вопросительных высказываниях от типа вопроса. Основываясь на классификации вопросов, предложенной Ш. Балли⁴, мы делим вопросы на диктальные и модальные. Средства выражения предположения не могут употребляться в диктальном вопросе, так как он информативен. Предположение возможно только в модальном вопросе, который верификативен, поскольку относится к модусу высказывания.

В модальных вопросах категория предположения соотносится также с категорией истинности (утверждение / отрицание признака). В связи с этим П. Рестан выделяет «презумптивные и дубитативные вопросы»⁵. Презумптивные вопросы — это вопросы, в ответ на которые говорящий ждет подтверждения высказанному предположению. В данном случае говорящий может использовать как отрицательную, так и положительную форму вопроса в зависимости от характера предполагаемого действия, например: *Esto te lo habrá insinuado Elena ¿ eh?*

От презумптивного вопроса П. Рестан отличает дубитативный вопрос, в котором отрицательная форма связана с предположением обратного. Дубитативный вопрос не исключает обе формы ответа. Положительная форма не предопределяет ответа, являясь немаркированной. Отрицательная форма является маркированной и невозможна в некоторых контекстах. В испанском языке отрицательная форма дубитативного вопроса употребляется часто. Ср.: *¿ Y que es el amor? ¿ No es acaso la destilación de todo esto? ¿ No es el jugo de aburrimiento?*

Таким образом, в конкретном высказывании категория модальности предположения находится в сложных системных отношениях с модусными категориями. Эти категории могут накладывать ограничение на употребление средств выражения предположения (категория времени, коммуникативная направленность, категория информативности), изменять значение данных средств (категория лица, оценочность).

¹ Лисицкий В. А. Философские методы и лингвистические приемы исследования. Воронеж, 1978. С. 60.

² См.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. М., 1981. С. 69.

³ Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1981. С. 71.

⁴ См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 47—48.

⁵ См.: Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972.

Н. В. БУНТМАН, Т. Б. АЛИСОВА

Московский университет

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЯ В ТЕКСТЕ

(на материале памфлетов П.-Л. Курье)

Настоящая работа посвящена анализу стилистического употребления личных местоимений в сочинениях блестящего памфлетиста начала XIX в. Поля-Луи Курье.

Памфлет, в отличие от чисто литературных художественных жанров, предметно связан с конкретной исторической ситуацией, точно очерченной во времени и пространстве, а его автор не просто обсуждает те или иные политические и социальные проблемы своей эпохи, а борется с пером в руках за свои убеждения и стремится провести в жизнь свои идеи.

Впитав в себя традиции античной литературы, произведения Курье предвосхитили появление критического реализма во Франции. Высоко оценивая творчество Курье, Бальзак писал: «Есть что-то слишком возвышенное в его сжатом стиле, слишком остра его раблезианская мысль, слишком много иронии в содержании и в форме, чтобы Курье мог нравиться многим. Он создал «Мениппову сатиру» наших дней»¹.

Жанр политического памфлета предполагает, что автор высказывает свою оценку, соотнося ее с идеальными нормативами определенной общественной группы, находящейся в оппозиции к господствующей верхушке. Для поздних памфлетов Поля-Луи Курье такой точкой отсчета были интересы французского крестьянина. Солидарность с простым народом

выражена писателем уже в самих заглавиях памфлетов: «Première réponse aux anonymes qui ont écrit des lettres à Paul-Louis Courier, vigneron», «Simple discours de Paul-Louis», «Livret de Paul-Louis, vigneron...», где к своему имени он добавляет одну из своих «характеристик» — виноградарь (кстати, соответствующую действительности). Живя среди крестьян, он говорит «как один из них», так что референтом местоимения *je* в тексте оказывается не писатель Поль-Луи Курье, а некий виноградарь, беседующий со своим соседом: C'est ce que me disait un bonhomme du pays de Chambord même, que je vis dernièrement à Blois; car, comme je lui demandai ce qu'on pensait chez lui de cette affaire, et que desiraient les habitants... (p. 161)². Такое намеренное сужение референтного содержания местоимения *я* предполагает его потенциальное распространение на всех земледельцев этого местечка, которые оказались жертвами новых налогов ради того, чтобы правительство якобы от лица народа могло сделать подарок новорожденному дофину. Естественным расширенным синонимом *я* в таком контексте оказывается местоимение *мы*. Оно включает *я* автора и его друзей *mes amis*, к которым *je* обращается как к хору для усиления собственного голоса.

Si nous avons de l'argent à n'en savoir que faire, toutes nos dettes payées, nos chemins réparés, nos pauvres soulagés, notre église d'abord (car Dieu passe avant tout) payée, recouverte et vitrée, s'il nous restait quelque somme à pouvoir dépenser hors de cette commune, je crois, mes amis, qu'il faudrait contribuer avec nos voisins à refaire le pont (p. 150).

На фоне референтно-ограниченного *я* тем ярче выступает *я* самого писателя, как, например, в «Первом ответе на анонимные письма», который заканчивается декларацией авторского *credo*:

...Jamais je ne serai du parti de personne. Je ne suivrai pas un homme, ne cherchant pas fortunes dans les révolutions, contre-révolutions qui se font au profit de quelques-uns. Ne d'abord dans le peuple, j'y suis resté par choix. Il n'a tenu qu'à moi d'en sortir comme tant d'autres qui, pensant s'ennoblir, de fait ont dérogé. Quand il faudra opter suivant la loi de Solon, je serai du parti du peuple, des paysans comme moi (p. 192).

Здесь авторское *я* обрастает различными функциями: как источника речи, субъекта оценки (с его точки зрения те,

кто отступили от демократических идеалов в погоне за титулами и должностями, думая возвыситься, совершили низкий поступок), субъекта-агенса, активно действующего и принимающего решение. Концентрация различных ролевых признаков у авторского *je* проявляется в плане выражения через повторение личного местоимения 1-го лица ед. числа по мере семантической эволюции его референта.

Если рассматривать речевой акт как оппозицию говорящий / слушающий, а третье лицо (объект разговора) считать внешним по отношению к этой оппозиции, то интересно проследить сдвиги местоименной референции в микродialogах, включенных в некоторые памфлеты. Так, например, в памфлете «*Livret de Paul-Louis, vigneron pendant son séjour à Paris en mars 1823*», опубликованном в Брюсселе и написанном в форме записок провинциала, попавшего в Париж в тот момент, когда готовилось решение о вторжении французских войск в Испанию, Поль-Луи Курье как бы записывает в свою записную книжку случайный диалог на улице:

...Ce matin, me promenant dans le Palais-Royal, M.l.rd passe, et me dit: Prends garde, Paul-Louis, prends garde; les cagots te feront assassiner. — Quelle garde veux-tu lui dis-je que je prenne? Ils ont fait tuer des rois: ils ont manq  frere Paul, l'autre Paul,   Venise, Fra Paolo Sarpi. Mais il l'echappa belle (p. 209).

В основе референтных отношений в диалоге прежде всего лежит признак взаимозаменяемости личных местоимений. Со сменой реплик меняется субъект — производитель данного высказывания, и, следовательно, изменяется референтная соотнесенность. Если автор речевого акта — тот, кого встречает Курье, то сам памфлетист становится адресатом высказывания и обозначается в тексте местоимением 2-го лица ед. числа (*te feront assassiner*). Когда же функцию семантического субъекта получает автор памфлета, то его знакомый, теперь уже в функции слушающего, обозначается двумя формами: объектным местоимением 3-го лица (*lui dis-je*) и субъектным местоимением 2-го лица.

Памфлет «*Livret de Paul-Louis*» был издан отдельной брошюрой и сопровождался предисловием продавца-книгоиздателя, которое было написано самим Курье:

Nous ne donnons que des extraits du *Livret de Paul-Louis, vigneron*, dans lequel se trouvent beaucoup de choses in-

telligibles pour lui seul, d'autres trop hardies pour le temps, et qui pourraient lui faire de fâcheuses affaires. Nous avons supprimé ou adouci ces traits. Il faut respecter les puissances établies de Dieu sur la terre, et ne pas abuser de la liberté de la presse (p. 204).

По отношению к издателю местоимение nous эксклюзивно и его употребление сходно по функции с заменой я на мы, когда функции единственного числа передаются множественному (nous de modestie).

Истинный автор предисловия — Поль-Луи Курье, и его перу принадлежит текст памфлета. Сам издатель никогда бы не решился опубликовать произведение, которое он сам находит «слишком смелым для своего времени» и которое могло бы «навлечь неприятности» на автора брошюры. На этом уровне референтных отношений местоимение nous оказывается внешним по отношению к автору высказывания, и, наоборот, обозначения объекта (pour lui seul, lui faire) соотносятся с автором — субъектом оценки. Эти референтные связи строятся на пресуппозиции наличия общего фонда знаний с читателем. Nous получает функцию местоимения ils, референтом которого, с позиции Курье, будут являться те, кто считает его произведения недоступными для широкого круга читателей и чье мнение разделяет «издатель». Передавая функции авторского субъекта «издателю», памфлетист делает некоего Поля-Луи объектом для критики и обсуждения. Глагол rouvoit в условном наклонении означает, что в данном случае модальность свойственна «издателю» — субъекту оценки.

Курье либо идентифицирует себя с создаваемой им картиной действительности, либо максимально удаляется от нее, создавая между собой и изображаемым эпическую дистанцию.

Памфлет «Gazette du village» состоит из статей, присланных из различных районов Франции и как бы записанных под диктовку крестьян. Среди прочих сообщений о событиях, происходящих в округе Турень во время войны Франции с Испанией, есть заметка:

— Paul-Louis, sur les hauts de Veretz, fait des choses admirables. C'est le premier homme du monde pour terrasser un arpent de vigne. Il amène, d'un bois non fort voisin de là, cinq cents charges de gazon ou de terre de bruyère. Il la laisse mû-

rir à l'air, de temps en temps la vire, la remue avec cent à cent cinquante charges de fumier... (p. 223).

Курье рассказывает о себе устами крестьян и если бы не тот факт, что в эпоху Реставрации около половины сельских коммун не имело начальной школы, а из ста призывников только 42 умели читать³, то можно было бы предположить, что имплицитным субъектом — источником информации — являются крестьяне. Анафорическое указание на личность Курье (понятие анафоры может означать отношение элементов текста к общему референту⁴) именем собственным в начале повествования (Paul-Louis), детерминативной конструкцией (*c'est le premier homme*), повторяемыми далее в тексте местоимениями 3-го лица ед. числа определяет памфлетиста только как субъекта действия. Памфлетист передает функции субъекта высказывания и субъекта оценки анонимному сельскому жителю, используя этот стилистический прием, чтобы продемонстрировать бедственное положение средних слоев французского крестьянства.

Поль-Луи Курье передает некоторые функции авторского я своему политическому противнику. Памфлет «*Pièce diplomatique extraite des journaux...*» представлен в форме письма, адресованного Людовиком XVIII королю Испании Фердинанду VII. В откровенной беседе со своим братом французский король делится своими принципами управления страной:

Moi, qui vous écris ceci, mon Cousin, je serais le plus grand roi de l'Europe, si j'eusse voulu seulement m'entendre avec mon peuple. Rien n'était si facile. Me préserve le ciel d'une telle bassesse! J'obéis au congrès, aux princes, aux cabinets, et en reçois des ordres souvent embarrassants, toujours fort insolents; j'obéis néanmoins. Mais ce que veut mon peuple, et que je lui promis, je n'en fais rien du tout, tant j'ai de fierte dans l'âme et l'orgueil de ma race (p. 237)..

Автор выбирает жанр личной неофициальной переписки, чтобы точнее определить идейную позицию правящей элиты: ведь никто, кроме самого короля, не может осмелиться изложить такие соображения об «основах» тирании. Поль-Луи Курье вкладывает в уста короля оценку событий со стороны лагеря, враждебного ему самому. Максимальная субъективность равнозначна здесь наибольшей достоверности. Именно в переписке двух августейших особ, связанных к тому же уза-

ми родства, могут быть высказаны настолько неприкрыто презрение к чароду, насмешка над конституционными правами, восхищение славными предками:

C'est aux personnes de notre rang le dernier degré d'abaissement que promettre aux sujets et leur tenir parole, comme a très bien dit Louis XY notre aïeul, de glorieuse mémoire, qui savait son métier de roi. Sous lui, on ne vit point les Français murmurer, quelque fait qu'il leur imposât, en quelque misère qu'il les put réduire, pas un d'eux ne souffla mot, lui vivant. Pour ses guerres, ses maîtresses, pour bâtir ses palais, il prit leur dernier sou; c'est regner que cela (p. 236).

Король — автор письма — включает себя и своего адресата в одну социальную группу — Nous regnons de par Dieu qui nous donne es peuples et nous ne devons compte de nos actes qu'à Dieu (p. 236). Nous объединяет, таким образом, и остальных властителей, о которых Людовик XVIII говорит как о «людях нашего ранга» («personnes de notre rang»), поэтому посессивами определяется все, что принадлежит королевскому двору («nos vieilles prerogatives», «nos prédécesseurs», «nos valets, nos maîtresses, nos favoris, nos pretres», «notre fierte»).

В письме брату стиль короля не похож на стиль официальных документов, и мастерство памфлетиста превращает парадный портрет венценосца в шарж, под которым истинный автор ставит свою подпись: «с подлинным верно» («Rogue copie conforme, Paul-Louis Courier, vigneron»).

Итак, стилистическая неоднородность референтной связи личных местоимений и, в частности, местоимения я объясняется замыслом автора и зависит, прежде всего, от соответствия взглядов субъекта высказывания идеологической позиции автора. Памфлетист может полностью отождествлять себя с говорящим, т. е. убеждать читателя от первого лица, либо выступать от лица своего идейного врага, тем самым разоблачая его в глазах читателя. Иногда Курье надевает на себя маску крестьянина, депутата округа, оставаясь при этом самим собой, но немного изменяя угол зрения на ту или иную проблему. В соответствии с занимаемой агенсом позицией меняются и референты остальных личных местоимений. Автор может распределять функции авторского я между актантами. Так, при сохранении писателем роли субъекта действия, он передает функции субъекта оценки другому

человеку, или выступает как свидетель событий, но не как действующее лицо.

¹ Бальзак О. де. Поля. собр. соч. М., 1960. С. 32.

² Здесь и далее ссылки на произведения П.-Л. Курье с указанием страниц в скобках даются по изданию: Courrier P.-L. Pamphlets politiques choisis. Ed. Sociales. Paris. 1961.

³ Манфред А. З. История Франции. М., 1973. Т. 2. С. 191.

⁴ Вольф Е. М. Грамматика и семантика местонимей. М., 1975. С. 6.

А. Я. ПРИСЯЖНЮК

Черновицкий университет

О МАРКИРОВАННОЙ КОМБИНАТОРНОСТИ В ЭВОЛЮЦИИ НЕКОТОРЫХ ФРАНЦУЗСКИХ УДАРНЫХ ГЛАСНЫХ

Внимание ученых издавна привлекало то обстоятельство, что на территории Северной Галлии развитие ударных гласных было дифференцированным в зависимости от открытости и закрытости слога. Эта тенденция отмечалась лингвистами как определяющее обстоятельство развития ударных гласных. Вместе с тем отчасти уже в трудах по истории французского языка, но особенно в монографиях по исторической фонетике и французской диалектологии постоянно вскрывались различные обстоятельства, усложнявшие эти процессы в зависимости от комбинаторных условий гласных (влияние носового согласного, йота, метафония), либо в связи со специфическими особенностями различных говоров и диалектов французского языка.

Все эти материалы в традиционном языкознании рассматривались как внутренние факты того или иного говора или диалекта. Сами же действия открытости и закрытости слога как внутренние закономерности романского вокализма оставались невыясненными. Реальное функционирование этих закономерностей как выражение черт определенного языка или диалекта представляется нам весьма важным. Дальнейшее углубленное исследование этой проблемы связано с всесторонним учетом богатейшего опыта изучения ее в зарубежном и в советском языкознании.

Новый подход, принципы которого были разработаны в советской романистике профессором В. А. Лисицким и его учениками, применительно к нашему материалу должен сводиться к тому, что на первом этапе исследования мы рассматриваем наш материал как конкретное целое, объединенное родством значений и известным подобием фонетического облика языковых единиц, внутренние связи которых при первом подходе для нас не ясны. Это конкретное целое последовательно расчленяется на все более простые и абстрактные отношения (фонетические процессы и закономерности). После того как будут выделены простейшие отношения (закономерности), исследование должно идти в обратном направлении — от простых отношений к конкретному целому, с которого начинается исследование. Этот переход должен приводить к установлению серии типов фонетического развития французских ударных гласных.

Любой фонетический переход — явление конкретное и может быть расчленено на различные процессы и закономерности. В результате такого расчленения мы непосредственно выделяем различные типы простейших отношений (фонетических закономерностей), резюмирующих понятия спонтанности и комбинаторности. В этом случае первый тип получает исчерпывающее определение как простейшее отношение, тогда как комбинаторные закономерности подлежат дальнейшему расчленению до выделения в них простейших отношений. Комбинаторное развитие, будучи по своей природе сложным, расчленяется на серию простых отношений. В этом плане комбинаторность может быть количественной, т. е. выражающейся в количестве согласных, следующих за ударным гласным, и качественной, отображающей специфическое влияние на эволюцию гласного тех или иных (предшествующих или следующих за гласным) звуков. Количественная комбинаторность предполагает немаркированную закономерность, т. е. комбинаторность, не содержащую какого-либо специфического влияния на эволюцию гласного, и маркированную, т. е. специфическое (преимущественно тормозящее) влияние коисонантных групп на эволюцию ударных гласных.

В нашей статье дается анализ простейших отношений в плане маркированности комбинаторности в эволюции некоторых французских ударных гласных, что в методологическом плане предполагает завершение первого этапа расчленения совокупности фонетических переходов на простые и абстрактные отношения (закономерности), и делается попытка выве-

дения типа фонетического развития рассматриваемых гласных.

Действие этой закономерности в развитии народно-латинских гласных выражается в их сохранении, за исключением гласного *О* *, который перешел в древнестарофранцузском в *ou* [u]. Для иллюстрации берем только некоторые гласные. Так, в этом плане гласный «а» остался неизменным в общенародном французском языке и в некоторых его диалектах. ср.: *vassa* > *vache*, *vas* (в пикардском) ¹, *vase* (в говорах Нойенбурга) ². Однако в диалектном отношении маркированная комбинаторность характеризуется постепенным сужением «а» в «е» (различной открытости) в лотарингском диалекте: *passu* > *pe*, *mappe* > *mer*, иногда это сужение здесь задерживается на ступени *a*: *as(i)nu* > *an*, *pasta* > *pat*. Эта тенденция нашла отражение, например, в говоре Клерво (деп. Юра): *vassa* > *ves* ³. С другой стороны, маркированное развитие гласного «а» пошло и по линии гласных заднего ряда. В частности, в Грюеренском говоре Фрибурга наблюдается веляризация *a* > *a* велярное: *arbore* > *arbo*, *barba* > *barba* ⁴. Конечным результатом рассматриваемой закономерности оказывается рефлекс «о» (*a* > *o*), где веляризация связана с лабиализацией и сужением. Это направление нашло отражение в валлонском диалекте: *parte* > *por*, *largu* > *loc*, в говорах Верхней Бретани: *capitia* > *cos*, *classe* > *clos*, в некоторых других говорах Фрибурга (франко-провансальские диалекты): *barba* > *borbe*.

Маркированная эволюция гласного *e* также выражается в основном в его сохранении: *férru* > *fer* диалектные формы: *tèsta* > *tet*, *tèrra* > *ter* ⁵. Вместе с тем рассматриваемая комбинаторность для гласного *e* проявляется и в других направлениях. Во-первых, наблюдается тенденция расширения *e* > *a* в старобургундском диалекте: *novèllu* > *noval*, *prèsbyter* > *prastre*, а также в четвертой группе говоров Нойенбурга: *hérba* > *harba*, *férru* > *far*. Во-вторых, маркированная комбинаторность проявляется в дифтонгизации *e*, отразившейся в говорах Руши и Гомэ валлонского диалекта: *tèsta* > *tiesse*, *hérba* > *hierb*, а в говоре Бурбоннэ в этом плане наблюдается лабиализация второго элемента дифтонга: *bèllu* > *biel* > *bieu* > *bioe* [bjoel], * *chapèllu* >

* Подаем значение фонетических знаков на примере некоторых гласных: *e*, *ō* — долгие; *e*, *ō* — краткие; *e*, *o* — закрытые; *e*, *o* — открытые; *a* — велярный; *ē*, *ō* — носовые; *ō* = [oe] современной транскрипции.

> *charjoe*. В других областях Франции эта закономерность выражается в дифтонгах *ei*, *ai*, где мы фиксируем ее связь

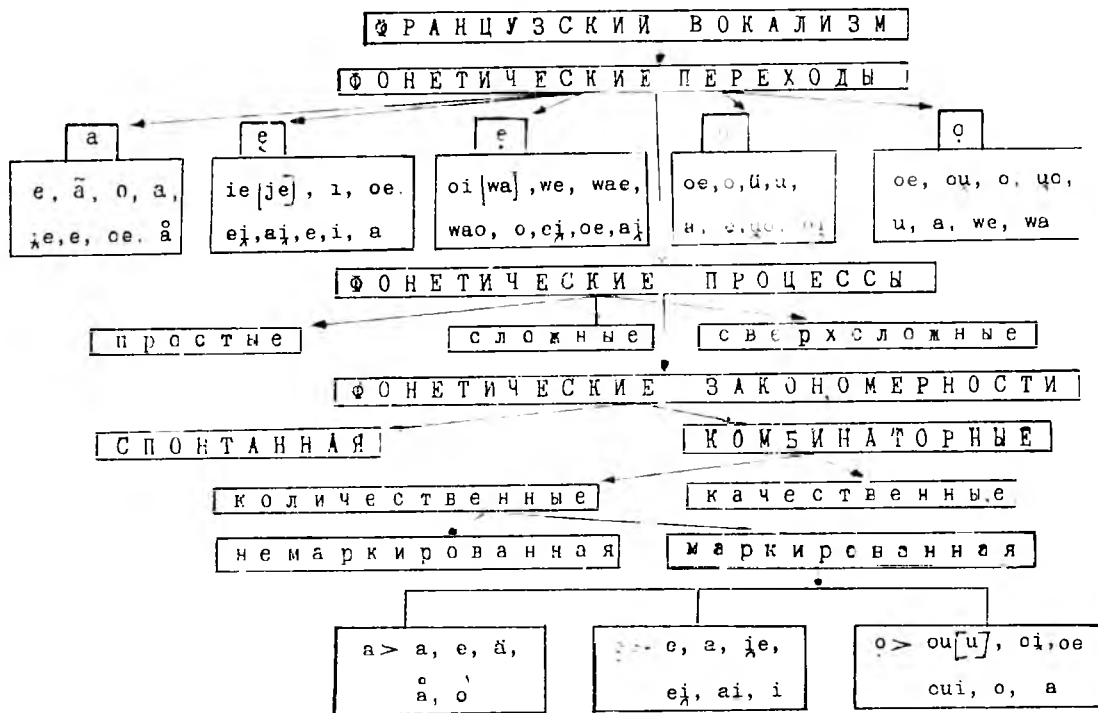
с такими фонетическими процессами, как сужение и расширение, в частности, в лотарингском и бургундском диалектах: *fèrri* > *fei*, *tèrra* > *faira*, в некоторых говорах Верхней Бретани: *fèsta* > *feit*, частично в Нойенбурге: *vèspèra* > *veiprò*, а в говорах Фрибурга ведущим оказался процесс сужения, что привело к рефлексу *i* (*e* > *i*): *fèsta* > *fite*, *tèsta* > *tite*.

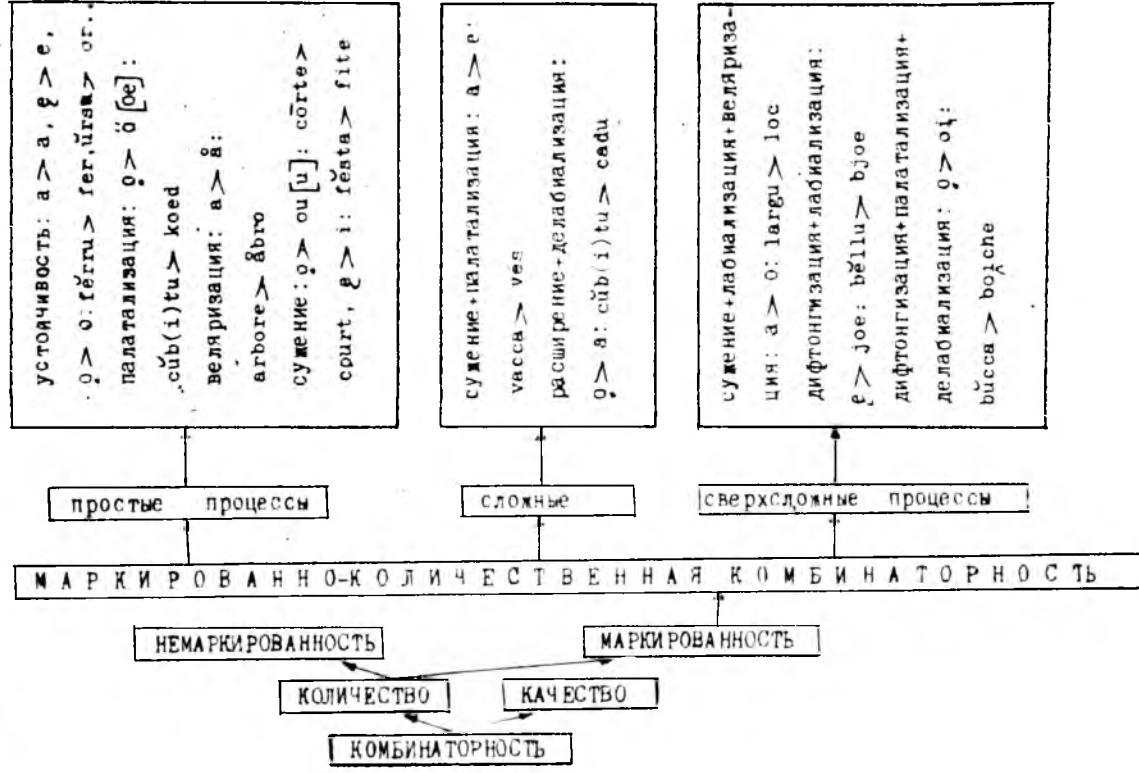
Для гласного заднего ряда о маркированная комбинаторность приводит к *ou* [u] (*cōrte* > *court*, *tōttu* > *tout*). Бургундский же диалект здесь представляет своеобразные рефлексy в виде *oui*, *oi*, где выступают уже черты процесса

делабиализации, связанной с палатализацией: *bùssa* > *boiche*, *mùssa* > *moùiche*⁶. Если для предыдущих гласных сохранение гласного являлось основной тенденцией, то в эволюции гласного о это явление в плане маркированной комбинаторности представляется чисто диалектным. Ср. в бургундском диалекте: *gùtta* > *gôt*, в лионском говоре: *bùssa* > *bochi*, в Невшателе: *ÿrsu* > *or*, в говорах Верхней Бретани: *ÿrpta* > *rot*. В других областях Франции проявление данной комбинаторности связано с процессом палатализации. Так, частично в пикардском диалекте и в некоторых говорах франкопровансальских диалектов, в частности, Фур (деп. Ду), Клерво (деп. Юра): *cùb(i)tu* > *cobede* > *code* > *coude* > *koed*, *dùlce* > *dolce* > *douz* > *dous* >

> *dō* [doe], *mùssa* > *mös*. Конечной ступенью рассматриваемой комбинаторности оказывается расширение гласного (о > а) в говорах Фрибурга, сопутствующим процессом здесь выступает делабиализация: *cùb(i)tu* > *cadu*.

Таким образом, путем более углубленного анализа фонетических переходов мы сделали попытку выделить простейшие абстрактные отношения в виде фонетических закономерностей, в частности маркированной комбинаторности, которая неразрывно связана с тем или иным фонетическим процессом, формами и т. п. В результате такого подхода оказалось, что именно диалектные материалы представляют мно-

гообразие отношений (см. схему 1). Например, если в эволюции гласного о в общенародном французском языке в плане маркированной комбинаторности характерным является такое абстрактное отношение как сужение, то в диалектном развитии мы фиксируем простой процесс палатализации ($o > > oe$), сложный — расширение + делабиализация ($o > > a$) и сверхсложный фонетический процесс — дифтонгизация + сужение + делабиализация ($o > oi$), которые и должны служить для выведения типов фонетического развития гласных.

Каждое из выведенных простейших отношений (закономерностей) представлено на первом этапе изолировано, в чистом виде, т. е. характеризуется лишь как продукт проведенного анализа. В действительном фонетическом развитии, однако, все эти простейшие абстрактные отношения выступают не в чистом виде, а в синтетическом соединении с другими простейшими отношениями (процессами, формами и т. п.). Отсюда для того, чтобы выяснить роль рассмотренной маркированной закономерности в реальном фонетическом развитии, исследование должно идти в обратном направлении — от выделенных абстрактных отношений к конкретному целому. В основе этого движения в нашем материале лежит простейшее абстрактное отношение — понятие комбинаторности, из которого мы выделяем понятия качества и количества. Последнее выведено из количественной комбинаторности, представленной маркированной комбинаторностью. Этот переход приводит нас к установлению типа фонетического развития рассмотренных гласных — маркированно-количественной комбинаторности (см. схему 2).

¹ Sütterling L. Zur Kenntnis der heutigen picardisch-französischen Mundarten // ZRPh. Halle, 1902. S. 290.

² Haefelin F. Die Neuenburger Mundarten. Berlin, 1874. S. II.

³ Hrkal E. Die Mundart von Clairvaux. Wien, 1902. S. 2.

⁴ Haefeli F. Les Patois romans du canton de Fribourg. Leipzig, 1879. P. 13.

⁵ Sütterling L. S. 249; Bruneau Ch. Etude phonétique des Patois d'Ardenne. Paris, 1913. P. 150.

⁶ Philippon E. Les parlers du duché de Bourgogne aux XIII-e et XIV-e siècles. — Romanis. Paris, 1910. T. 39. P. 523.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В. А. ЛИСИЦКОГО И НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОЛДАВСКОГО РУКОПИСАНИЯ

В обширном научном наследии В. А. Лисицкого значительное место занимает изучение языковых явлений в диахронии. Как известно, вопросам сравнительно исторического анализа балкано-романского вокализма посвящена докторская диссертация ученого, где он методологически обосновал свою исследовательскую позицию следующим образом: «Широкое общероманское исследование закономерностей вокализма требует... внесения в анализ категории исторического и логического. Действительные отношения вокализма различных языков и диалектов рассматриваются в диссертации как исторические и противопоставляются резюмирующим их и передающим существенные для языка в целом (соответственно для балкано-романского вокализма в целом) логическим отношениям...»¹.

Обозначенная здесь проблема соотношения категорий исторического и логического применительно к языковым явлениям найдет более углубленную и развернутую характеристику в последующих трудах Лисицкого. Обратимся, однако, к его работам, предшествовавшим написанию докторской диссертации. Многие научные идеи, высказанные ученым на этом подготовительном этапе накопления фактического материала (в том числе и молдавского), до настоящего времени не утратили своей актуальности и обладают большим творческим потенциалом, в значительной мере еще не реализованным.

В ранней статье, посвященной проблемам исторической фонетики молдавского языка, Лисицкий затронул вопрос о роли и значении (наряду с данными диалектологии) письменных памятников как источников по истории языка. Ученый констатировал, что с точки зрения источниковедения молдавист находится в более сложной ситуации, нежели другие романисты. Так, во французской филологии обилие письменных памятников разных эпох, включая самые древние, «...позволяет не только установить последовательное развитие звуков на протяжении многих веков, но и проследить ряд слож-

ных процессов, показывающих постепенное проникновение различных черт народно-разговорного языка в литературный», чего нельзя сказать о состоянии молдавского источниковедения. И тем не менее, подчеркивает Лисицкий, лингвистическое исследование молдавских письменных памятников «дало уже, как известно, весьма важные сведения по исторической фонетике... Письменные памятники познакомили нас, в частности, с такой (исчезнувшей теперь) чертой молдавской фонетики, как ротацизм Н. Несомненно, что и при дальнейшем сравнительно-историческом изучении текстов молдавысты смогут найти интересные материалы по исторической фонетике»² (добавим: и не только по фонетике, разумеется). Попыткой восполнить некоторые «белые пятна» в изучении молдавских письменных текстов прошедших веков и является настоящая статья, конечная цель которой — привлечь внимание специалистов к отдельным специфическим приемам лингвистического анализа, связанным с изучением языковых явлений в их историческом развитии и основанным на материале неизвестных ранее источников³.

Прежде всего это касается такого практически неизученного источниковедческого пласта, как молдавские читательские пометы на древних книгах, рукописных и старопечатных. Напомним, что впервые вопрос о научной (главным образом исторической) ценности читательских записей поставил в 1958 г. академик М. Н. Тихомиров, изучивший под этим углом зрения книжное собрание Чудова монастыря. С тех пор появился ряд специальных работ, посвященных читательским припискам — маргиналиям. Однако они носят главным образом историко-культурный, а не лингвистический характер. В качестве примера укажем, в частности, что Б. В. Сапунов собрал около трех тысяч читательских записей, посвященных вопросу о стоимости рукописной книги в Древней Руси⁴. На молдавском материале изучение приписок вообще не проводилось.

Это связано отчасти с тем, что сам процесс выявления маргиналий сопряжен с кропотливым и внимательным трудом, ибо практика показывает, что они бывают расположены в самых разных местах книги: мы находим их на внутренней стороне верхней крышки переплета, в конце текста, на полях, на чистых листах, в виде так называемой скрепы — по нижнему полю ряда листов и т. д. Следовательно, чтобы обнаружить читательские записи, необходимо полистное изучение многих и многих текстов. Еще сложнее процесс расшиф-

ровки текста маргиналий, датировки почерка, раскрытия лигатур. Некоторые записи оказываются частично утраченными, оборванными, обожженными, стертыми. Все это затрудняет лингвистический анализ. Само собой разумеется, что воспроизводить записи следует с сохранением орфографии и пунктуации писцов, так как именно то или иное отступление от литературной нормы может оказаться чрезвычайно информативным для историка языка. В этом плане маргиналиями не следует пренебрегать даже тогда, когда они представляют собой всего лишь «пробу пера», т. е. запись какого-нибудь одного случайного слова.

Более ценными оказываются владельческие и вкладные записи, которые обычно содержат не только имена людей, хранивших книгу, но и множество молдавских ойконимов: наименований населенных пунктов, где проживал владелец, монастырей, которым делался вклад, иными словами, это богатейший материал по молдавской топонимике и ономастике, пока еще не осмысленный специалистами. Наибольший интерес с лингвистической точки зрения представляют развернутые молдавские записи на старых книгах. Значительное число их обнаружено нами, например, на рукописном конволюте «Духовничаскэ деприндере» («Приобщение к святости») и на экземпляре первопечатной молдавской книги «Казания» (молдавский перевод «Учительного евангелия»).

Тематический диапазон выявленных записей достаточно широк. Они повествуют о холерном бунте и землетрясении, о солнечном затмении и небывало богатом урожае, дают советы из практики народной медицины, фиксируют фольклорные тексты и т. д. Некоторые записи начинаются традиционным летописным зачином «Ын штиинцэ сэ фие...» («Да будет известно...»), другие, напротив, изобилуют просторечной лексикой и фразеологией. Именно такие записи, сделанные преимущественно представителями социальных низов, сохраняют и доносят до нас драгоценные черты молдавской разговорной речи прошлых веков, ее живые интонации, особенности синтаксического строя, диалектизмы и т. д.

С точки зрения социолингвистики прошедших эпох небезынтересна, например, запись на экземпляре «Казаний» о солнечном затмении в восприятии писавшего: «Ау мынкат соареле выркулачий» («Съели солнце выркулаки»). Выркулак, или вырколак, — просторечие, обозначающее фантастическое злое существо, нечто вроде упыря, вурдалака. Напомним, что согласно древним языческим представлениям

многих европейских народов, солнце в случае затмения «съедал» волшебный зверь; у славян, например, это был мифический «волкодлак». Мотив «съедания» солнца зафиксирован в Ипатьевской летописи, где по поводу затмения, происшедшего 1 мая 1185 г. (того самого, которое отображено в «Слове о полку Игореве»), сказано: «Погибло солнце и было как месяц, о чем говорят невежды — съедаемое солнце».

Завершая разговор о работе лингвиста с маргиналиями, следует сделать еще одну оговорку, а именно: наличие подобных записей, с точки зрения современного читателя, кощунственно портящих книгу, не должно ни в коем случае смущать или шокировать специалиста, которому необходимо учитывать специфику психологии писцов. Е. М. Апанович, отмечая, что книга чрезвычайно высоко ценилась в прошлые века как культурная и материальная ценность, специально подчеркивает: «...записи на книгах, иногда весьма обширные, отнюдь не были результатом какого-либо неуважительного отношения к книгам. Напротив, книгу тщательно берегли, в одной семье ею могли владеть несколько поколений, именно поэтому на книгу смотрели как на надежное место сохранности записи, которую делали, как отмечалось в некоторых из них, «для памяти»⁵.

Следующая проблема, которая также заслуживает, на наш взгляд, самого пристального внимания, касается поздней рукописной книги и ее места в системе методов и приемов лингвистического анализа. Вопрос о научной значимости позднего рукописания стал подниматься сравнительно недавно; вплоть до начала 70-х гг. рукописание XVII—XVIII вв. негласно признавалось анахронизмом на фоне развития книгопечатания и поэтому игнорировалось исследователями, в том числе и специалистами по истории языка. Некоторый поворот наметился лишь после всесоюзной конференции «Рукописная и печатная книга. К проблеме взаимосвязей» (Москва, 1973). Осмысляя итоги этого крупного научного форума, одни из ведущих специалистов в области истории книги С. П. Луппов писал: «В докладах на конференции, касавшихся исторического развития книги в разные эпохи и в разных странах, был отмечен общий факт: рукописные книги и после изобретения книгопечатания продолжают существовать наряду с печатными книгами и даже успешно конкурируют с ними, утрачивая свое значение лишь постепенно, в связи с успехами книгопечатания. Это явление наблюдалось не только в России, но и в западноевропейских странах. Имеющиеся дан-

ные, как нам представляется, позволяют уже в настоящее время говорить о наличии этой закономерности, присущей истории книги»⁶.

Факты и разыскания подтверждают, что указанная закономерность была характерна и для Молдавии. В значительной мере это объясняется непростой судьбой книгопечатания в крае. Тот, говоря современным языком, «информационный голод», который не могла полностью удовлетворить печатная книга, собственная и привозная, продолжала «утолять», в меру своих сил и возможностей, испытанная веками книга рукописная. Такое положение дел, при котором молдавская рукописная и печатная книги мирно сосуществовали, взаимно дополняя друг друга, сохранялось достаточно долго; условно его хронологические границы можно обозначить между 1643 (год введения книгопечатания в Молдавии) и 1812 г. (год присоединения Бессарабии к России, когда издательское дело начало активно развиваться в крае, а с представителями русской армии и администраций в Бессарабию хлынул поток печатной продукции).

В указанный период рукописная книга продолжала жить полноценной жизнью, по традиции фиксируя и сохраняя не только своеобразную манеру кирилловского уставного письма (так называемый «извод молдовенеск», или «молдавский извод»), но и — что гораздо важнее с точки зрения рассматриваемой проблематики — существенные черты древнемолдавского языка. Убедительным подтверждением сказанного представляется деятельность Паисия Величковского, просветителя и книжника второй половины XVIII столетия, который в отдаленных молдавских монастырях Драгомирна, Секул, Нямц организовал настоящие книгописные мастерские, восходящие к древним скрипториям. А. И. Яцимирский, филолог и краевед-молдаvist конца XIX — начала XX в., описал *de visu* одну из Паисиевых библиотек — Нямецкую (точнее, ту ее часть, которая уцелела после разрушительного пожара монастыря в 1862 г.). В этом уникальном собрании ученый обнаружил около одной тысячи рукописей на молдавском, еллинском, греческом, латинском, итальянском, немецком, еврейском, арабском, турецком, сирийском, польском и французском языках⁷. Однако наибольший интерес представляют 76 рукописей, созданных самим Величковским и его непосредственными учениками. Школа рукописания Величковского, лингвистическая культура этого переводчика-полиглота представляют собой интереснейший феномен с точ-

ки зрения сравнительно-исторического изучения многих языков. Между тем наследие легендарного «старца» до настоящего времени не только не стало объектом специального углубленного анализа, но даже не выявлено в полной мере и рассеяно по различным книгохранилищам страны. Большая, но вместе с тем безусловно плодотворная работа по его изучению еще впереди.

Живые традиции рукописания (и, соответственно, множество архаических форм языка) в XVIII в. сохранялись в различных молдавлахийских монастырях, в частности в Воронежском. Об этом красноречиво свидетельствует обнаруженный нами в академической библиотеке Молдавской ССР рукописный «Помелник» («Поминальник»), значительно расширяющий современные представления о книгописных традициях Молдавии эпохи феодализма. Книга в хорошем состоянии, переплетена в доски, обтянутые тисненой кожей. По предисловию рукопись датируется 1775 годом. Из текста предисловия следует, что в монастыре Воронеж издавна хранился рукописный «Поминальник», созданный здесь же, в этом монастыре, на славянском языке в лето от сотворения мира 6996 (т. е. в 1487—1488 гг.). Однако сейчас, в 1775 г., решено осуществить перевод старинной славянской рукописи на молдавский язык и переписать заново, так как тот, прежний «Поминальник» уже весь исписан «от доски до доски» («дин скиндурэ пынэ ын скиндурэ»).

Далее сказано, что для осуществления перевода в монастырь Воронеж был специально приглашен архимандрит Варфоломей Мазерянул, трудами которого и создан молдавский вариант рукописной книги («прин остенияла мулт пэкэ-тосулуй Архимандрит Варфоломей Мазерянул»). Таким образом, книга раскрывает новую для нас страницу творческой биографии одного из самых просвещенных людей Молдавии XVIII в. Затем в предисловии подробно описывается структура книги и те изменения, которые решено было внести в нее по сравнению с прежней. В заключение игумен Макарий, подписавший предисловие («Макарий, игумен Воронецулуй»), обращаясь к читателю, просит не забыть труды, принятые создателями «Помелника».

В книге помещен и перевод предисловия первого, славянского «Поминальника», в котором сообщается, что книга начата в год основания новой церкви, выстроенной у речки Воронеж в 6996 г. Создатели книги обращаются к потомкам с просьбой продолжить начатый ими труд и делать его от ду-

ши, ибо того, кто будет лениться записывать в книгу или же испортит ее, постигнет кара в день Страшного Суда. Таким образом, второй рукописный «Поминальник» монастыря Воронеж явился как бы исполнением 300 лет спустя завещания далеких предков, продолжением их труда, их бережного и уважительного отношения к рукописной книге.

Для историка языка эта рукопись содержит богатую информацию. Помимо двух упомянутых предисловий, в книге имеется множество данных по исторической ономастике; в частности, в нее включен поминальный перечень всех молдавских господарей, где первым числится легендарный основатель Молдавии Драгош, а последним — Григоре Гика Александр. Любопытно также упоминание о пребывании русских войск в Молдавии в 1769 г., т. е. во время одной из русско-турецких войн. В этой книге все заслуживает углубленного лингвистического изучения — от лексики до орфографии. В целом можно сказать, что к молдавскому книгописанию типологически применимо заключение, которое было сделано М. В. Кукушкиной в результате многолетнего исследования монастырских библиотек русского Севера: «...в монастырях книга активно использовалась не только в культовых целях, но была духовной ценностью, источником знания»⁸. Источником знания продолжает оставаться каждая сохранившаяся рукописная книга и в наши дни. Воронежский «Поме́льник» — яркое тому доказательство.

В посмертно опубликованной теоретико-методологической работе В. А. Лисицкого читаем: «Одна из важных перспектив науки о языке ... на наш взгляд, состоит в том, чтобы общеметодологические проблемы и категории (например, система языка, синхрония и диахрония, учение о знаковой природе языка) интерпретировались на базе таких принципов, которые прошли бы предварительную проверку в процессе исследования конкретных языковых явлений. Дальнейшее приложенное усилие именно в этом направлении представляется одной из ведущих непосредственных задач языкознания»⁹. Нам представляется, что «процесс исследования конкретных языковых явлений», названный ученым в качестве «одной из ведущих непосредственных задач языкознания», станет более полным, аргументированным и разносторонним, если активно и методически грамотно включить в него те источниковедческие материалы, о которых шла речь в настоящей статье.

¹ Лисицкий В. А. Вопросы сравнительно-исторического изучения балкано-романского вокализма: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1961. С. 8—9.

² Лисицкий В. А. Насущные вопросы исторической фонетики молдавского языка // *Вопр. языкознания*. 1954. № 1. С. 87—88.

³ Статья обобщает данные источников, обнаруженных автором в фондах библиотеки Академии наук МССР. История этого книжного собрания сложилась таким образом, что в него попало значительное число рукописей и печатных книг, созданных и обращавшихся на территории Молдавии эпохи феодализма. Подробнее о коллекции раритетов ЦНБ АН МССР см. в наших работах: *Книги гуманитарного цикла XVI — первой половины XIX в. в Молдавии* // *Книга в России до середины XIX в.* Л., 1978; *К вопросу о составе фондов старейших монастырских и светских библиотек Молдавии* // *Из истории библиотечного дела и библиографии*. М., 1979; *Редкие книги академического собрания Молдавии*. Кишинев, 1981.

⁴ См.: Сапунов Б. В. *Книжная культура Древней Руси*: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1975.

⁵ Апанович Е. М. *Записи на рукописных книгах ЦНБ АН УССР* // *Проблемы рукописной и печатной книги*. М., 1976. С. 78—79.

⁶ Луппов С. П. *История книги как комплексная научная дисциплина* // *Проблемы рукописной и печатной книги*. М., 1976. С. 8.

⁷ См.: Яцимирский А. И. *Славянские и русские рукописи румынских библиотек*. М., 1905.

⁸ Кукушкина М. В. *Монастырские библиотеки Русского Севера*. Л., 1977. С. 13.

⁹ Лисицкий В. А. *Философские методы и лингвистические приемы исследования*. Воронеж, 1978. С. 79.

СОДЕРЖАНИЕ

Стернин И. А. Общелингвистические проблемы в трудах профессора В. А. Лисицкого	3
Попова З. Д. Философская методология и лингвистический метод	13
Муштенко Г. А., Костричёнко Л. Ф. Диалектический метод познания и практика лингвистического анализа	21
Павел В. К. Лингвогеографические методы исследования номинации	27
Бородинна М. А. Категория пространства и времени в лингвогеографических исследованиях	34
Виноградов М. Ф. Контрастивные исследования и лингвистическая теория	39
Кулинич М. А., Виноградова Л. И. Сопоставительный анализ в антропонимике	45
Кузнецова Л. И. Сопоставительнo-семантический анализ сравнений как метод выявления национальной специфики слова	50
Коновалова Т. В. Метод обратного перевода как инструмент анализа лексического значения слова	60
Стернина С. Г. Метод обратного перевода как прием выделения лексико-семантической группы	71
Малкина Н. М. О методе исследования смыслового содержания синтаксического аппозитивного отношения	78
Ильвес Л. В. К внутренней структуре аналитического слова	84
Артеменко Л. Б. Семантический анализ участка частотного словаря французского разговорного языка	89
Нукалова В. И. Опыт исследования эмоциональных значений	96

Велла Т. М. О соотношении формального и содержательного планов при выражении предположительной модальности в современном французском языке	103
Васильченко А. П. Специфика атрибутивных отношений в определительных пропозитивных конструкциях французского языка	109
Янош З. П., Дмитришина Г. А. Опыт анализа структурно-семантических отношений в синтаксических конструкциях французского языка	114
Рылов Ю. А., Петровская С. О. Обособление обстоятельственных компонентов в испанском предложении	122
Титов В. Т. О коммуникативном подходе к изучению модальности предложения	129
Бунтман Н. В., Алисова Т. Б. Стилистические функции местоимения в тексте	136
Присяжнюк А. Я. О маркированной комбинаторности в эволюции некоторых французских ударных гласных	142
Клейман Р. Я. Научное наследие В. А. Лисицкого и некоторые лингвистические аспекты молдавского рукописания	149

**МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
В ОБЩЕМ И РОМАНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ**

*Межвузовский сборник
научных трудов*

Редактор М. Ф. Васильева
Обложка С. А. Бурсовой
Художественный редактор Л. А. Клочков
Технический редактор Ю. А. Фосс
Корректоры А. В. Турчанинова, Г. И. Старухина

ИБ № 1548. Сдано в набор 02.09.87, Подп. в печ. 14.01.88.
ЛЕ00023. Форм. бум. 60x84/16. Бумага типографская № 3.
Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 9,3. Усл.
кр-отт. 9,5. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 600. Заказ 1494, Цена
1 р. 40 к.

Издательство Воронежского университета
394000. Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8
Типография издательства ВГУ.
394000. Воронеж, ул. Пушкинская, 3